ДМИТРИЙ ВЕРХОТУРОВ

СТАЛИН

Экономическая революция

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
В 365

Серия основана в 2005 году

Художник *В. Ковригина*

Верхотуров Д. **Н.**

В 365 Сталин. Экономическая революция. — **М.: ОЛМА-ПРЕСС,** 2006. — 352 с. — (Загадки истории).

ISBN 5-224-05404-4

В книге исследуется сталинская эпоха с позиции экономики, а не с идеологической точки зрения, характерной для современной историографии. Автор развенчивает устоявшиеся и формирующиеся мифы о сложном периоде в истории нашего Отечества, анализируя на основе архивных документов как позитивные, так и негативные последствия сталинского плана превращения России в индустриальную державу.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 5-224-05404-4

История есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека.

К. Маркс

Глава вводная

ПОНЯТЬ ПОЛИТИКУ СТАЛИНА

Сталинская тема будоражила российское общество вот уже более пятнадцати лет. После долгого замалчивания жизни и деятельности Сталина, плотина молчания была прорвана, и в конце 80-х годов XX века на тогда еще советское общество обрушился настоящий поток откровений.

Чего там только не было, в этих откровениях! Что будто бы Сталин убил свою жену, Надежду Аллилуеву. Что будто бы он был марионеткой в руках евреев, которые правили Россией. Что он был болезненно подозрительным человеком и организовал репрессии только лишь из страха за свою власть. Много говорилось о том, что Сталин был совершенно неспособен управлять страной, и из его политики ничего толкового не получилось.

Появился целый жанр публицистики и исторической литературы, в которой главной темой был Сталин и его «преступления». Трудно как-то точно назвать этот своеобразный жанр. Назовем его условно «обличительной» литературой. Обличительной потому, что подлинно документальный и взвешенный разбор сталинской политики там не проводился. Авторы ставили перед собой другую цель — ниспровергнуть Сталина.

Читать эту обличительную литературу с точки зрения сегодняшнего дня достаточно трудно. За прошедшие с того времени полтора десятилетия российское общество много передумало о Сталине и его времени и изменило некоторые оценки. Теперь отношение к нему стало более взвешенным, и теперь уже Сталин — это не «тиран» или «преступник», а скорее государственный деятель, руководитель государства, чью деятельность трудно оценить както однозначно.

Как обличали Сталина

Авторы, писавшие в этом обличительном жанре, ставили перед собой цель ниспровержения Сталина и в этом не останавливались ни перед чем. Стоит немного напомнить, что тогда говорилось о Сталине, о его политике.

В качестве примера возьмем сборник «Суровая драма народа», выпущенный издательством «Политиздат» в 1989 году, и разберем кратко несколько статей. Вот, к примеру, выступает Агдас Бурганов, представивший статью «История — мамаша суровая...».

Чего мы ждем от историка? Мы ждем профессионального рассказа о событиях прошлого. Но вот с чего начинается статья Бурганова:

«И все же: какая улица ведет к храму? Игорь Клямкин в своей интересной, потому и небесспорной, насыщенной эмоциями статье[1] не ответил на поставленный им же вопрос. Пора бы, однако, от эмоций перейти к научной постановке вопроса, кстати сказать, далеко не праздного. Ибо, с одной стороны, речь идет о том, был ли неизбежен тот путь, по которому мы прошли, с другой — по какому пути, по сути, а не по заявлениям, мы сможем прийти к цели, к социализму, построенному в соответствии с теорией, стратегией и тактикой научного коммунизма» [1. С. 29].

Однако историка сразу же понесло в высокие материи, в научный коммунизм. Бурганов научно ставит вопрос о том, как построить в соответствии с теорией, стратегией и тактикой искомый социализм. Почему бы ему такой вопрос не поставить? Его поставить можно. Но тогда он утрачивает право говорить от имени исторической науки, поскольку таковая никогда перед собой не ставила цели строительства коммунизма. Цель исторической науки — изучение истории, а не строительство чего бы то ни было.

Далее историк Бурганов пишет:

[1] Речь идет о публикации И. Клямкина «Какая улица ведет к храму» в «Литературной газете».

«Что касается того, был ли возможен иной ход нашей истории, тут, думается, нет двух мнений: был! Иначе надо становиться на фаталистическую точку зрения» [1. С. 29].

Одним словом, он собрался привлечь для ответа на научно поставленный вопрос о строительстве социализма в соответствии с теорией научного коммунизма рассуждения об альтернативной истории. Рассуждения типа: «что было бы, если было бы...».

Становится непонятно, от имени какой науки говорит Бурганов: истории или научного коммунизма? И наши сомнения углубляет следующий пассаж его статьи:

«Рассуждения о неизбежности в конце 20-х годов отказа от нэпа и проведения коллективизации крестьянства, о том, что иного решения быть не могло, требуют ответа на некоторые вопросы. Какое положение научного коммунизма обосновывает необходимость разорения, массового голода, невиданных страданий трудящегося крестьянства, насилия над ним как условия строительства социализма? Почему они (нэп и колхозы) не могли сосуществовать, пусть бы и соперничая друг с другом, почему непременно они исключают друг друга?» [1.С. 30]

Странное заявление для историка. Историки обычно апеллируют к документам, к историческим источникам, к историографии, но не к научному коммунизму.

И потом, любой советский историк знает, что колхозы были впервые созданы еще в 1918 году в довольно большом числе. Они пережили Гражданскую войну, потом вошли в нэп, и вплоть до начала 30-х именно сосуществовали с единоличным крестьянским хозяйством. Это — исторический факт, который был Баргановым выпущен из внимания.

Историк на месте Бурганова несомненно бы поставил конкретный вопрос: в чем суть политики коллективизации (коль скоро она затронута), как она проводилась, какие этапы прошла и чем закончилась. И только потом, после обстоятельного, основанного на документальных сведениях исследования, он сделал бы необходимые выводы. От конкретного исторического знания историк подошел бы к масштабным обобщениям.

Статья Бурганова идет по прямо противоположной логике. Он сразу же начинает с постановки масштабной задачи — построения социализма по теории научного коммунизма, ни больше, ни меньше. Но, назвавшись историком, он вынужден апеллировать к историческим фактам. Делает он это, мягко скажем, не лучшим образом. Задав вопрос, почему крестьянство примирилось с коллективизацией, Бурганов отвечает:

«Нет сомнений, что обстоятельство могло играть некоторую роль в поведении части крестьянства, но оно не могло быть определяющим. Решающим было вовсе не то, что крестьянство будто бы предпочло кулацкой эксплуатации коллективное разорение и голод... Решающим в определении поведения крестьянства была его раздробленность. Этот класс «образуется простым сложением одноименных величин, вроде того, как мешок картофелин образует мешок с картофелем» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. С. 207—208). Именно поэтому сельское население не может предпринять успешного самостоятельного движения. По этой причине наше крестьянство не было способно организованно и действенно сопротивляться методам коллективизации» [1. С. 30].

Мысль его понятна. Крестьянство было раздробленным, сопротивляться не могло, и от этого все беды. Но это рассуждения не историка. Историк, выдвинув такую мысль, тут же доказал бы ее документально, приведя конкретные примеры попыток организации крестьянского сопротивления, которые окончились неудачей. Привел бы цифры и данные, которые бы этот процесс характеризовали. И не стал бы в этом вопросе апеллировать к фразе из Маркса.

Или вот еще пассажи такого же рода:

«Скорее наоборот: молодой рабочий класс, горящий революционным нетерпением, явился некой опорой как раз для усиления не знающей меры торопливости — ярко выраженной черты характера Сталина. Последний использовал незрелость рабочего класса для противопоставления крестьянам. На них навесили ярлыки кулака и подкулачника, и таким образом было как бы оправдано форсирование индустриализации страны за счет ограбления крестьянства.

Социальной опорой левацкой политики Сталина была мелкобуржуазность общества, беднота города и деревни...» [1.С. 31].

Историк, даже если он выдвигает такие мысли, обязательно постарается их доказать. «Молодой рабочий класс» — вот, в таком-то году лиц до 25 лет было столько-то процентов. Выходцев из деревни и имеющих стаж до года — столько-то процентов, от года до пяти лет — столько-то процентов, свыше пяти лет стажа — столько-то процентов.

«Торопливости — ярко выраженной черты характера Сталина», — вот свидетельства очевидцев, которые утверждают и показывают на примерах, что Сталин принимал необдуманные и поспешные решения. Здесь Бурганов пошел против факта. Все люди, когда-либо работавшие со Сталиным и оставившие воспоминания, говорят о прямо противоположной черте характера Сталина: неторопливости в решениях, обдуманности, внимании к мелочам и деталям.

«Социальной опорой», — вот сведения о составе партии, начиная с 1922 года, вот как менялся состав партии от съезда к съезду, вплоть до XIX съезда КПСС. Рабочих — столько-то процентов, крестьян — столько-то процентов, и так далее.

Вот это — подход историка. Если такие доказательства собраны и приведены, то придется с его мнением согласиться или же оспаривать приведенные им факты.

Бургановский же подход — это не исторический подход. Это подход ученого по научному коммунизму, который решает все вопросы умозрительным путем с опорой на сочинения классиков.

А это означает, что в позиции Бурганова есть существенное противоречие. Он назвался историком и поднял в заглавие фразу Ленина об истории, но под видом исторического подхода проталкивает подход, на деле с историческим ничего не имеющий.

Дальше Бурганов начинает спорить со сторонниками сталинских методов и доказывает им, что эти методы будто бы оказались несостоятельными. Он доказывает, что лучше было бы держаться методов Ленина. Ведь он так много говорил и писал о необходимости мудрой политики и рачительного хозяйствования:

«...у него нет и намека на необходимость форсирования индустриализации за счет сверхэксплуатации крестьянства, зато прямо сказано о необходимости сохранить его доверие к рабочему классу ценой мудрого хозяйствования, недопущения излишеств в госаппарате и еще многого другого, что было проигнорировано Сталиным» 11. С. 32].

Бурганов, должно быть, хотел написать, что нужно сохранять доверие крестьянства, нужно вести мудрое хозяйствование, нужно не допускать излишеств в госаппарате. Но во фразе получилось нечто противоположное. Написано, что нужно сохранить «доверие крестьян *ценой* мудрого хозяйствования» и всего остального. То есть нужно этим пожертвовать, так выходит по смыслу фразы.

Вот так оговорка! Она стоит всей статьи. Что же: «написано пером, не вырубишь топором».

Кстати, каждый историк знает эту пословицу, и если он историк добросовестный, то лишний раз перестрахуется, чтобы не допустить таких досадных ляпов. Это обстоятельство лишний раз доказывает нам, что Бурганов совершенно напрасно назвался историком.

Если какой-то историк занимается историей хозяйства, то он тщательнейшим образом исследует материалы и статистику и на время исследования, по сути, превращается в экономиста. Он делает выводы только на основании собственного исследования документов и статистических материалов и при изложении обильно их использует. Но Бурганов пошел и здесь отличным от общепринятого путем:

«Я присоединяюсь к выводам экономиста О. Лациса: «Практика показала, что для реального повышения темпов не нужно и даже вредно подхлестывать и подгонять страну» [1.С. 33].

Он не стал исследовать советское хозяйство сам, а спрятался за широкую спину экономиста Отто Лациса.

«Этот фундамент был бы значительно прочнее, если бы он создавался по-ленински. На искажение ленинских принципов кооперирования крестьянство отреагировало не лучшим для Советской власти образом: массовый забой скота в 1929—1930 годах привел к тому, что в 1940 году ...страна имела крупного скота на 5,5 процента меньше, чем в 1930-м, коров — на 20 процентов, овец — на 22,1, лошадей — на 43 процента. В 1928 году, когда единоличники владели 97,6 процента посевных площадей и 99,5 процента скота, а общая посевная площадь еще не достигла довоенного уровня, страна превзошла по валовому производству сельхозпродуктов 1913 год на 24 процента — оно составило 71,9 млрд рублей. В 1940 году, когда площади посевов превысили 1928 год на 30,4 процента, а основные производственые фонды возросли почти в 12 раз, продукции было произведено лишь на 76,7 млрд рублей, то есть всего на 7 процетов больше. Иными словами, сельское хозяйство ступило на путь экстенсивного, крайне вялого развития» [1. С. 35].

Что нам сообщил Бурганов в этом абзаце? Ничего. Сколько было скота в 1940 году? Бодрый ответ: на 5,5% меньше, чем в 1928 году. Надо от Бурганова потребовать точных цифр, которые выражаются в количестве голов скота, а не в процентах, которые мы бы сами как-нибудь вычислили.

Кстати, маленькая ремарочка: нет такого «крупного скота», есть «крупнорогатый скот». Бурганов плохо знает сельскохозяйственную терминологию.

Советская статистика измеряет сельскохозяйственное производство не в рублях, а в натуральных показателях. Главным показателем является тонна зерна. Но почему же тогда Бурганов приводит данные в рублях? Этого нам не понять, так же как и то, почему историк вдруг заговорил про научный коммунизм.

А между тем, факты историка Бурганова бьют. В 1927 году валовый сбор зерна в СССР составлял 40,8 млн тонн. Из них 0,49 млн тонн собиралось колхозами. В 1940 году валовой

сбор зерна составил 95,6 млн тонн [2. С. 188; 3. С. 377—388]. Прирост производства зерна составил не 7%, как у Бурганова, а 42,6%.

Можно и по коровам сравнить. В 1927 году, по данным сельскохозяйственной переписи, крестьяне владели 29,9 млн голов коров. В 1941 году поголовье коров составило 54,8 млн голов [2. С. 214; 4. С. 342]. Коров оказалось не на 20% меньше, а на 54,5% больше.

Если производство зерна выросло за десять лет на 42,6%, а поголовье коров на 54,5%, то как назвать эту сельскохозяйственную политику? Правильно: успешная.

Теперь понятно, почему Бурганов спрятался за широкую спину экономиста Отто Лациса. Чтобы спастись от разгрома со стороны фактов. Вроде того: «не бейте меня, это он сказал!».

Как назвать такого историка, который искажает исторические факты? Правильно: лжец. «Историк» Агдас Бурганов — лжец, что нами документально доказано.

Есть и другая версия событий. Бурганов — никакой не историк, а всего лишь «ученый» по научному коммунизму. То есть начетчик классиков и собиратель цитат. На историка, особенно историка хозяйства, он никак не тянет. Уровень не тот.

Теперь пройдемся по предмету, которым, должно быть, особенно много занимался Бурганов: по истпарту и научному коммунизму. Мы имеем на это полное право, поскольку сам автор еще в начале статьи подменил историческое рассмотрение проблемы политэкономическим. Большая часть статьи Бурганова — это рассуждения именно на политэкономические темы.

Вот он характеризует процесс формирования ленинской теории построения социализма в России:

«1. Своеобразные, не предусмотренные теорией результаты победы Февральской революции, в частности лишь частичное осуществление идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства... привели к тому, что партия до возвращения Ленина из эмиграции в Россию оказалась не в состоянии определить курс пролетариата на дальнейшее развитие революции в социалистическом направлении...

2. Непоследовательное развитие буржуазной революции в 1917 году, нерешение ею демократических задач привело Ленина в канун Октября к выводу о наличии у русского пролетариата в социалистической революции кроме социалистических еще и демократических союзников в лице всего крестьянства и трудящихся национальных окраин...

3. Ход революции до Октября и после него побудил Ленина пересмотреть теорию войны и мира, резко изменить тактику по отношению к ним...

4. Победа пролетариата в одной только России, гражданская война и иностранная интервенция побудили Ленина внести существенные коррективы в теорию социалистического строительства: сначала вынужденная политика «военного коммунизма», а потом новая экономическая политика в сопряжении с кооперативным планом обеспечили возможность удержаться Советской власти...» [1. С. 42—43].

Бурганов ошибся по всем четырем пунктам. Во-первых, Февральская революция никак не могла принести собой «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства», потому что была нацелена на достижение демократических свобод. Ленин ее так и оценивал, как буржуазно-демократическую. И поддерживал ее, считая такую революцию первой фазой революции социалистической.

Эта позиция Ленина широко известна. Широко известна его теория о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Так что теория здесь не ошиблась. Ошибся здесь Бурганов, чьи взгляды действительно теорией не были предусмотрены.

Ремарка. Партия большевиков и не пыталась между Февральской революцией и приездом Ленина вырабатывать линию. Внимание большевиков, в частности Сталина и Каменева, было направлено на быстрейшее восстановление партии большевиков в легальных условиях. Сталин и Каменев прибыли в Петроград 14 марта 1917 года, а 4 апреля приехал Ленин. За две недели легального положения, впервые

после многих лет подполья, они и не могли выработать какую-то линию. У Сталина с Каменевым было слишком много дел и слишком мало времени. Так что Бурганов ошибся и здесь.

Во-вторых, Бурганов говорит совершенную чушь во втором пункте. Это его заявление рассчитано на людей, которые совсем не знают истории партии. Ленин призывал трудящихся национальных окраин не перед Октябрем, а задолго до него, с начала 1900-х годов. Сталин был как раз представителем «трудящихся национальных окраин».

И о крестьянстве то же самое можно сказать. Ленин активно занимался крестьянским вопросом, начиная с 1886 года. В книге «Развитие капитализма в России» Ленин писал преимущественно о крестьянах, опираясь на подробнейшие статистические данные. И в союзники большевики крестьян звали с 1905 года, когда впервые им пообещали землю.

И в этом вопросе Бурганов бьет мимо цели.

Ошибается Бурганов и в третьем вопросе. От своего главного тезиса в теории войны и мира, о перерастании войны империалистической в войну гражданскую, Ленин и не думал отказываться. Наоборот, он активно занимался претворением этой теории на практике. Брестский мир — это только тактическая уступка. Подписали 2 марта 1918 года, а разорвали 11 ноября 1918 года. Договор этот просуществовал всего восемь месяцев. Не мог он повлиять на Ленина в такой степени, чтобы подвигнуть его на изменение теории войны и мира.

До 1920 года теории социалистического строительства в экономическом смысле у Ленина не было. Он ее только стал создавать в конце 1920 — начале 1921 года. Главный документ ленинской хозяйственной политики после Гражданской войны — план «Гоэлро», который у Бурганова даже не упомянут.

Именно в выступлении по поводу этого плана Ленин высказал свой лозунг экономической политики Советской власти, политики построения нового общества: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны...».

И добавил: «...ибо без электрификации поднять промышленность невозможно» [5. С. 55].

Заявления о том, что будто бы только новая экономическая политика и кооперативный план Ленина составляли суть и содержание его экономической политики после войны — ложь. И то, и другое были важными частями ее. Но центральным звеном ленинской хозяйственной политики был план Государственной электрификации России, который Ленин назвал «второй программой партии». Этим он недвусмысленно дал понять, что он считает главным.

Итак, в вопросе теории ленинизма Бурганов ошибся по всем четырем, выдвинутым им, тезисам. По всем четырем пунктам взгляды Ленина были прямо противоположны тем, какие ему пытался приписать Бурганов.

Далее он пишет о теории социалистического строительства Сталина:

«При Сталине руководство партией и государством осуществлялось на началах догматизма, сектантства и усеченно-извращенного плана социалистического строительства, единоличной власти, в условиях перманентного обострения «классовой борьбы» со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями» [1. С. 46].

Любопытная характеристика. Только вот идет она сразу после заглавия этой части статьи: «Сталинская концепция партии и строительства социализма». На этом месте должна быть постановка проблемы, вопрос типа: «А какая у Сталина была теория социалистического строительства и чем она отличалась от ленинской?»

Но вместо этого — готовый вывод.

Мы его даже обсуждать и опровергать не будем. Мы его просто отбросим на том основании, что автор статьи уже два раза был схвачен за руку на вранье. Его ложь нами была документально доказана.

Снова обвинив Сталина в презрении к народу, в насильной коллективизации крестьян, в больших потерях в войне, уничтожении ленинской гвардии и извращении ленинского плана, Бурганов говорит:

«Прогресс, купленный ценой безнравственности, не может именоваться прогрессом» [1. С. 49].

Вольно ему считать так. Но ведь и Бурганов — коммунист. Не мог профессор в СССР не быть коммунистом. А между тем коммунистическая партия, начиная со своих отцов-основателей и идейных вдохновителей, никогда не руководствовалась в своих действиях и оценках нравственностью и моралью.

Маркс и Энгельс по этому поводу имели совершенно четкое мнение. В «Манифесте Коммунистической партии» они привели такое обвинение против коммунистов:

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т. д., конечно, изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом беспрерывном изменении. К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития».

Маркс и Энгельс дают на это обвинение четкий ответ:

«Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с наследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого» [6. С. 42].

Бурганов, выдвинув в качестве критерия прогресса нравственность, тем самым выступил против идеологии коммунистической партии, членом которой он тогда был.

Это значит, что в эту идеологию он не верит и имеет два мнения. Одно — для своего партийного руководства, а другое — то, которое проводит в своей статье. Это значит, что и он тоже надувал партию, в которой он состоял.

Порвав с идеологией коммунистической партии, Бурганов, тем не менее, берется давать определение коммунизма:

«Перефразируя известные слова Ленина, попытаюсь дать коммунизму следующее определение. Коммунизм (социализм) есть концентрация (сочетание) в себе всего лучшего, то есть человечного, что выработано человечеством на протяжении всей его истории в экономике, политике и культуре» [1.С. 49].

Концентрация — это не сочетание, также как и коммунизм — это не социализм. Но главное не в этом. Бурганов порвал с идеологией компартии и заявил об этом двумя абзацами ранее этого определения. В свете этого обстоятельства что собой представляет попытка «перефразировать известные слова Ленина» и попытка «дать коммунизму следующее определение»? Совершенно верно: ревизия.

Сравните формулу Маркса и Энгельса и формулу Бурганова. Вам станет ясно, что это ревизия и ничего больше.

Бурганов взялся ревизовать марксизм-ленинизм. Для чего? Это понятно. Для того, чтобы приспособить его к своим немарксистским и неленинским взглядам. То есть, не будучи марксистом-ленинцем, замаскироваться под такого.

И напоследок:

«Во имя торжества марксистско-ленинского социализма и в соответствии с методологией научного коммунизма нужно отрицать последовательно все то, что так или иначе есть следствие культа личности» [1. С. 49].

Бурганов отказался от марксизма-ленинизма, от его основных идей, и тем самым утратил право говорить от имени этой идеологии и требовать ее исправления.

Итак, что же у нас вышло в результате этого краткого разбора статьи. А вышло вот что. Мы имеем перед собой человека с немарксистскими и неленинскими взглядами, состоящего непонятно из каких соображений в компартии, который ревизует и подделывает марксизм-ленинизм и научный коммунизм. Этот человек называет себя историком, имеет степень кандидата исторических наук, преподает в высшем учебном заведении. Но он профнепригоден, потому что правил исторического исследования не придерживается и занимается извращением истории Советского Союза, на чем нами был пойман за руку.

Вот в такие «исторические исследования» в конце 80-х годов в СССР верили. Вот таким «историкам» верили на слово.

Можно посмотреть статью экономиста Отто Лациса, за чью широкую спину прятался Бурганов. Историк должен дать объективную оценку историческому развитию Советского Союза, с чем Бурганов не справился. А экономист должен дать объективную оценку экономического развития страны в исторической ретроспективе и объяснить, почему экономическое развитие шло именно так.

Лацис статью начинает так:

«Ну вот мы и вернулись к тому, с чего начинали тридцать с лишним лет назад. К проклятым нашим вопросам. Почему мы строили социализм по-сталински? И могли ли иначе его построить? Не праздное любопытство стоит за этим желанием постичь наше прошлое, за ним — тревога о настоящем и будущем, потому что не сведя счетов со сталинщиной, мы не найдем гарантий против ее повторения, не укрепим доверие новых поколений к социализму, не возродим его авторитет в мире. Мы просто не сможем жить без этого» [1.С. 67].

Многообещающее начало. Вообще-то, экономист, взявшийся критиковать экономическую политику Сталина, должен вначале вопрос поставить: что собой представляла экономическая политика Сталина, как она проводилась в жизнь, и к чему она привела. Но и Лацис тоже, как и «историк» Бурганов, начинает с социализма.

И потом, с самого начала статьи мы можем сказать, что Лацис не настроен на справедливую критику Сталина. Он сразу заявляет, открытым текстом и не таясь, что намерен сводить счеты со Сталиным! Что это нужно-де для поднятия авторитета социализма во всем мире!

Далее Лацис пишет о том, как Волкогонов сказал «всю правду» про Сталина, и о том, что:

«Только в органах НКВД «более 20 тысяч честных людей пало жертвами этой вакханалии беззакония».

Если быть более точным, чем Лацис и процитированный им Волкогонов, то нужно сказать, что в 1937—1938 годах было арестовано и расстреляно 13,4 тысячи человек, а не «более 20 тысяч».

«Вот так: Преступник, бесчеловечности которого нет оправдания. Невозможно придумать худшее: на всех поворотах истории, на каждой ее развилке Сталин избирал для нашего народа путь наибольших издержек и жертв» [1. С. 68].

Мы не удивляемся такой характеристике и не требуем подкрепляющих ее доказательств. Мы прочитали в начале статьи, что Отто Лацис «сводит счеты». Вот, даже слово «преступник» написал с большой буквы.

Лацис спорит с концепцией Игоря Клямкина, изложенной в статье последнего в «Новом мире». Клямкин доказывал, что не было в 30-е годы другого пути построения социализма, чем тот, который был реализован Сталиным. Лацис не соглашается с ним:

«Нет, не удалась и И. Клямкину попытка доказать, что страна наша получила тот путь, какого заслуживала, иного быть не могло. Был иной путь, были сторонники иного пути...

Был иной путь. Почему же он остался только возможностью? Полный ответ на этот очень важный и далеко не академический вопрос потребует немалых трудов, в том числе изучения еще не прочитанных документов. Но некоторые предложения можно высказать уже сейчас. Они связаны с характеристикой не крестьянства, а рабочего класса и его партии, руководства этой партии после Ленина» [1. С. 69].

Странно. Лацис должен был выступить как экономист и раскрыть критически содержание хозяйственной политики Сталина, указать на его ошибки, просчеты и упущения, опыта ради. Но мы видим нечто другое. Лаисис не разбирает экономическую политику, а спорит с публицистом Клямкиным. Лацис главный упор поставил на характеристику партии и его руководства. Экономическая тема отошла на второй план.

Это обстоятельство нас заставляет усомниться в том, что Отто Лацис выступает с позиции экономиста. Он задается вопросом, почему мы строили социализм по-ста-

лински, почему оказался невозможен другой путь развития, и упор в ответ на эти вопросы ставит в характеристике партии рабочего класса и его руководства. А где же экономика?

Мы это уже где-то видели. Точно такое же положение было у «историка» и липача Бурганова. Разбор его статьи мы начали с подмеченного расхождения между заявкой автора и поставленным вопросом статьи, а дошли до вскрытия его неленинских взглядов и ревизии марксизма-ленинизма.

Статья разбита на ряд главок. Главка первая: «Сталин против Сталина».

Лацис ее начинает с рассуждений о том, как отдельная личность не может перевесить в момент резкого неравновесия общественных сил. Мол, восстание в 1917 году было неизбежным, что бы там ни говорили по этому поводу Каменев и Зиновьев. Иное, говорит он, дело, когда сталкиваются противоборствующие тенденции, вот, например, как было при принятии Брестского мира.

«Состояние не очень устойчивого равновесия — притом не на момент, а на длительный период — создавал неизбежно и план перехода к социализму, названный новой экономической политикой. На десятилетия — вплоть до создания нового рабочего класса — преобладающей в стране оставалась крестьянская масса, отнюдь не сознававшая своей заинтересованности в социалистическом будущем...

Избежать связанных с этим опасностей можно было лишь при полном единстве среди „личностей" — верхнего слоя партии» [1. С. 70].

Странную мысль вывел Лацис. По его утверждению, нэп возник из состояния «не очень устойчивого равновесия». По контексту, имеется, должно быть, в виду равновесие социальных сил. Иначе с чего бы это он стал говорить о рабочем классе. Но вот дальше он говорит, что преобладала на десятилетия крестьянская масса, антисоциалистическая в своей основе. Это противоречие № 1.

Противоречие №2. Лацис пишет, что избежать можно было только «при полном единстве среди „личностей"». Значит, спастить можно было от натиска крестьянских масс только вмешательством личностей, составляющих руководство партии. Но ведь он раньше говорил, что:

«Отдельная личность мало что может изменить в моменты резкого неравновесия общественных сил, значительного перевеса одной силы» [1. С. 69].

Итак, перевес крестьянства — налицо. Значит, следуя логике Лациса, отдельная личность мало что может изменить, что документально доказано. Тогда при чем же здесь «единство „личностей"»? Как оно может что-то изменить?

Есть еще противоречие № 3. Если крестьянство преобладает, если оно антисоциалистично, если отдельная личность мало что может сделать при перевесе одной социальной силы, то о каком плане перехода к социализму может идти речь?

Избавиться от этих противоречий можно только таким образом. Нужно что-то отбросить. Или невозможность влияния личности, или антисоциалистичность крестьянства, или заявить, что никакого резкого перевеса его над рабочими не было.

Что же выбрал Лацис?

«Чтобы понять ленинские взгляды на социалистическое строительство, надо особенно внимательно изучать все, что Ленин писал в эти годы: 1921—1923-й. ... А вопросы почти всегда сводились в конечном счете к одной главной проблеме. Это была проблема социальной базы революции. Как дожить до того момента, когда сложится мощный слой рабочих? Как избежать перерождения и прочих опасностей? Ведь мелкокрестьянское хозяйство порождает капитализм «ежедневно, ежечасно». А тонкий слой рабочих стал после войны еще тоньше. Кто убережет его от всепроникающего мелкобуржуазного влияния?

Ответ был только один: убережет партия. А кто убережет партию? ...Два процента — но твердокаменых, с громадным политическим опытом, занявших все ключевые позиции в партии и государстве. Они должны были удержать на рельсах паровоз революции на самом трудном перегоне» [1. С. 71].

Из этой большой цитаты ясно, что Лацис оставил в силе все три своих постулата, не попытался ни один из них дезавуировать. А значит, оставил в силе все три противоречия, присущие его концепции. Это значит, что Лацис запутался на шестой странице своей огромной статьи.

В его статье, выходит, нет логики. Он старался доказать, что руководители партии могли правильным руководством построить социализм. Но это его суждение бездоказательно в силу выявленных нами противоречий.

Из посылок его концепции можно вывести только один вывод, не страдающий противоречиями. Это вывод о том, что социализм стал невозможен еще в начале 20-х годов. Личность ничего сделать не может при перевесе сил, перевес антисоциалистического крестьянства налицо, рабочего класса почти нет. Все — социализм был невозможен, и следует заявить, что мы просто потеряли время.

Если мы признаем Лациса сторонником социализма, то мы должны признать в свете изложенных соображений, что он не владел логикой и запутался в трех соснах. Мы должны признать тогда, что он просто истратил бумагу на изложение своих запутанных мыслей. Если он не владел логическим мышлением, тогда его степень доктора экономических наук — липовая.

Если же мы признаем, что Лацис все же владел логикой, к чему обязывает его степень доктора экономических наук, даваемая за новые достижения в области экономической науки, то мы должны признать тогда, что Лацис был противником социализма, что он состоял в компартии не по убеждениям, а из каких-то других соображений. И должны признать, что в статье «Перелом» Лацис надувал читателя, подсовывая ему негодную концепцию, доказывающую недоказуемое по предложенным посылкам.

Лацис о хозяйстве:

«С 1923 года, когда Ленин отошел от руководства страной, и до конца 1927 года, включая XV съезд, Сталин неизменно стоял на позициях твердой защиты новой экономической политики, начатой Лениным... Он стоял как скала, казалось, оставив все колебания и ошибки в том, прошлом времени, когда был Ленин, который мог поправить любого. Тем более ошеломительным выглядит его поворот в 1928 году.

Основными вопросами схватки с „правыми уклонистами" были пути и темпы индустриализации и пути и темпы коллективизации» [1. С. 72].

Итак, поворот в 1928 году. Однако далее Лацис пишет:

«В апреле 1929 года XVI партконференция без споров приняла оптимальный вариант на основании единых по духу докладов Рыкова, Кржижановского и председателя ВСНХ Куйбышева... Однако история плана этим не кончилась. Во-первых, серией постановлений ЦК партии, Совнаркома, ЦИК СССР были повышены показатели по отдельным отраслям — чугуну, нефти, тракторам, сельхозмашинам, электрификации железных дорог... Во-вторых, был выдвинут лозунг «пятилетку — в четыре года». Это стало общепризнанной целью, но позднее и ее решено было превзойти» [1. С. 74].

То есть, по логике изложения, поворот хозяйственной политики в промышленности произошел уже после апреля 1929 года, и не одномоментно, раз упомянута «серия постановлений». То есть теория Лациса трещит под напором тех фактов, которые сам Лацис же приводит в подкрепление своей позиции.

Так оно и было. Действительно, показатели в хозяйственной работе менялись в течение 1930—1931 годов. Но в чем Лацис не прав, так это в том, что поправки вносились в план. Поправки вносились в ежегодные планы, а не в пятилетний план, исходя из того соображения, что действительность меняется самым непредвиденным образом, и ей нужно соответствовать.

Лацис упоминает об изменениях в планах производства чугуна (было изменение плана и по стали), нефти, тракторам, сельхозмашинам и прочему. Упоминает, но не объясняет того, что суть этих изменений была в незапланированном изменении хозяйственной обстановки, в том, что новостроечная промышленность первой пятилетки потребовала значительно больше чугуна, стали и нефти, чем предполагалось ранее.

Он не упоминает о плане «Большого Урала», выдвинутом Уралпланом и Уралобкомом ВКП(б) в начале 1930 года, который предусматривал резкое увеличение мощности металлургических предприятий Урало-Кузнецкого комбината: Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов.

Вот Лацис пишет об успехах металлургии:

«Отправным вариантом предполагалось выплавить в последнем году пятилетки 7 миллионов тонн чугуна, оптимальным... — 10 миллионов, повышенным заданием XVI съезда — 17 миллионов. Фактически в 1932 году выплавлено 6,2 млн тонн» [1. С. 75].

Вот здесь мы сталкиваемся с тем, как Лацис манипулирует цифрами. В тексте статьи стоит ссылка на публикацию в журнале «Коммунист» № 18, 1987 года. Но это уже вызывает вопросы. Почему бы не сослаться на полную публикацию плана 1933 года или же на частичную, где есть данные обо всех основных показателях плана в сборнике «Индустриализация СССР, 1929—1932 годы. Документы и материалы» (М., «Наука», 1978)?

И мы видим подтасовку факта. В отправном варианте плана выплавка чугуна была установлена на уровне 6 млн тонн, а не 7, как у Лациса. И по этому показателю план был выполнен с небольшим превышением отправного варианта.

«То же произошло и со всеми прочими натуральными показателями. Пятилетний план намечал довести производство тракторов до 53 тысяч штук, повышенное задание — 170 тысяч, фактический итог — 49 тысяч. Соответствующие показатели по автомобилям: 100 тысяч, 200 тысяч, 24 тысячи» [1. С. 75].

Вот тут он начинает крепко подвирать. 53 тысячи — это уровень производства по оптимальному плану. Если быть точным, уровень был в 55 тысяч тракторов. Тут Лацис немного ошибся. Производство немного не дотянуло до этого уровня — 49,8 тысячи тракторов. Но по этой графе производство было выполнено с превышением отправного варианта плана.

170 тысяч тракторов — это задание второго пятилетнего плана.

То же и про планы производства автомобилей. Оптимальный план устанавливал цифру в 20 тысяч машин. 100 тысяч — это цифра, взятая Лацисом с потолка. 200 тысяч — это задание второго пятилетнего плана. Реальное производство в 1932 году — 23,8 тысячи, с превышением оптимального плана.

То же самое было по другим статьям плана.

Лацис доказывал, что будто бы первый пятилетний план не был выполнен, и для доказательства этого использовал фальсифицированные данные.

Лацис много говорит о темпах роста:

«Отправной вариант предлагал высокие, но постепенно снижающиеся ежегодные приросты промышленной продукции — от 21,4 процента прироста в первом году пятилетки до 17,4 — в пятом. Это соответствовало объективным тенденциям роста в те годы. Оптимальным вариантом предписан был постепенный рост — от 21,4 до 25,2 процента. Но в годовых планах уже со второго года началось подхлестывание, которое не дало реального ускорения, но дезорганизовало производство. Вместо декретированного прироста на 31,3 процента фактический прирост в 1930 году составил 22 процента. На третий год запланировали 45 — вышло 20,5. На четвертый план был 36 — фактически 14,7. Начался неудержимый спад, который снизил прирост 1933 года до 5,5 процента — неслыханно мало по тем временам. Но Сталин уже объявил пятилетку выполненой, пятый год в нее не попал и не испортил картину побед...

Так получилось с металлургией. Когда задание пятилетки по чугуну с 10 миллионов подняли до 17 миллионов — отрасль надорвалась. Год самых больших по плану темпов — 1931 -й — фактически дал снижение выплавки и чугуна и стали. Затем последовал медленный рост, так что от 5 миллионов в 30 году дошли лишь до 7,1 миллиона в 1933. А потом сразу скачок до 10,4 миллиона в 1934 году, когда ускорительские тенденции перестали существовать и таких скачков от промышленности не требовали» [1. С. 76].

Лацис правильно подмечает факт неравномерности темпов работы черной металлургии в годы первой пятилетки, но дает ему неправильное объяснение.

Из этой фразы можно понять, что чугун и сталь в то время выплавлялись на существующих предприятиях, от которых и потребовали «прыгнуть выше головы». Но это не так. Лацис упустил из виду важнейшую деталь — стройки. В первой пятилетке строилось ни много ни мало, а 518 крупных предприятий, из которых несколько десятков были крупнейшими в мире или в Европе. Это относится и к черной металлургии. В 1931 году $^{2}/_{3}$ советской черной металлургии еще не были построены и пущены в ход. Это были гигантские предприятия с огромными, сверхмощными печами.

План «Большого Урала» предлагал резко увеличить производство важнейших видов промышленной продукции: чугуна — в 3,5 раза, меди — в 3 раза, машиностроительной продукции — в 4,5 раза, химической продукции — в 3,5 раза [7. С. 37]. Методом этого был выбран метод резкого увеличения производственной мощности заложенных заводов против запроектированной. Это решение коснулось всех крупных строек, в первую очередь, металлургических комбинатов. 26 января 1930 года этот план был утвержден Президиумом ВСНХ, а 25 марта 1930 года — постановлением Политбюро ЦК.

После этого решения черную металлургию СССР должны были тянуть три завода: Магнитогорский им. Сталина мощностью в 2,5 млн тонн чугуна, Кузнецкий им. Сталина мощностью в 1,2 млн тонн, и Макеевский им. Кирова мощностью в 1,3 млн тонн чугуна. Вместе они могли дать 5 млн тонн чугуна, то есть 80% отправного варианта плана и 50% оптимального варианта.

Из перечисленных комбинатов — два в постройке. Магнитогорский был пущен в июле 1932 года, но достроен только в 1934 году, Кузнецкий достроен и пущен в октябре 1932 года. Вот и вся разгадка скачущих темпов и «срыва» плана. Здесь решающую роль играло затягивание проектных работ на Магнитке и неправильное планирование стройки. Там все внимание было направлено на строительство и пуск домен в ущерб сопутствующим производствам и службам. В итоге комбинат, выплавлявший чугун, долгое время не мог его перерабатывать в сталь, а сталь перерабатывать в прокат, из-за чего первая очередь работала в половину мощности. Но в 1934 году все остальные цеха комбината были пущены, и работа пошла полным ходом. Итог — резкий рост выплавки чугуна в 1934 году.

Причина, если объяснить ее правильно и в соответствии с фактами, становится ясной и простой. И понятной.

«Позднее Орджоникидзе говорил о недостатках в организации работы металлургии в те годы. Магнезит возили на южные заводы с Урала, хотя он был на Украине. Огнеупорный кирпич покупали за границей, имея огнеупорную глину в стране. Это были неизбежные издержки погони за ростом любой ценой» [1. С. 77].

И здесь у Лациса та же самая ошибка. Он упускает из виду главное — стройки, из-за чего хозяйственная политика в его изложении становится малопонятной. Трудно понять, почему руду возили с Урала, если она была на Украине. Ответ: потому что Магнитогорский рудник вошел в строй раньше, чем Криворожский. И возили руду на юг только некоторое время, пока не был достроен рудник в Кривом Роге. Аналогично и с огнеупорной глиной. Мало ее иметь, надо еще иметь заводы, которые глину превращают в огнеупорный кирпич. Нужны были миллионы штук такого кирпича, потому что строились десятки домен и мартеновских печей. И до тех пор, пока не вошли в строй кирпичные заводы с огнеупорными цехами, кирпич такой приходилось покупать за границей.

Упомянув еще прирост рабочих, рост цен и сбор зерновых, Лацис распрощался с экономикой и взялся анализировать материалы партийных съездов. Этому он посвятил 94 страницы своей статьи.

Эта часть составляет 87% статьи. Но мы ее даже не станем разбирать. И вот почему. Нас интересует веское слово Лациса как экономиста. А он нам почти ничего не говорит о развитии экономики, но зато страницами цитирует партийные резолюции и выдержки из стенограмм съездов.

Нас интересует экономический анализ, а не резолюции и стенограммы съездов. Если же Лацис считает, что они неизвестны народу, то нужно было добиться их переиздания, а не заполонять цитатами свою статью.

Экономического анализа в статье нет. Нельзя назвать анализом то, что занимает всего 10% статьи по объему. Это, по всем признакам, вступление к изучению Лацисом партийных резолюций и съездов. Так, напомнил цифры и вперед — изучать политику партии. Это подход историка партии, а не экономиста.

С другой стороны, мы выяснили, что в той части, в какой он говорит об экономике, Лацис пользуется фальшивыми данными и дает неверное объяснение экономическим процессам в стране в 30-е годы.

Вопрос: можно ли, руководствуясь негодной логикой, продемонстрированной нам в начале статьи, и негодными данными по экономике, получить правильные и надежные выводы по анализу политики партии? Нет, нельзя. Потому что неправильная постановка вопроса и фальшивые данные не позволят доктору экономических наук Лацису прийти к правильному выводу.

Это значит, что степень доктора экономических наук Лацису дали зря, что он годами проедал государственные средства и тратил бумагу с типографской краской на свою негодную работу.

А также значит и то, что доводы и аргументы Лациса не могут приниматься во внимание по причине вывода их из концепции автора, страдающей противоречиями, и из фальсифицированных данных.

Что же делать с Лацисом, который показал свою профнепригодность? Есть и для него путь к отступлению. Он должен признать, что носит степень доктора не по праву и вернуть в Высшую аттестационную комиссию документы на присвоение этой степени.

На разбор больших и малых ошибок ниспровергателей Сталина можно потратить много места и времени. У всех ниспровергателей есть крупные ошибки, нестыковки в логике изложения, а то и просто фальшивые аргументы. Оказывается, что ниспровергатели, на поверку, просто не знают истории сталинской индустриализации и сталинской политики соответственно.

По-моему, вершиной этого творчества нужно считать книгу Дмитрия Волкогонова «Сталин: политический портрет». Он написал два толстых тома о Сталине, ни разу не употребив слово «индустриализация». Он тщательно разобрал всевозможные слухи и мнения, но обошел вниманием эпохальные и по-настоящему исторические события советской истории. Волкогонов как-то сумел написать столь большую книгу, ни единым словом не упомянув о том, чем Сталин занимался пятнадцать лет своей жизни, то есть индустриализацией.

Вывод четкий и однозначный. Концепция советской истории, созданная ниспровергателями — несостоятельна.

Мы сейчас не имеем четкого представления о том, что же творилось в Советском Союзе в 20-е и 30-е годы XX века. Не имеем четкого представления о сущности и направлении сталинской политики. Это-то при том, что именно в то время сформировались основы современной промышленности, нашей экономики.

Можно утверждать, что провал экономических реформ обусловлен тем, что реформаторы ничего не знали о советской промышленности и экономической системе, не знали, как она сформировалась, как она развивалась, какие имела особенности. И, соответственно, из-за этого незнания проводили меры, совершенно неподходящие к российским условиям.

Можно также утверждать, что реформы политической системы России провалились по той же причине: незнанию процесса возникновения и развития советской политической системы.

Именно это обстоятельство подвигло меня на написание этой книги. Мне бы хотелось показать читателю сложный, но крайне интересный процесс формирования Советского государства и советской экономической политики. Показать ту большую роль, которую в этом деле сыграл Сталин. Надеюсь, что этой цели я вполне достиг.

Мне бы хотелось выразить большую благодарность сотрудникам Красноярской краевой научной библиотеки им. Ленина, в которой я работал над материалами к этой книге.

Мне хотелось бы выразить большую благодарность моим первым читателям и критикам, Андрею Михайловичу Буровскому, который дал этой книге путевку в жизнь.

Мне бы хотелось вспомнить об Анатолии Михайловиче Табакове, старом большевике, члене ВКП(б) с 1943 года, который снабжал меня литературой по различным вопросам марксизма-ленинизма, делился своими воспоминаниями о 30-х годах, горячо желал выхода в свет этой книги, но, к сожалению, не дожил до этого момента.

Автор

Глава первая

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...

Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа, и постольку переставшая быть капиталистической монополией.

Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться

Большинство людских действий имеют пробный, экспериментальный характер, направляются не знанием того, к чему они приведут, а скорее желанием узнать, что из этого получится.

Робин Дж. Комингвуд. Идея истории

Взявши власть, большевики очень долго совсем не думали о хозяйстве. На повестке дня стояли вопросы захвата правительственных зданий, коммуникаций, упрочения и узаконивания своей власти. Большевики с увлечением делали революцию, захватывали здания и грабили сокровища царской России.

Как и у всякого государства, скоро у новорожденного ленинского правительства обозначилась нужда в деньгах, нужных для текущих расходов. Ленин основал государственный бюджет РСФСР весьма своеобразным методом. Он назначил своим декретом молодого большевика Валерьяна Осинского (Оболенского) главным комиссаром в Государственном банке и поручил ему быстро раздобыть денег.

Осинский поехал в Госбанк, предъявил его служащим свои документы, декрет, подписанный Лениным, и потребовал выдать ему немедленно 10 миллионов рублей. Анналы истории не сохранили того, что сказали по поводу документов Осинского служащие банка. Но сейфы банка были открыты, и Оболенскому была затребованная сумма выдана.

Дальше произошла история несколько анекдотического свойства. Осинский, отсчитав 10 миллионов рублей, столкнулся с непростой задачей перевозки этих денег в Смольный. Деньги ему выдали наличностью, самыми крупными купюрами, «катеньками», достоинством в 100 рублей, тысячу толстых пачек. Огромную гору пачек по карманам не разложишь, и Осинскому ничего не оставалось делать, кроме как обратиться к служащим банка с просьбой выдать ему еще и мешки для денег.

История тоже не сохранила реакции банковских служащих на столь необычную просьбу. С их точки зрения, Осинский был обыкновенным грабителем, который явился в банк, даже не взяв с собой мешков для денег. Однако мешки Осинскому были выданы.

Главный комиссар в Госбанке сложил в них наличность и на себе перенес несколько объемных мешков с деньгами в машину. В Смольном ему снова пришлось проделать ту же операцию и на себе тащить мешки с деньгами в кабинет Ленина. Ленинский кабинет состоял из двух комнат, в одной из которых работал сам Ильич, а во второй находилась приемная. Вот в этой приемной Осинский свалил деньги в шкаф, рядом с которым поставили часового-красноармейца.

О хозяйстве большевикам напомнили достаточно скоро. В первые же дни после переворота, 28 или 29 октября 1917 года, к Ленину пришли делегаты от Петроградского совета фабрично-заводских комитетов, в составе которой были председатель и товарищ председателя этого совета. Эта организация управляла фабрично-заводскими комитетами, созданными в августе-сентябре 1917 года рабочими заводов для контроля над действиями заводской администрации.

По воспоминаниям товарища председателя М. Н. Животова, делегация предложила Ленину идею организации нового хозяйственного органа, Высшего экономического совета (ВЭС), который бы принял на себя управление всей крупной промышленностью. Делегаты показали Ленину схему этого органа, на что вождь ответил, что эту схему в декрет не вставишь, и попросил составить проект декрета об организации ВЭС.

Идея создания Высшего экономического совета Ленину пришлась по душе. Она находилась вполне в рамках его собственных идей насчет организации дальнейшего похода в коммунизм, уже после того, как власть в России будет захвачена.

А что же было в ленинском идейном багаже? В 1923 году группа бывших меньшевиков составила небольшой документ с разбором ленинских идей, заявленных им в 1917 году, и с разбором того, как они были выполнены. Об этом документе пишет член этой группы Николай Валентинов.

Ленин в 1917 году, перед самой революцией, выдвинул девять основных идей, которые он впоследствии попытался воплотить на практике.

Идея первая — «революция на всех парах должна понестись к социализму». Ленин утверждал, что в России капитализм достаточно уже созрел для революции, что он уже находится в полшаге от социализма, и нужен всего лишь переворот. Даже книжку об этом написал: «Об империализме, как о новейшей стадии капитализма», где этот тезис доказывал. Вышла она как раз перед революцией, в июне-июле 1917 года[1].

Идея вторая — социализм в капиталистических странах наступает тогда, когда банковский капитал сращивается с промышленным. Мол, капитал уже подошел к этой стадии развития и в России, и ему нужно только помочь и образовать единый для всей страны банк.

Идея третья — поскольку прежние работники не станут работать на революцию, а сил партии недостаточно для управления страной, нужно привлечь к управлению государством широкие трудящиеся массы.

Идея четвертая — вытекала из первой и второй и состояла в том, что для социализма нужно наладить учет и контроль над хозяйством.

[1] Валентинов пишет, что эта ленинская работа вышла уже после революции.

Идея пятая — в сельском хозяйстве нужно руками бедноты организовать коллективные хозяйства.

Идея шестая — в социалистическом обществе нужно отменить торговлю и организовать распределение продуктов и товаров.

Идея седьмая — поскольку, по Марксу, главный признак социализма заключается в том, что деньги выходят из обращения, то в ходе революции нужно деньги отменить и заменить их условными обменными знаками.

Идея восьмая — производство должны организовать и управлять им профсоюзы.

Идея девятая — для победы социализма во всем мире нужно устроить мировую революцию [8. С. 33—54].

Еще к этим ленинским идеям можно добавить десятую. Ленин твердо был убежден, что в экономике России в 1917 году царит полная разруха, полное истощение, что остается лишь только шаг до голода и всеобщего обнищания. Эта его идея обосновывала все, самые крайние и чрезвычайные меры в экономике[1].

В духе этих идей была составлена и принята VI съездом РСДРП(б) резолюция «Об экономическом положении». Определение экономического положения в ней было дано таким:

«Экономическое положение — полное истощение в сфере промышленности и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной системы, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов... абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще.

Страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели» [9. С. 582].

Авторство этой резолюции в сборнике не указано. Нет этой резолюции и в собрании сочинений Ленина. Сам Ленин на съезде партии не присутствовал. Он находился в эти дни в Разливе, на нелегальном положении. Так что, скорее всего, ее написал кто-то из членов ЦК РСДРП(б) с согласия Ленина. Скорее всего, этим человеком мог быть Зиновьев.

[1] У этого взгляда есть свои современные подражатели — национал-патриоты и коммунисты. Точно так же, как и Ленин в 1917 году, они отметают все фактические данные о состоянии экономики страны и упрямо, вот уже десять лет, твердят, что Россия находится на «грани экономического краха».

Но дело даже не в авторстве. Главное, что Ленин эту резолюцию признал и в дальнейшем написал несколько больших и малых статей вполне в ее духе. Некоторое время она выражала руководящие идеи большевистских вожаков в хозяйственной сфере.

Группа меньшевиков с удовлетворением заключила, что все эти ленинские идеи были безжалостно разбиты жизнью. За четыре года Гражданской войны взгляды Ленина претерпели громадные изменения. Он, под ударами обстоятельств, отказался от своих иллюзий. Это, правда, было потом. А в конце 1917 года Ленин и его сторонники считали, что обладают полным и точным знанием об обстановке, и могут сделать все, что только пожелают.

Но одних этих идей было совсем недостаточно для организации и управления огромным хозяйством такой большой страны, как Россия. Ленин и его соратники никогда до этого управлением и организацией в хозяйстве не занимались и не имели опыта управления даже самым небольшим заводом. Конкретных мыслей по поводу русского хозяйства и промышленности у них не было.

Выход из положения был найден очень быстро и непринужденным образом. Если нет своих мыслей, то их надо у кого-то заимствовать. Именно так повел себя Ленин в конце 1917 года, когда к нему стали приходить просители и делегации с предложениями. Он без колебаний отбирал из идей самое лучшее, присваивал и узаконивал за своей подписью.

До того, как Ленин осуществил самые первые предложения, большевики уже кое-что сделали для укрепления своей само собой возникшей власти. Уже в первые дни после переворота перед ними встала задача, состоявшая в создании каких-нибудь как бы государственных структур, чтобы в крайне благоприятной для революции обстановке

хаоса можно было закрепить за собой государственную власть. На заседании в Смольном, в узком кругу революционеров, первый такой орган появился. Долго подбирали название, пока, наконец, Ленин не предложил поименовать его Советом народных комиссаров. Сокращенно — Совнаркомом. Название «комиссары» ленинцы позаимствовали из опыта Французской революции, а приставку «народные» уже придумали сами. Получилось очень даже по-революционному и очень даже по-демократически. Всем понравилось. Так революционеры стали «народными комиссарами», а Ленин самым главным из них — Предсовнаркома.

Совнарком стал вроде бы как самым главным Советом в стране, вершиной и мозгом всей Советской власти, ее верховным органом.

Конечно, Совнарком ни с какой стороны законным органом не был. Ленин предполагал набрать большинство голосов на выборах в Учредительное собрание и на нем уже «учредить» уже существующий Совнарком с собой во главе. Но Совнарком практически с первых часов своего существования стал принимать один декрет за другим. Хлынул бурный поток постановлений, который узаконивал все что угодно. Юридическая правомочность этих декретов никем тогда не обсуждалась, никто даже и вопросов таких не ставил. Главное было создать впечатление где-то работающего верховного органа, которому принадлежит власть. А в дальнейшем можно уже подвести под нее необходимые народные волеизъявления.

Вот именно в таком незаконном Совнаркоме и был поставлен вопрос о создании Высшего экономического совета. Совещание по предложению Петроградского совета ФЗК состоялось 11 ноября 1917 года. Ленин на нем дал поручение Валерьяну Осинскому и его помощникам разработать проект декрета об Экономическом совете. Они должны были выполнить работу к 15 ноября.

Раз появилась такая перспективная идея, которая сразу же дает возможность обеспечить учет и контроль над промышленностью, нужно, не откладывая дела в долгий ящик, побыстрее декретировать. Но помощники ленинское задание провалили.

Валерьян Валерьянович Осинский (Оболенский), более известный под псевдонимом Н. Осинский, ставший в организации главного советского хозяйственного органа первым действующим лицом, был молодым человеком. В 1917 году ему исполнилось всего 32 года. Но несмотря на молодость, Оболенский уже имел большой революционный стаж. На партработе он был с 20 лет, причем работал сразу в нескольких крупных городах на юге России. Был очень перспективным партийцем, но примкнул к ликвидаторам[1] и в руководство партии не попал. Его возвышение связано с летом 1917 года, когда он работал в Харьковском ревкоме. Видимо, деятельность была такая бурная, что Оболенский скоро попал в Петроград, где был замечен Лениным и выдвинут. Сразу после вооруженного переворота Оболенский-Осинский стал главным комиссаром в Государственном банке и таскал на своем горбу деньги для текущих расходов Совнаркома.

Вот такому человеку вождь поручил составление декрета и организацию советского хозяйства. Но здесь бывший главный комиссар оказался не на высоте, и 15 ноября, не дождавшись результатов работы, Ленин подписал декрет, ликвидировавший Главный экономический комитет и Экономический совет при Временном правительстве [10]. Пришлось организацию хозяйственного органа отложить и заняться хозяйственными вопросами самим. 17 ноября Совнарком принимает свой первый хозяйственный декрет — о национализации Ликинской мануфактуры в пос. Ликино Владимирской губернии [10].

Наконец через две недели работы проект был готов. Подготовили, впрочем, не только сам декрет, но и Положение о Высшем экономическом совете, в котором орган был назван Высшим Советом Народного Хозяйства (ВСНХ). 2 декабря 1917 года Совнарком принял декрет об организации ВСНХ и принял Положение.

[1] Течение в социал-демократической партии, которое после революции 1905—1906 годов выступало за роспуск боевых организаций.

Есть сведения о том, что в основу «Положения о ВСНХ» были положены тезисы Бухарина. Так ли это, точно установить не удалось, но вот стиль конечного документа сильно походит на бухаринский, того времени. ВСНХ был наделен всеми мыслимыми и немыслимыми чрезвычайными полномочиями: реквизиции, конфискации, секвестирования, синдицирования и так далее. По замыслу авторов, этот орган должен был организовать и контролировать всю хозяйственную жизнь страны: от выплавки металла до торговли хлебом и товарами народного потребления. Ничего хорошего из этого так и не получилось, и уже к началу 20-х годов ВСНХ отказался от всех заготовительных и распределительных функций и стал заниматься только промышленностью.

Новый орган некоторое время был без руководителя. Только через неделю, 10 декабря, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет своим постановлением назначил Осинского на должность Председателя ВСНХ [10]. Осинский собрал первый Президиум ВСНХ, куда вошли Ян Рудзутак, Григорий Ломов, Влас Чубарь, Алексей Шотман и Ларин — Михаил Лурье [11. С. 15]. Это был расширенный состав, но часть вопросов решалась еще в более узком кругу — на Совете ВСНХ.

Из шести человек, входивших в первый Президиум ВСНХ, пять человек — оппозиционеры. Единственным ленинцем среди первых советских хозяйственников был Влас Чубарь. А все остальные были ликвидаторы, отзовисты[1] и меньшевики, в 1917 году примкнувшие к революции. На это сборище Ленин смотрел сквозь пальцы, потому как дел было много, а людей катастрофически не хватало. Потому и приходилось брать всех, кто только хоть чуть-чуть, хоть немного поддерживал революционеров и готов был хоть что-то делать. Но потом, уже в конце 30-х годов, почти все они были расстреляны. Этой участи избежали только те, кто умер до начала чистки.

[1] Течение в социал-демократической партии, которое добиваюсь отзыва депутатов-большевиков из Государственной думы.

Но даже в условиях революционных событий Ленин вряд ли бы потерпел образование где-то в высоком руководстве большой группы оппозиционеров. Он очень щепетильно, с великим вниманием, относился к правильности взглядов своего окружения и руководства партии. Поэтому сборище оппозиционеров Ленин перенес только потому, что ВСНХ тогда был второстепенным органом. Ситуация обострялась, в декабре обозначился провал на выборах в Учредительное собрание, и вождю было не до хозяйства. Потому на них он просто махнул рукой. Но, справедливости ради, добавлю, что на посту Председателя ВСНХ Осинский не засиделся. Уже в ноябре 1918 года он был смещен.

Чем же занялись новоиспеченные хозяйственники? Занялись они спорами о том, какой быть советской хозяйственной политике. Первые заседания ВСНХ прошли в ожесточенных дискуссиях. Словесное столкновение в тесном кругу большевиков конца 1917 года быстро дошло до Ленина, и он, от имени Совнаркома, приказал Осинскому прекратить дискуссии и заняться делом: «превратить ВСНХ из органа дискуссионного в орган, фактически руководящий промышленностью».

Это заявление, надо полагать, вызвало большое замешательство, но тут советским хозяйственникам повезло. Выручила инициатива народных масс. Центральный Совет ФЗК как раз обратился в Президиум ВСНХ с инициативой: организовать Советы народного хозяйства в промышленных областях.

Причем, надо сказать, не просто подали идею, что само по себе уже неплохо, а судя по документам, предложили готовую концепцию совнархозов. Совет народного хозяйства, по мысли представителей рабочего контроля, должен был создаваться выборным путем из представителей профсоюзов, фабзавкомов, земельных комитетов, представителей Советов и заводов. Областной совнархоз должен был заниматься управлением кооперированной промышленности в области, должен был определять потребности в сырье и топливе, определять наличие сырья, топлива, полуфабрикатов, рабочей си-

лы, транспорта, составлять планы снабжения, распределять на заводы рабочую силу и заказы.

Центральный Совет ФЗК даже представил ориентировочную структуру совнархоза. Совет должен был состоять из 14 секций, каждая из которых разбивалась на 4 отдела и один подотдел. Всего, получается, 57 структурных единиц. И еще, в качестве управляющего звена, президиум совнархоза. Для того, чтобы эта структура начала работать, нужно было собрать пленум совнархоза и утвердить состав всех секций и всех отделов. Все главные и важные вопросы также предполагалось решать путем созыва пленума [12. С. 31-33].

Что должны были делать советские хозяйственники? Взять, и воплотить эту идею на практике.

Военная и мобилизованная промышленность в начале 1917 года управлялась несколькими ведомствами, созданными еще царским правительством. Главным органом управления был Главный экономический комитет — ГЭК, в состав которого входили комиссии по распределению сырья и топлива среди военных заводов. Распределение это не большевистская выдумка, а ответ на требования Первой мировой войны. После отречения Николая II этот комитет перешел в ведение Временного правительства. Он продолжал работать, продолжал распределять сырье, топливо и заказы, пока еще позволяли возможности, таявшие с каждым днем. Комитету удалось добиться более или менее стабильной работы промышленности в условиях революционных событий 1917 года. Но по мере усиления большевиков влияние ГЭК падало.

Это обстоятельство осенью 1917 года толкнуло владельцев заводов и рабочих к самоорганизации. В советской литературе старательно умалчивается это объединение владельцев заводов и рабочее движение в 1917 и в начале 1918 года, до тех пор, когда его окончательно не подчинили себе большевики. Было что умалчивать. Бóльшая часть экономических инициатив была совсем не большевистского происхождения. Большевики в то время были заняты совсем другими делами. Рабочие объединения и профсоюзы, которые часто

выступали вместе с владельцами заводов, выдвигали варианты управления промышленностью, организации производства и их дальнейшего развития. Эта рабочая инициатива, задавленная в 1918 году, сумела дожить до 1921 года и была окончательно добита под названием анархо-синдикализма.

Первыми организовались промышленники и рабочие самых развитых промышленных районов страны: Москвы, Петрограда и Донецка. В марте 1917 года в Екатеринославе был образован Союз промышленников Юга России, куда вошли такие важные персоны, как, например, Альфред Нобель. Этот Союз был самым представительным и самым сильным объединением. Но он поддерживал генералов Корнилова и Деникина, и потому в анналы советской истории не попал. После того, как обозначилось падение Вооруженных сил Юга России в конце 1919 года, члены Союза эмигрировали, не забыв оставить на своих заводах свою агентуру, которая должна была следить за развитием производства при большевиках, и также, по мере сил и возможностей, мешать самим большевикам. Эта агентура проработала на заводах и шахтах в Донецке больше десяти лет и была раскрыта только на процессе по Шахтинскому делу.

В марте-апреле 1917 года в Москве появилось Московское общество заводчиков и фабрикантов (МОЗФ), которое тоже не вошло в советскую историю из-за буржуазного состава. Но это общество имело контакты, хотя бы слабые и эпизодические, уже с советскими органами. Одновременно возникло другое общество — Заводское совещание объединенных фабрикантов Московской губернии.

Было еще Общество заводчиков и фабрикантов в Петрограде, но из-за революционных событий оно оказалось слабым и малочисленным и в событиях значительной роли не сыграло. Здесь уже в конце лета 1917 года, когда ситуация стала приобретать угрожающий характер, владельцы стали бросать свои заводы на произвол судьбы.

И после октябрьского переворота хозяйственные силы страны продолжали объединяться.

18 декабря 1917 года в Москве собрался 1-й Экономический съезд Московского района, на котором присутствовали представители профсоюзов и предпринимателей предприятий Московского района, из одиннадцати губерний [12. С. 371. Поводом для созыва стал декрет Совнаркома, принятый 19 ноября 1917 года, о демобилизации промышленности и резком сокращении военного производства.

Выступавшие на съезде ораторы очень резко отреагировали на этот декрет Совнаркома от 29 ноября. Еще шла война, и участники съезда справедливо полагали, что прекращение военных заказов приведет к закрытию заводов, оставит рабочих без работы, а также лишит их брони на призыв в армию. Предприниматели считали, что из-за прекращения военного производства им придется закрыть фабрики и заводы. И рабочие, и предприниматели не скрывали своего недовольства. Здесь рабочие были полностью солидарны с владельцами, потому что теряли гарантированную работу, заработок и военную бронь.

Гнев выступающих еще более возрастал оттого, что на съезде присутствовал представитель ВСНХ Алексей Шотман. Профессор В. И. Гриневецкий заявил:

«В интересах государства в целом, и в особенности рабочего класса, государственная власть должна определить свое отношение к капиталу, причем единственно практически осуществимым являются отношения на базе капиталистического строя со всеми последствиями, отсюда вытекающими» [13. С. 110].

Предприниматели показали, что считают себя самостоятельной силой, и вправе требовать от государственной власти тех отношений, которые они считают приемлемыми.

Съехавшиеся представители решили не дожидаться каких-то решений, а образовать свой собственный комитет. Съездом было принято решение об образовании Московского районного экономического комитета (МРЭК), и делегаты выбрали состав комитета — 64 человека [12. С. 37]. Большевики смогли только поприсутствовать при этом событии.

В Москве процесс самоорганизации рабочего движения и предпринимателей пошел быстрее и ярче, чем в других местах, потому, что в Московском районе было сосредоточено много больших заводов, которые между собой имели тесную кооперацию, связи. Владельцы и рабочие заводов понимали общность своих интересов. Когда 3 декабря 1917 года нарком труда Алексей Шляпников созвал совещание хозяйственников, на котором присутствовал директор-распорядитель общества заводов «Сормово-Коломна» [12. С. 38] А. П. Мещерский, капиталисты устами Мещерского сказали, что демобилизация для них невыгодна.

В Петербурге процесс самоорганизации тоже пошел своим чередом. Не дожидаясь положительной реакции на свои предложения, Совет ФЗК принял решение создать свою хозяйственную организацию. 26 декабря 1917 года Петроградский Совет ФЗК принял решение об образовании своего хозяйственного органа — Петроградского районного совета народного хозяйства. В середине января 1918 года совет был переименован в Совнархоз Северного района (СНХ СР), и 19 января состоялось его первое учредительное заседание [12. С. 37]. Задачей органа было поставлено развитие промышленности хозяйства Северного района.

Власть над хозяйством в двух самых крупных промышленных районах страны, в Московском и Петроградском, уплывала из рук большевиков. Формально управляли там такие же советы, но в тех советах не было большевистских представителей. И эти хозяйственные органы не признавали большевистский ВСНХ и не собирались ему подчиняться. Еще немного, еще два-три таких собрания, и большевики утратят возможность подчинить себе промышленность.

Большевики на дух не переносили никакой чужой самостоятельности. Потому уже в декабре 1917 года повели наступление на рабочее движение и хозяйственные организации. Только в то время советские хозяйственники могли действовать одними словами. Предприниматели были еще

в силе и свои заводы отдавать кому-то в подчинение не собирались.

23 декабря 1917 года, после доклада представителей Центрального Совета ФЗК об организации совнархозов, Президиум ВСНХ принял решение признать автономный МРЭК, но только в том случае, если в нем будет не более 20 предпринимателей, то есть меньшинство [10]. Это позволило бы подчинить комитет большевистскому влиянию.

Пока оставался только Уральский район, где не было никаких организаций. 27 декабря 1917 года Совнарком выпускает декрет о конфискации у владельцев нескольких предприятий: заводов «Общества спальных вагонов», Сергинско-Уфалейского горного округа, Кыштымского горного округа, а также Путиловского завода в Петрограде. Все эти предприятия переходили под управление ВСНХ [10].Через день, 29 декабря, Совнарком выпустил еще один декрет о конфискации Невьянского горного округа.

Большевики не постеснялись. Одним разом захватили несколько десятков крупных предприятий. Каждый горный округ на Урале — это комплекс рудников, шахт, разработок, лесных наделов, фабрик и заводов. Когда в середине 1918 года было конфисковано 25 горных округов, в них под управление ВСНХ перешло 4340 предприятий [14. С. 24]. А Путиловский завод в Петрограде — это самый мощный русский машиностроительный завод.

Цель ясна и понятна — захватить побольше, чтобы другим не досталось. Чтобы не позволить кому-то управлять заводами и фабриками в обход большевиков. Но в отношении уральских заводов была одна сложность. Их можно было объявить конфискованными. Но вставал вопрос: выполнят ли на месте это распоряжение? Для того, чтобы декрет Совнаркома был выполнен, Ленин посылает на Урал комиссаров, в задачу которых входит конфискация этих округов. Комиссарам выдается 30 млн рублей наличными для организации на месте органов власти по управлению конфискованными заводами и фабриками.

В Екатеринбурге комиссары организовали Уральский областной совет комиссаров, а через несколько дней, в конце

января 1918 года, собрался Уральский областной съезд Советов. Он-то образовал Уральский областной совет народного хозяйства, который полностью находился под контролем большевиков. Туда вошли комиссары, представители Уральского областного бюро профсоюзов, подчиненного Наркомату труда, Уральское областное бюро профсоюза металлистов, а также представители Уральского областного заводского совещания теперь уже бывших владельцев заводов и фабрик. Управление промышленностью хоть и политическая задача, но без квалифицированных управленцев никак не обойтись. Потому большевики приглашали отдельных предпринимателей, не давая им заполучить большинство в Совнархозе [12. С. 41].

По такому же сценарию был создан Западно-сибирский совнархоз.

Не сумев захватить контроль на областном уровне, ленинцы сделали ход конем и быстро спустили в низовые ячейки указание: приниматься за создание совнархозов на губернском уровне или максимально активно участвовать в создании таковых, для того чтобы в каждом губернском совнархозе было, по крайней мере, большевистское представительство.

В конце декабря 1917 года первые губсовнархозы появились в Костроме, Твери, Новгороде, где их создавали местные Советы на основе своих экономических отделов. В Калуге губсовнархоз был создан губсоветом рабочего контроля, в Омске и Астрахани губсовнархозы образовали местные комиссариаты, а в Уфе и Тюмени — ревкомы [12. С. 57]. Эти органы были уже под большевистским контролем.

Система получалась разнородная, разнообразная. Никаких конкретных указаний не было, и всякий создавал свой совнархоз, исходя из своих представлений. Политический состав органов был тоже невероятно разнообразным: от большевиков до либералов-областников, создавших в середине 1918 года свой облсовнархоз Поволжья.

Эта лихорадочная деятельность позволила большевикам подчинить своему влиянию значительную часть промышлен-

ности и перейти к дальнейшим мерам по упрочению своей власти в хозяйстве страны.

К середине апреля 1918 года Советское правительство успело конфисковать и объявить своей собственностью несколько десятков самых крупных и важных предприятий страны. Появилась совершенно новая форма собственности, незнакомая прежде в России, — государственная, позже переименованная в общественную.

В царской России были государственные предприятия. Назывались они казенными. Это были заводы общегосударственного и оборонного значения, которые строились и работали за государственный, за казенный счет. Отсюда и название. Это сугубо затратные предприятия, передававшие всю продукцию в распоряжение соответствующих ведомств. Но эта форма собственности даже при самых реакционных государях никогда и ни при каких условиях не посягала на частную собственность. Мысль о том, что государство может у кого-то просто так отнять собственность, не в наказание за проступок и не за возмещение, была в Российской империи богохульной.

Новая форма собственности, введенная большевиками 27 декабря 1917 года, была государственной совсем по-другому. Во-первых, первые заводы строились точно не за государственный счет. Во-вторых, Совнарком конфисковал их у владельцев только потому, что заводы «понадобились». Ликинская мануфактура, национализированная самой первой, была конфискована по просьбе рабочих, из-за того, что владелец ее бросил. Все остальное уже из разряда «надобности». В-третьих, национализированные заводы должны были стать основным звеном товарно-продовольственного снабжения населения и одним из устоев советского режима. Потом их так и называли — «командные высоты». И, в-четвертых, новая форма собственности была нетерпимой по отношению к частной собственности, и ее существование мыслилось только вместе с уничтожением этой самой частной собственности.

До января 1918 года все «приобретения» Советской власти назывались конфискациями. А после «учреждения» Советской власти на III съезде Советов 12 января 1918 года — национализацией. Советская власть гордилась национализацией. Ее изучали, ей посвящали книги и диссертации. Историки с гордостью перечисляли декреты о национализации и подсчитывали количество предприятий, подпавших под них.

В апреле 1918 года в Совнаркоме решили: почему бы не проводить национализацию целыми отраслями? В самом деле — почему бы? Перечислять все предприятия долго и трудно, ведь их очень много. А так — одной строкой все они объявлены собственностью Советской власти[1]. 18 апреля 1918 года Совнарком принял декрет о национализации всей металлической промышленности: всех металлургических, металлических и машиностроительных заводов[2]. Но это — только черная металлургия. Цветная еще оставалась в частных руках. Но 11 мая настал и ее черед. Правда, тут Совнарком поступил гораздо разборчивей. Поскольку основная часть предприятий, выплавляющих цветные металлы, была лишь маленькими фабриками, то были национализированы самые крупные заводы. В их число вошли: Спасский медеплавильный завод на Южном Урале, все предприятия «Риддеровского общества», которое занималось разработкой медных рудников, свинцово-цинковые заводы Общества Киргизской горнопромышленности. А также, в добавление к ним, угольные шахты в Экибастузе, в Анжеро-Судженске и Воскресенская железная дорога, соединявшая Россию и Среднюю Азию. Весь декрет о национализации уместился на половинке писчего листа.

Цветные металлы нужны для производства боеприпасов. Национализированы были как раз те предприятия, которые давали львиную долю меди, свинца и цинка, вместе с топливной базой и железной дорогой.

[1] Я оставлю без внимания национализацию внешней торговли, флота, аннулирование долгов России и прочие грабительские мероприятия, проводимые Лениным.

[2] Кстати, именно после этого декрета, в мае 1918 года большевики стали называть металлургию и металлообрабатывающую промышленность «тяжелой индустрией».

Но до самой главной гордости — до декрета о национализации всех обществ с капиталом свыше 1 млн рублей было еще далеко. Собственно говоря, Советская власть брала только то, что представляло первостепенный интерес и неотложную необходимость. Все остальные предприятия, особенно мелкие и кустарные, ей были пока не нужны.

Ко всеобщей национализации подтолкнули обстоятельства, о которых советские историки вспоминать очень не любили. Слишком уж щекотливыми были те обстоятельства. Однако же в книге Д. А. Коваленко «Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 годах» есть описание этой почти детективной истории.

Немцы, после заключения Брестского мира, собирались договориться и об условиях экономической деятельности немецких предпринимателей на территории РСФСР. Речь шла, главным образом, о судьбе немецкого капитала, который играл очень заметную роль в русской промышленности. Конфискации затронули его в очень большой степени. Немецкое правительство последовательно защищало интересы своих подданных.

Ленинцы, очевидно, подумали, что немцы собираются предъявить какие-то требования о возмещении, сверх военной контрибуции, и постарались подготовиться, чтобы вчинить, в случае выдвижения претензий, так сказать, встречный иск. 11 мая 1918 года ВСНХ разослал письмо во все Советы с требованием составить сведения об убытках, причиненных войной. Работа эта была выполнена в грубом приближении, но, вероятнее всего, и вовсе не понадобилась. Скоро выяснилось, что немцев интересовали совсем другие вопросы.

15 мая 1918 года германо-советская комиссия собралась в Москве, где стороны подтвердили свои позиции, а советская сторона выдвинула условия иностранной экономической деятельности: признание Советской власти и национализации, заключение концессионного договора. Немцы согласились на эти условия.

Дальше переговоры проходили в Берлине. Советскую делегацию возглавлял посол в Берлине Александр Иоффе,

и в нее входили: Леонид Красин, Григорий Сокольников, Роберт Менжинский, Юрий Ларин, Николай Бухарин и Яков Ганецкий. В делегацию входили товарищи, надежность которых была под сомнением, но перед выездом Ленин дал инструкции своим ближайшим поверенным в тайных делах Красину и Ганецкому зорко следить за Лариным и Сокольниковым, чтобы те не сорвали переговоров и чего-нибудь не выболтали.

Пока Красин, Сокольников и Ларин занимались хозяйственными вопросами, остальные занялись подготовкой революции в Германии. Бухарин занялся пропагандой, а Менжинский и Ганецкий — устройством темных дел, нужных для дела революции.

На берлинских переговорах главным камнем преткновения стала национализация промышленности. После долгих уговоров, которые растянулись на две недели, немцы согласились с фактом уже проведенной национализации и согласились принять возмещение только части немецкого капитала, в размере 3 млрд рублей, но выставили условие, что с 1 июля 1918 года любой национализированный завод, принадлежащий немецким капиталистам, должен был возмещен наличными деньгами в полном объеме.

Ленин, очевидно, дал Иоффе установку отстаивать национализацию всеми доступными средствами. Но немцы не желали делать дальнейших уступок и, по сути, предъявили ультиматум. Страшно раздосадованный, Ленин дает указания спешно подготовить и провести национализацию всех самых крупных заводов. 18 июня Президиум ВСНХ выносит постановление о немедленной национализации обществ Сормовского, Коломенского и Белорецкого заводов. 20 июня выходит декрет Совнаркома о национализации нефтяной промышленности. Но дальше дело пока не идет. Ленин надеется, что немцев удастся уговорить.

Переговоры тем временем продолжаются, и попытки уговорить немцев сделать еще одну уступку терпят крах. 24 июня Красин телеграфирует Ленину:

«По ходу переговоров выяснилась безусловная необходимость официального опубликования не позднее 29 июня сего

года вышедшего декрета... Просим убедительно в точности и не пропуская срока исполнить эту просьбу. Дело в том, что немцы на все национализируемое после 20 июня потребуют предварительной уплаты наличностью всей стоимости немецкого участия в данном предприятии, что сделает для нас национализацию практически, может быть, неосуществимой...».

Теперь уже вопрос поставлен ребром, и нужно или хватать, что попадется в руки, и согласиться с тем, что значительная часть промышленности выйдет из-под контроля большевиков или национализировать ее будет нельзя — немцы не позволят. 27 июня Ленин требует от работников ВСНХ срочно, в течение суток, составить список национализируемых предприятий, не обращая внимание на неточности и ошибки. Работа архисрочная, и Ленин каждые два часа звонит и справляется о ходе работ. Работники аппарата ВСНХ перевернули все старые справочники, но список составили. Поздно вечером 28 июня эта работа была завершена, и в час ночи секретарь ВСНХ А. В. Шотман едет в редакцию «Известий», где приказывает принять декрет в набор. Когда работники типографии ему отказали, Шотман позвонил в Кремль, в столь поздний час дозвонился до Ленина. Ленин лично приказал рассыпать верстку полосы и срочно поставить в полосу декрет. Утром 29 июня «Известия» вышли уже с текстом декрета о национализации всех крупных предприятий во всех отраслях промышленности. Под его действие подпало 35% всей промышленности республики.

На следующий день, когда газета была прочитана немецкой стороной, переговоры были остановлены. Договариваться стало не о чем. После такого грабежа немцы не хотели и слышать о признании Советской республики.

Эпопея с национализацией принесла Советской власти в то время больше вреда, чем пользы. Вопрос о признании и дипломатических отношениях отодвинулся в далекое и туманное будущее. Реальностью же стало существование в кольце враждебно настроенных государств. Бывшие союзники: Великобритания, Франция, Япония и США, придерживались своих взглядов на Ленина и его власть. В их глазах

он был человеком, заключившим сепаратный мир с врагом. История, приключившаяся с немцами, с одной стороны, их порадовала, а с другой укрепила во мнении, что с Лениным ни о чем договариваться нельзя.

Сам Ленин же думал по-другому. Чего хотел, он добился. Теперь в его руках мощный промышленный комплекс, который позволит вооружить сильную и многочисленную Красную Армию. А с ее помощью в Европе можно произвести революцию. Так что никакого ущерба от международного скандала для дела революции нет и не предвидится.

Из-за больших политических событий начала 1918 года дело подчинения автономных хозяйственных органов было ненадолго отложено. За это время атмосфера в обществе переменилась, и ранее независимые хозяйственники почувствовали себя неуверенно. А с другой стороны, 18 марта 1918 года электроотдел ВСНХ и комитет хозяйственной политики ВСНХ утвердили программу электростроительства. Это, вроде бы, давало понять, что Советская власть намеревается развиваться. Многие промышленники сочли, что выгоднее присоединиться к ней и получить право на часть прибылей.

В конце марта 1918 года члены финансовой группы «Стахеев» предложили организовать акционерное общество, в которое 200 миллионов рублей внесет Советское правительство, 200 миллионов — частные капиталисты, а 100 миллионов — американский капитал. 23 марта в ВСНХ рассмотрели это предложение и потребовали 100%-го контроля над акциями. Группой было дано предварительное согласие, и начались переговоры об условиях участия капиталистов.

27 марта 1918 года Центральный Совет ФЗК принял решение о вхождении в совнархоз Северного района на правах секции контроля над промышленными предприятиями [12. С. 41].

В начале апреля директор-распорядитель заводов «Сормово-Коломна» Алексей Мещерский обратился в ВСНХ с предложением создать общегосударственный машиностроительный трест, в котором объединятся коломенские, сормовские,

кулебакские и белорецкие заводы, пока находящиеся в частном владении, восемь национализированных заводов: Брянский, Юзофский, общества «Шодуар» в Новороссийске, завод «Руссо-Балт», Харьковский паровозостроительный и Выксунский заводы. А впоследствии к ним должны были присоединиться заводы Гантке, Гартмана, Вестингауза и Южно-Уральский вагоностроительный. Но это предложение было сразу отклонено, потому как в ВСНХ знали, что Мещерский планирует передать 20% акций треста немецким капиталистам.

К маю 1918 года политическая обстановка изменилась настолько, что большевики попробовали провести и закрепить свою собственную политику в хозяйственной области и подчинить своему влиянию и власти уже сформировавшиеся совнархозы. На конец мая был назначен созыв Всероссийского съезда работников Советов народного хозяйства, который должен был обсудить экономическое положение республики и выработать основы организации хозяйства.

Форум созывался не только для того, чтобы провести на нем свое политическое влияние. Ухудшилось, в связи с событиями на юге страны, хозяйственное положение и проявился дефицит металла и топлива. Разгоравшаяся с каждым днем война на юге отрезала от республики Донецкий район. Немецкая оккупация Украины отрезала почти все металлургические заводы юга. Поэтому на съезд ленинцы возложили надежду, что делегаты предложат способ выхода из такого положения.

Очевидно, перед московскими предпринимателями были поставлены условия участия на съезде — преобразование МРЭК во что-то более приемлемое для Советской власти. 20 мая собрался 2-й съезд Московского района, который преобразовал МРЭК в Московский областной совнархоз. В нем был президиум из семи человек и 22 отдела [12. С. 37].

25 мая 1918 года в Москве собирается 1-й Всероссийский съезд совнархозов, на котором представлены шесть областных совнархозов: Московский, Северного района, Уральский, Западно-Сибирский, Харьковский (образовался в январе 1918 года) и Ташкентский (образовался в марте 1918 года), губернские совнархозы, а также ряд крупных городских совнархозов, как, например, Московский горсовнархоз. В задачу съезда входило обсуждение предложений Ленина «Основные задачи Советской власти», положения в каждой отрасли народного хозяйства и разработка основ функционирования Советов народного хозяйства.

Внешне, поскольку террор уже начался, все выглядит более или менее благополучно, и хозяйственные работники придерживаются лояльности Советской власти. Но на самом съезде три самых крупных совнархоза, Московский, Северный и Уральский, выступили против политики ВСНХ, обвинив его руководство в «главкизме». А губернские совнархозы выступили против политики областных, выдвинув против них обвинение в том, что они сосредотачивают управление всем хозяйством в своих руках, ничего не оставляя низовым организациям.

Суть спора состояла в том, что одним и тем же хозяйством на губернском уровне управляли три разные организации. Первой организацией был сам ВСНХ, который управлял хозяйством на местах через экономические отделы Советов и главки, которые распределяли материальные ценности. Затем, во вторую очередь, хозяйством управлял облсовнархоз. А за ним только, в третью очередь, местным хозяйством управлял губсовнархоз. Поскольку вышестоящие органы забирали самые лучшие и самые крупные предприятия, то на долю низовым организациям почти ничего не оставалось. Поэтому губсовнархозы пытались своими волевыми действиями подчинить себе хоть что-то, скатываясь, по понятиям руководства ВСНХ, на позиции местничества. Особенно сильны были такие настроения в Нижегородском, Рязанском, Черниговском губсовнархозах, на территории которых располагались крупные предприятия, подчиненные вышестоящему руководству. Они впадали в «местничество» чаще и регулярнее других.

Другим объектом споров было Положение о ВСНХ, которое должно быть утверждено съездом. Разумеется, съезд от-

бросил первое «Положение о ВСНХ» образца ноября 1917 года. Из-за слишком резких формулировок и огромных чрезвычайных полномочий ВСНХ оно было отброшено с самого начала. В резолюции съезда функции ВСНХ очерчивались уже совершенно другим способом: «...регулирует и организует все производство и распределение и непосредственно ведает всеми предприятиями и имуществом Республики через свои учреждения» [12. С. 9].

Никаких чрезвычайных полномочий у ВСНХ в Положении, принятом съездом совнархозов, уже не осталось.

Кроме утрясания своих ведомственных разногласий, съезд заслушал доклады о положении в различных отраслях хозяйства страны и принял по ним резолюции. Среди докладов был, помимо всего прочего, и доклад члена Президиума ВСНХ Ларина о развитии крупной добычи угля в Кузнецке и снабжения им уральских металлургических заводов и заводов центральных губерний страны. Это был первый набросок, прообраз Урало-Кузнецкого комбината, воплощенного в первую пятилетку. Делегаты одобрили доклад и одобрили проект развития такого комбината.

В целом, конечно, при наличии ряда спорных моментов и разногласий, 1-й съезд совнархозов высказался за хозяйственный курс Совнаркома и ВСНХ. Выражаясь языком партийных резолюций, было принято решение «принять с доработками».

Это был переломный момент. Власть над хозяйством страны с этой поры перешла в руки большевиков. Вскоре составы совнархозов были пересмотрены, и все предприниматели и представители рабочих организаций, неподконтрольных большевикам, были изгнаны из руководства хозяйством и промышленностью.

Глава вторая

ТРУДНОСТИ ВОЙНЫ

Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением,

В. И.Ленин

Опыт прошлой войны показал, что без мобилизации промышленности современную войну вести нельзя, и что неподготовленная мобилизация совершается медленно и трудно и получается дорогой иеной ломки основных производств, ошибок, вследствие недостатка опыта и уменья.

П. А. Богданов, заместитель Председателя ВСНХ РСФСР

Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственною строительства, иначе она не годна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем.

В. И. Ленин. Из выступления на Восьмом Съезде Советов, 22 декабря 1920 года

Положение Советской республики кардинально изменилось в марте 1918 года, после подписания Брестского мира. По условиям мирного договора, к Германии отходили самые важные промышленные области России: Донецкий район, с мощной угольной промышленностью и черной металлургией, Криворожский район с богатыми железорудными и марганцевыми месторождениями, наиболее плодородные области Украины и юга России. Занятие немецкими войсками Нарвы отрезало Петроград от единственного источника топлива, находившегося неподалеку, — месторождения горючих

сланцев. Положение русской промышленности, лишенной источников важнейшего промышленного сырья: угля и чугуна, стало критическим. Имевшийся запас сырья и топлива позволял продержаться некоторое время, но уже к лету 1918 года он должен был иссякнуть.

Немецкая оккупация и начавшиеся бои с первыми белогвардейскими отрядами на юге России заставили Ленина по-новому взглянуть на задачу управления народным хозяйством. 11 марта 1918 года, в правительственном поезде[1] по дороге в Москву Ленин пишет статью «Главная задача наших дней» с тезисами о новой хозяйственной политике. Он пишет о необходимости скорейшего развертывания производства вооружения.

Сразу же встал вопрос: как это сделать в условиях сильнейшего недостатка сырья и топлива для промышленности. Положение сложилось такое, что нельзя было следовать старым методам хозяйствования. Не стало в Советской республике донецкого угля, и его надо было чем-то заменить. Или построить новые угольные шахты, или найти заменитель. Не стало донецкого чугуна и стали, и надо было наладить производство на других заводах. Не стало много чего другого, доставшегося или немцам, или белогвардейцам.

Тут надо Ленину отдать должное: в этих условиях он не растерялся. На решение этой задачи в короткие сроки были брошены все силы. Ленинцы стали привлекать к работе ученых, оставшихся на подконтрольной им территории. Силами ученых и хозяйственников разрабатываются планы электростроительства, развертывания научных исследований с целью выявления новых запасов руд и топлива, начинается работа по сбору и привлечению к решению военно-хозяйственных задач научных кадров.

Проводится все более масштабная национализация предприятий, завершившаяся национализацией всей крупной промышленности. Национализация сосредоточила

[1] В этот день правительство РСФСР переезжало из Петрограда в Москву.

в руках хозяйственников ВСНХ 35% всех предприятий страны, преимущественно крупных, с большой производственной мощностью. В руках большевиков в марте 1918 года была почти вся машиностроительная индустрия страны, сосредоточенная в Петербурге и Москве, а также металлургический район Урала. Все эти предприятия, одно за другим, включаются в производство вооружений и боеприпасов.

К конкретной работе по вооружению образованной декретом от 15 января 1918 года Красной Армии немедленно подключаются военные предприятия. Еще 18 февраля 1918 года Тульскому металлическому заводу был выдан первый заказ на изготовление винтовок и частей к ним [13. С. 34]. В середине марта военные заказы были размещены на других военных металлических заводах.

С металлом положение пока еще было терпимое, чего нельзя было сказать о топливе. Еще сохранялась связь с Баку, где была сосредоточена добыча нефти и запасы нефтепродуктов. Но вскоре Баку был потерян. Война на юге России отрезала Грозненские нефтепромыслы. Напряженнее всего было положение с углем, запасов которого было очень мало, а подвоз из донецких шахт прекратился.

Без топлива промышленность грозила остановиться.

Большевистское хозяйственное руководство, как могло, пыталось решить эту проблему. В середине марта 1918 года в Президиуме ВСНХ был заслушан доклад Ю. Ларина, председателя Комитета хозяйственной политики ВСНХ, о поднятии добычи угля. Ларин предлагал простое решение угольной проблемы. На востоке страны есть большой угольный бассейн в Кузнецкой котловине. Рядом есть железная дорога. Нужно было наладить добычу угля в Кузнецком районе и снабжение им уральских металлургических заводов и заводов Центральной России[1].

[1] Идея развития добычи угля и выплавки чугуна в Кузнецке разрабатывалась еще до революции, и ее пыталось осуществить общество «Кузнецких каменноугольных копей». Но Ларин впервые предложил вывозить уголь в Европейскую часть России.

Президиум ВСНХ эту идею одобрил и постановил вынести ее на обсуждение съезда совнархозов в мае 1918 года. 1-й съезд совнархозов идею Ларина одобрил, и уже в конце мая 1918 года ВСНХ выдал заказ на проектирование добычи угля группе инженеров. Они должны были подготовить проект комбината, транспортную схему, проекты шахт и рудников, погрузочных дворов и подсчитать смету затрат [13. С. 142-143].

Нехватка топлива в Петрограде заставила большевиков также обратить внимание на старые проекты электрификации промышленности города и района. Еще в 1900-х годах инженер Генрих Осипович Графтио разработал проект гидроэлектростанции на Волхове, которая должна была снабжать электроэнергией промышленность Петербурга. В 1911 году этот проект был закончен, но строительство станции застопорилось из-за того, что земли в месте запроектированной плотины принадлежали «Обществу 1886 года», которое наотрез отказалось их продавать. Проект гидростанции был положен в архив.

К идее электрификации вернулись уже в ходе Первой мировой войны, в 1916 году. Петроградская промышленность, испытывающая острый недостаток в угле, нуждалась в хоть каких-нибудь его заменителях. Тут-то и был поднят проект электрификации. Группа промышленников во главе с М. И. Литвиновым-Фалинским, бывшим в то время управляющим Департамента промышленности Министерства торговли и промышленности, в конце мая 1916 года представила в Особое совещание по обороне проект строительства электростанции на 576 тысяч кВт. Особое совещание наложило на письмо резолюцию: «Принять к сведению» [15. С. 346-347].

23 июля 1916 года в Особое совещание поступило новое письмо, теперь уже от инженера Кривошеина, который предлагал осуществить строительство каскада электростанций на реках Карельского перешейка. Реализацию проекта были готовы поддержать финское Общество «Фарс» и Общество А. И. Путилова. Они брались за 18 месяцев построить первую электростанцию на 26 тысяч кВт, стоимостью в 32 млн рублей. Общая мощность каскада станций составляла 421 тысячу кВт, стоимость — 120 млн рублей. Но и это письмо тоже было положено под сукно [13. С. 346—347].

Вот эти проекты и были подняты большевиками из архивной пыли. Острая нужда заставила и обратить внимание на них, и попытаться реализовать.

18 марта 1918 года Электротехнический отдел ВСНХ и Комитет хозяйственной политики ВСНХ утвердили программу электростроительства, включающую в себя Волховскую, 1-ю Свирьскую, 2-ю Свирьскую гидростанции, Шатурскую станцию на торфе и силовую установку в Богородске. Ленин присутствовал на заседании и участвовал в обсуждении проектов [13. С. 142]. Он уделил огромное внимание этому вопросу. Электрификация сулила большой выигрыш — отказ от поставок донецкого угля в Петроград.

Через несколько дней, 22 марта 1918 года, состоялось заседание Комитета хозяйственной политики ВСНХ, на котором был рассмотрен и утвержден бюджет Волховстроя. 9 мая 1918 года декретом Совнаркома был образован Комитет государственных сооружений, а 25 июня при Комгосооре было создано Управление электротехнических сооружений, или Электрострой. В составе Электростроя было пять управлений, по числу запланированных строящихся станций, согласно программе электростроительства, принятой 18 марта 1918 года: Каширской, Шатурской, Волховской и двух Свирьских электростанций.

Но в июне 1918 года смогли приступить к строительству только трех электростанций. Совнарком отпустил средства. Графтио стал начальником Волховстроя, Винтер — Шатурстроя, а начальником Каширстроя стал брат наркома продовольствия — Г. Д. Цюрупа. Летом 1918 года удалось построить первоначальную базу строительства, разметить площадку и приступить к первым земляным работам.

Впоследствии события на фронте сильно затормозили стройку. Началась мобилизация, и бóльшая часть рабочих со строек ушла в Красную Армию. Остро не хватало продовольствия, стройматериалов и рабочей одежды. Выделявшиеся

материалы и продовольствие доставлялись с огромным трудом, с большими опозданиями. Не было техники. Винтер говорил:

«Вспоминая тот период, я должен отметить, что строительных механизмов мы тогда, по существу, не имели. В нашем распоряжении был лишь единственный подъемник для кирпича и единственная небольшая бетономешалка. И это все» [16. С. 33].

Но, тем не менее, Ленин за эти стройки держался. 11 декабря 1918 года, в дни зимнего разгрома Красной Армии, Совнарком объявил Шатурстрой срочной стройкой государственной важности. Ленин выделил для строителей красноармейские пайки и строго запретил забирать со стройки квалифицированных рабочих. Работы поддерживались. Из Москвы время от времени присылались материалы, одежда, остатки продовольствия, оставшиеся после расформирования воинских частей. Начальники брали то, что давали, а потом уже, на месте, лишние и ненужные запасы или обменивали на что-то еще, или этими запасами рассчитывались с рабочими.

Но, несмотря на все усилия, Ленину не удалось осуществить эти планы полностью. Проект развития угледобычи в Кузнецке был отложен из-за начавшейся в Сибири войны. А строительство гидростанций под Петроградом было завершено уже после Гражданской войны. До 1921 года удалось провести только подготовительные работы.

Промышленность Советской республики в годы Гражданской войны постоянно работала в условиях нехватки топлива и под конец войны балансировала на грани остановки.

В ход хозяйственных работ постоянно вносило свои коррективы положение на фронте. Поскольку в Добровольческой армии оказались лучшие генералы и офицеры бывшей российской армии, имевшие отличную выучку и опыт боев, то Ленин мог рассчитывать только на численный перевес своей армии. Впрочем, и это не помогло. В июне 1918 года против 9 тысяч штыков Добровольческой армии на Северном Кавказе было сосредоточено около 100 тысяч штыков Красной Армии, с подавляющим превосходством в артиллерии. В ходе боев в июле-августе 1918 года эта войсковая группировка красных была полностью разгромлена.

Восстание чехословацкого корпуса в Сибири и на Урале отрезало от Советской республики последний крупный сырьевой район. Подвоз чугуна с Урала прекратился.

Потеря важнейших экономических районов страны, наступление на Советскую республику со всех сторон заставили ленинцев бросить все силы на войну. В Советской республике начались массовые и масштабные мобилизации в армию. В сентябре 1918 года в Красной Армии насчитывалось 600 тысяч человек, а в декабре 1918 года уже 2 млн 116 тысяч [13. С. 161]. Вооруженные силы возросли вчетверо за каких-то полгода!

Быстрый рост вооруженных сил поставил перед Совнаркомом и ВСНХ нелегкую задачу: одеть, обуть, вооружить и снабдить продовольствием такую огромную армию. При условии резкого сокращения запасов сырья и продовольствия, решение такой задачи упиралось в необходимость жесткого, планового распределения всех ресурсов.

16 августа 1918 года, в день взятия Екатеринодара добровольцами, обозначившего полный разгром Красной Армии на юге России, появилось сразу несколько новых военно-хозяйственных органов. Совнарком принял решение о создании в ВСНХ Чрезвычайной комиссии по производству предметов военного снаряжения. Во главе ее встал Леонид Красин [13. С. 168]. Эта комиссия провела быструю и тщательную ревизию всего имеющегося на территории Советской республики производства, запасов промышленного сырья, топлива и составила план организации военного производства.

В этот же день Совнарком принял еще одно решение — создать в ВСНХ Научно-технический отдел с Экспертным бюро по делам изобретений. Научно-технический отдел должен был развернуть масштабные исследования для нужд производства и армии. Перед ними были поставлены первоочередные задачи — организовать производство бензина,

производство синтетического каучука, произвести геологические изыскания на предмет отыскания новых залежей полезных ископаемых на территории республики, подконтрольной большевикам. Экспертное бюро должно было проводить экспертизу всех изобретений и немедленно внедрять те, которые обещали результат.

Массовое производство вооружения потребовало мобилизации всех запасов металла. *21* августа 1918 года Совнарком принимает декрет о распределении металла. Отныне распоряжение запасами металла — дело государственных органов, и запасы распределяются только на первоочередные производственные заказы.

Военные заводы были загружены производством до предела возможностей. О том, насколько напряженным было производство на военных заводах, говорят данные Главного артиллерийского управления. Во втором полугодии 1918 года, то есть за июль-декабрь, Красная Армия получила 2500 орудий (в два раза больше, чем получено из арсеналов Русской армии) и 4,5 млн снарядов к ним. 900 тысяч винтовок (в три раза больше, чем получено из старых арсеналов), 8 тысяч пулеметов, 75,5 тысяч револьверов, а также 500 млн винтовочных, 1,5 млн револьверных патронов и 1 млн ручных гранат. Произведенное только за 1918 год в два раза превышало тот арсенал, который удалось собрать после роспуска российской армии! К этому можно добавить еще 2,5 млн шинелей и 4,5 млн пар обуви, произведенных за тот же 1918 год [13. С. 227].

Зимой 1918/19 года, сформировав новые части, командование Красной Армии запланировало разгром Добровольческой и Донской армий. Но в ходе ожесточенных боев белым удалось сильно потрепать 10-ю армию, оборонявшую Царицын, и разгромить Таманскую армию. Красным в начале января 1919 года удалось нанести серьезный урон Донской армии. Шла подготовка к нанесению сильных фланговых ударов по Добровольческой армии. Но белые разгадали замысел командования 11-й и 12-й армий и нанесли им сокрушительное поражение. Эти две армии были полностью разгромлены.

Надежды на скорую победу были жестоко развеяны зимним разгромом 1919 года. Даже огромная Красная Армия и численный перевес над белыми не давали гарантии победы. Поражение сильно ухудшило положение Советской республики. Запасы сырья, которые были на заводах, оказались исчерпанными осенью и зимой 1918 года, когда военное производство достигло одного из пиков за Гражданскую войну. Уже в январе-феврале 1919 года началось падение уровня производства винтовок и патронов.

Особенность хозяйственной истории Советской республики в годы Гражданской войны состоит в том, что вслед за очередным поражением следовал этап бурной хозяйственной деятельности. Так было и после сокрушительного разгрома зимой 1919 года.

Ленин твердо выбрал единственно доступный для него метод преодоления крупных поражений: заниматься созданием все новых и новых сил, созданием и вооружением новых армий. В конце ноября 1918 года Ленин решает централизовать управление военно-хозяйственными делами в еще одном верховном, надправительственном органе, не связанном формальностями. Рождается Совет рабоче-крестьянской обороны, или Совет Труда и Обороны (СТО), куда входили представители важнейших советских органов, что позволяло быстро и оперативно решать все встающие вопросы.

1 декабря 1918 года Совет Труда и Обороны собрался на свое первое заседание. В повестке дня были вопросы продовольственного снабжения, снабжения топливом, вопросы транспорта и учет военного имущества.

В конце 1918 — начале 1919 года советские органы произвели подсчет оставшегося у них имущества и производственных возможностей. Была проведена промышленная перепись, охватившая 31 губернию, оставшуюся под контролем большевиков. Она показала, что в руках большевиков осталось 100% текстильного, менее 50% пищевого, 50% металлообрабатывающего, 50% химического производств.

Хозяйственное руководство, несмотря на тяжелое положение в промышленности, развернуло огромную активность.

Весной 1919 года, в силу невозможности расширения производства стрелкового оружия, усилия промышленности были сосредоточены на вооружении бронепоездов и бронемашин. В мае 1919 года Реввоенсовет РСФСР располагал мощным броневым подвижным составом. Было вооружено 46 бронепоездов и 16 бронелетучек [13. С. 283—284].

Наступал наиболее драматичный момент противоборства белых и красных. Весной 1919 года в белых армиях было 215 тысяч человек, а также 45 тысяч солдат союзников. Против них Ленин имел Красную Армию численностью примерно в 2 млн человек, из которых около трети не имели оружия. Производство явно и ощутимо не успевало за мобилизациями. К февралю 1919 года нехватка винтовок составила 239 тысяч, или 35%, карабинов — 837 тысяч (87%), пулеметов — 14,5 тысяч (65%), орудий — 2650 (60%). Проценты показывают разницу между фактическим наличием вооружения и необходимостью по штату.

Поскольку против белых армий не помогало и десятикратное превосходство в численности, а положение республики было тяжелейшим, то спасти большевиков могло только чудо. Это чудо произошло.

В марте-июне 1919 года командарму 4-й армии М. В. Фрунзе удалось разгромить Западную армию Колчака, занять Уфу и сорвать объединение Вооруженных сил Юга России и армии Колчака в единый фронт. Сообщение с уральскими заводами было восстановлено. Это позволило несколько поправить положение с топливом и промышленным сырьем. С помощью Урала, второй раз занятого красными летом 1919 года, Советская республика получила возможность продолжить войну.

В ходе боев летом 1919 года на юге России, в апреле-мае 1919 года, А. И. Деникину удалось разгромить 9, 10 и 13-ю армии, разорвать кольцо окружения и перейти в наступление, окончившееся взятием Царицына 30 июня 1919 года. В этот момент, несмотря на успех на Восточном фронте против Колчака, территория Советской республики, ограниченная фронтами, сократилась до своего минимального размера.

После победы на Урале и сокрушительного поражения красных на юге России начался еще один этап военно-хозяйственного строительства. Ленинцы решили взять максимум возможного с Урала и за его счет поправить свое положение. 7 июля 1919 года Совет Труда и Обороны назначил Алексея Рыкова Чрезвычайным уполномоченным СТО по снабжению армии. Его должность сокращенно называлась Чусоснабарм. В задачи Чусоснабарма входили очень простые дела: добыть или произвести новую партию вооружения, патронов и обмундирования, собрать продовольствие для армии.

Задача вооружения армии летом 1919 года заключалась в восстановлении остановившегося производства вооружения и боеприпасов. Чрезвычайный уполномоченный в кратчайшие сроки добился восстановления разрушенного Ижевского металлического завода, завершения строительства и пуска новых патронных заводов.

Огромное внимание было уделено пополнению сырьевых запасов. 10 июля 1919 года Президиум ВСНХ создал временную комиссию по делам Урала, в чье распоряжение было предоставлено 3 млн рублей золотом [12. С. 48]. Главной задачей комиссии был сбор металла на уральских заводах и организация его выплавки. С Урала было вывезено 47 тысяч тонн металла [13. С. 293]. Уральским заводам на остаток 1919 года была установлена высокая производственная программа. В нее входило восстановление 22 домен и выплавка 400 тысяч тонн чугуна, восстановление 12 мартеновских печей и выплавка 380 тысяч тонн стали. Эта огромная программа была выполнена только примерно на 10%. В общей сложности за второе полугодие 1919 года на Урале было выплавлено 32 тысячи тонн железа, 5 тысяч тонн чугуна и выпущено 1,2 тысячи тонн заготовок [14. С. 39].

В ходе этой лихорадочной работы по военно-хозяйственному строительству вырабатывались самые основы советской хозяйственной практики. Для большего удобства работы предприятий еще летом 1918 года были созданы большие производственные объединения, в которые были включены заводы примерно одного профиля. Первенцем был трест

ГОМЗ — Государственное объединение машиностроительных заводов, объединявший самые мощные машиностроительные заводы Московского и Нижегородского районов. Летом 1919 года были созданы: Ленмаштрест — объединение заводов Петроградского района; Гомомез — Государственное объединение металлургических заводов; Госчугплав — Государственное объединение чугуноплавильных заводов.

Заводам, от которых зависел выпуск готовой военной продукции, выдавались планы, находившиеся почти всегда на пределе их технических возможностей. Брались довоенные данные о производственной мощности того или иного завода, и, исходя из этих цифр, составлялась производственная программа. Разумеется, и в 1918, и в 1919, и особенно в 1920 году фактическая мощность завода существенно отличалась от той, что была до войны. Однако плановиков это не смущало. План выдавался напряженным, и забиралось все, что только оказалось возможным произвести. Вот что писал об этом Кржижановский в феврале 1921 года:

«Основную роль играли два момента: первый — это построение производственных программ, главным образом на отставании производственных возможностей. Грубо говоря, ВСНХ в то время строил программы следующим образом: он брал какой-нибудь завод, техническое оборудование которого было известно... исходя из того факта, что потребность в фабрикатах в Республике совершенно неограниченна, и что мы нуждаемся решительно во всем, устанавливалась соответственно производительной возможности завода, с некоторым поверхностным учетом лишь основных производственных факторов, главным образом топлива и рабочей силы» [17. С. 65].

Производственное планирование охватило в годы Гражданской войны производство металла, вооружения, боеприпасов и обмундирования. Во многих случаях это делалось впервые. Такой важной отрасли, как металлургия, летом 1919 года впервые был дан обязательный производственный план. До этого металлургические заводы ориентировались на помесячные программы трестов или синдиката, на фактические запасы угля и наличие рабочих. Выпуск мог колебаться от почти полной загрузки мощностей до использования едва ли трети их возможностей.

Теперь же была спущена обязательная полугодовая программа выплавки металла, рассчитанная на основе полной загрузки мощностей. Она не была выполнена, но, тем не менее, дала первый опыт централизованного управления крупным производством. Несмотря на ничтожные показатели выполнения программы, важен был сам факт работающего производства и металл, который смог на некоторое время сократить дефицит сырья.

Нововведения в хозяйственной работе в середине 1919 года показали, что отдельные хозяйственные задачи следует решать путем создания специализированных организаций: постоянных или временных. Сосредоточение решения всех вопросов в одном центральном органе, пусть бы и наделенном чрезвычайными полномочиями, тормозит всю хозяйственную работу. Рассмотрение сотен вопросов делает руководящий орган неповоротливым. Например, тот же СТО провел за 1919—1920 годы 101 заседание, на каждом из которых рассматривалось по 15—20 вопросов. В целях улучшения руководящей работы, функции руководства следовало в определенные моменты децентрализовать. Этого принципа советские хозяйственники придерживались вплоть до конца 50-х годов. Он хорошо показал себя как в годы индустриализации, так и в годы войны.

Работа на Урале показала, что лучше вопросы развития промышленности решать не в масштабе всего государства, а порайонно. Территория страны, подвластная большевикам, была условно разделена на районы, для промышленности выделялась какая-либо специализация. Например, Урал специализировался в начале 1920-х годов на выплавке металла, как черного, так и цветного. Донецкий район — на добыче угля и выплавке чугуна и стали. Петроградский район — на тяжелом машиностроении. Известная специализация районов позволяла провести рационализацию производства и добиться большей его эффективности.

Осенью 1919 года Красной Армии удалось достичь перелома в ходе войны. После осенних боев, в которых стороны понесли большие потери, белые утратили стратегическую инициативу и стали отступать. Командование Красной Армии начало новую операцию по уничтожению белых армий. К началу марта 1920 года на Северном Кавказе, на Кубани и Тамани красным удалось одержать решающие победы. Добровольческая армия оставила Прикубанье и Таманский полуостров и эвакуировалась в Крым.

После коренного перелома в ходе войны, на первый план выдвинулись задачи уже не столько военного производства, хотя задачи обеспечения армии никто с повестки дня еще не снимал, а сколько уже налаживания мирного производства и восстановления разрушенного войной хозяйства страны.

Объем работ оказался настолько велик, а объемы финансовых и материальных возможностей Советской республики оказались настолько малы, что было понятно: восстановление хозяйства будет продолжаться много лет. Сама задача восстановления хозяйства потребовала планового распределения государственных средств, бывших основным источником капиталовложений, во времени и по промышленным районам. Советские хозяйственники и правительство столкнулось с необходимостью создавать перспективный план развития народного хозяйства страны.

К этому хозяйственников подтолкнул топливный кризис, начавшийся в октябре 1919 года и развернувшийся в полную силу в январе-марте 1920 года. Война разрушила главный источник топлива для промышленности — Донецкий бассейн и нарушила связь с бакинскими и грозненскими нефтепромыслами. Железные дороги, ведущие к ним, были разрушены боями и требовали восстановления. Таким образом, хозяйственная обстановка подсказала важнейшие отрасли хозяйства: топливно-энергетический комплекс и транспорт.

Для советской пропаганды Ленин был воплощением всего самого лучшего, что только есть в человеке. Прозорливый, умный и глубокий мыслитель, предсказавший и предвидевший развитие России на много лет и десятилетий вперед. Блестящий политический лидер, разработавший и воплотивший в жизнь политическую программу большевиков. Выдающийся государственный деятель, создавший сами основы и устои Советской власти. И, наконец, блестящий экономист и плановик. А также, если верить Бонч-Бруевичу и Крупской, просто добрый и душевный человек.

Из всего этого набора качеств нас больше всего интересуют два: выдающийся государственный деятель и блестящий плановик.

Еще в первой главе я позволил себе сказать, что у Ленина не было никакого плана хозяйственного строительства, и что все жизнеспособные идеи, воплощенные на практике, были Лениным заимствованы. У коммунистов и советских историков на этот выпад есть готовое возражение: план был! Он назывался так: План государственной электрификации России, сокращенно «Гоэлро».

Факты — вещь упрямая, и тут ничего не поделаешь. Такой план действительно был. Но и о нем нужно сказать, что идея электрификации не большевиками была выдумана.

Идея электрификации хозяйства в России в те времена, что называется, носилась в воздухе. Промышленность, основанная на использовании работы паровых установок, пожирала колоссальное количество угля и выбрасывала в воздух тучи дыма, сажи и копоти. Например, в Баку, где до революции было сосредоточено очень много паровых установок для приведения в действие бурильных станков, дым и сажа застилали солнце, и везде был слой копоти. Поселок рабочих поэтому выглядел черным. Сажа и копоть были неизменными спутниками любого производства.

Рядом был пример Германии, которая стала в конце XIX века активно развивать свою электропромышленность. На заводах появились первые электрические энергоустановки, которые поражали отсутствием шума и копоти. В Германии развернулось строительство районных электро-

станций, каждая из которых снабжала электричеством города, поселки и заводы определенного района. Немцы пытались электрифицировать даже сельское хозяйство и проводили первые эксперименты по пахоте с применением электроплуга. Ленин, будучи в эмиграции, видел все эти достижения немецкой электротехники и надолго сохранил восторг перед ними.

Русские промышленники и инженеры, безусловно, понимали выгоды электрификации хозяйства, но дело вставало из-за ряда обстоятельств.

Во-первых, для проведения электрификации нужны были большие свободные средства. Во-вторых, в России были слабо развиты те производства, которые могли быть сразу же электрифицированы: сложное машиностроение, химическое производство, электропромышленность. А в-третьих, русская электропромышленность находилась под контролем немецких фирм, которые не желали создавать на свои же деньги себе русского конкурента. Электрификация уперлась в высокую стоимость электрооборудования. Немцы поддерживали уровень производства в России на таком уровне, чтобы иметь возможность обслуживать имеющееся электрооборудование, но не более.

Так уж получилось, что между немецкой электропромышленностью и большевиками еще до революции установилась тесная связь. Нет, немецкие электропромышленники не финансировали ленинскую партию. Просто некоторые большевики до революции работали на германские фирмы.

Леонид Красин, глава подпольной большевистской боевой организации, инженер по образованию, после ряда громких террористических актов, совершенных большевистскими боевиками, был заочно приговорен судом к смертной казни. Но сумел эмигрировать в Германию, где в 1912 году устроился в фирму «Сименс-Шуккерт». Довольно быстро ему удалось сделать в фирме карьеру, и через некоторое время Красин приехал в Россию уже в качестве представителя немецкой фирмы.

В 1907 году Красин помог устроиться рядовым рабочим в филиал фирмы «Сименс-Шуккерт» под названием «Общество электрического освещения 1886 года» Глебу Максимилиановичу Кржижановскому. Это тоже был революционер с большим стажем, и тоже инженер по образованию. Кржижановский тоже сделал хорошую карьеру, быстро став инженером и начальником кабельного отдела фирмы в Москве. В 1914 году он стал работать на электростанции «Электропередача» под Москвой, где познакомился с Р. Э. Классоном, А. В. Винтером и В. XI. Кирпичниковым [18. С. 8j, в будущем видными советскими гидростроителями.

По своей работе он тесно познакомился с тонкостями немецкой электроэнергетики и стал в ней хорошо разбираться. Идеи немцев ему очень понравились, и Кржижановский стал их, по мере сил, пропагандировать. Особенно понравилась ему идея районных электростанций на местном топливе: на буром угле и торфе. Кржижановского эта идея буквально захватила. Запасы бурого угля и торфа в России огромны, в сотни раз больше, чем в Германии, на этой топливной базе можно было развернуть мощнейшую сеть районных станций и провести полную электрификацию русской промышленности.

Я немного отвлекусь от идей электрификации и расскажу о самом Глебе Максимилиановиче. Как уже говорилось, это был революционер с огромным стажем. Он был потомком одного из декабристов. Революционную деятельность начал еще в 1892—1893 годах в первых марксистских кружках в Петербургском Политехническом университете. Потом он вошел в группу руководства ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». На той самой знаменитой фотографии членов Союза Кржижановский сидит по правую руку от Ленина.

Вместе с Лениным, 9 декабря 1895 года, он был арестован, осужден и поехал в ссылку. Ленин отбывал ссылку в Шушенском, а Кржижановский в Тесинском, что на 80 километров к северу от Шушенского. Там он сочинил перевод на русский язык польской революционной «Варшавянки». Впоследст-

вии, отбыв ссылку и вернувшись, Ленин поручил Кржижановскому подготовку 2-го съезда РСДРП. Затем Кржижановский был заочно избран в ЦК партии. Одним словом, Кржижановский входил в число приближенных Ленина с самых первых лет революционной борьбы [18. С. 8]. Революционер был видный.

Потом, правда, их пути несколько разошлись. Кржижановский не согласился с раскольнической политикой Ленина, но и меньшевиков тоже не поддержал. Он участвовал в революционной деятельности, пока, наконец, не остался без работы. Тогда он бросил революцию окончательно, с помощью Красина устроился в фирму и стал работать.

В дни революции 1917 года Кржижановский восстановил свое знакомство с Лениным, но активного участия в событиях не принимал. Он удовлетворился почетной ролью члена партии с большим стажем. Его снова приняли в партию большевиков и записали партстаж аж с 1890 года! Кржижановский работал на советской службе и иногда писал статьи для газет.

Кроме Кржижановского, идеей электрификации занимались многие русские инженеры. В первые дни революции, когда Совнарком только-только формировался, приходили люди с идеями и предложениями к новой власти с надеждой на их воплощение. Тогда-то Ленин впервые и услышал о проектах электростанций. В декабре 1917 года в Смольный пришел инженер Александр Васильевич Винтер, знакомый Кржижановского, который предложил Ленину проект строительства Шатурской станции на торфе. От него, по всей видимости, Ленин узнал о проекте Волховской электростанции Графтио и заинтересовался им. Через несколько дней, в начале января 1918 года, Ленин попросил найти Графтио и поручить ему заняться срочной разработкой системы Волховской гидроустановки.

Идеи Кржижановского об электрификации на основе использования местного топлива нашли понимание у Ленина при достаточно своеобразных обстоятельствах. Осенью

1919 года, когда развернулся очередной этап лихорадочной работы в военном производстве, Красин набрел, в поисках более полной и точной информации о возможностях русской промышленности, на книгу профессора В. И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности». Она была написана в начале Первой мировой войны и содержала в себе анализ состояния русской промышленности, а также разработку вопроса о том, как она будет развиваться после войны.

Красин, прочитав книгу, оценил ее и показал Ленину. Тот ухватился и прочитал ее всю до последней страницы единым запоем. Не только прочитал, но и исписал все ее поля всевозможными замечаниями. Гриневецкий, к тому моменту уже умерший, давал набросок первоочередных мер для развития промышленности после войны, вывода ее из дезорганизации.

Ленин дал этот свой экземпляр книги сначала Цюрупе, а потом Рыкову. Рыков, к большому несчастью, этот экземпляр потерял, за что Ленин его беспощадно обругал. Но, несмотря на потерю столь ценного экземпляра, Ленин был полон решимости довести начатое дело до конца. Только вот самые неотложные дела заставили его на время отложить разработку идеи общегосударственного плана.

В конце декабря 1919 года Кржижановский подготовил и представил в ВСНХ записку о запасах торфа и перспективах его использования. Глеб Максимилианович в ней ничего нового не сказал, а повторил лишь старые свои идеи. Торфа в Центральной России много. К северо-востоку от Москвы лежат огромные торфяники. Торф есть на Урале и в Сибири. Кроме того, торф добывать очень легко. Для этого не нужно строить шахты и заводить сложную технику. Достаточно разбить карьер. Торф легко режется, и добывать его можно вручную. После просушки он становится очень легким и калорийным топливом, которое вполне может заменить дрова и бурый подмосковный уголь. Поэтому, писал Кржижановский, нужно для решения топливной проблемы больше внимания обратить на торф, развернуть его добычу и в дальней-

шем построить тепловые и электрические станции на торфе по всей России.

Ленин, уже подготовленный чтением книги Гриневецкого, ухватился за сообщение Кржижановского. Вообще, судя по запискам и заметкам, касающимся вопросов хозяйственного развития, Ленин и ранее очень сильно интересовался торфом и возможностями его применения.

Первые эксперименты в этом направлении были сделаны еще летом 1918 года. Но тогда не удалось добиться сколь-нибудь серьезных результатов, потому что топка не отвечала условиям сгорания торфа. Из-за этого притормозилосъ строительство Шатурской станции. Но уже в декабре 1918 года профессор Т. Ф. Макарьев сумел спроектировать новую топку, дававшую намного более лучшие результаты сжигания. Проект энергетики на торфе стал реальностью. Отложенный из-за активных боев на фронте, этот проект находился в запасе активных идей, и Ленин к нему вернулся сразу же, как только сложилась более или менее благоприятная обстановка.

26 декабря 1919 года Ленин пишет письмо Кржижановскому:

«Глеб Максимилианович!

Меня очень заинтересовало Ваше сообщение о торфе. Не напишете ли статью об этом в «Экономической жизни»? Необходимо обсудить вопрос в печати.

Вот-де запасы торфа — миллиарды пудов...

Вот-де база для электрификации во столько-то раз при теперешних электростанциях.

Вот быстрейшая и вернейшая-де база восстановления промышленности; организации труда по-социалистически...; выхода из топливного кризиса (освободить столько-то миллионов кубов леса на транспорт)» [19. С. 105].

Кржижановский такую статью подготовил, и в начале января 1920 года она увидела свет на полосах «Экономической газеты». Ленинская мысль тем временем продолжала развиваться дальше.

Когда на Южном фронте наметился перелом в сторону разгрома Добровольческой армии и конец войны стал уже не

за горами, перед Лениным встала новая задача — формулировка курса партии и Советской власти после войны. Задача совершенно необычная, поскольку ничего подобного Ленину делать еще не приходилось. Здесь он должен был проводить курс как глава государства и победившей партии, а не как революционер.

Налицо имелись очень большие проблемы чисто хозяйственного характера. Наиболее развитые промышленные районы страны попали в районы боев. Заводы, коммуникации, рудники там были разрушены. В тех же районах, где боев не было, заводы находились на грани остановки из-за сильнейшего износа оборудования. Налицо был острейший дефицит металла и топлива, который не позволял производству подняться выше минимальных объемов, развернуть производство оборудования, хотя бы самое минимальное, и сгладить последствия промышленного кризиса.

Кратко говоря, уже в конце 1919 года было понятно, что после войны останется предельно ослабленное хозяйство, на подъем которого потребуются силы и средства.

Ленин в тот момент в первую очередь интересовался вопросами подъема хозяйства. Война шла к концу, но еще не кончилась, и потому останавливать военное производство было еще нельзя. Кроме того, нельзя было сбрасывать со счетов иностранную опасность. Польские войска заняли часть Украины и Белоруссии и стояли на р. Березине. Они могли в любой момент перейти в наступление. Да и, несмотря на падение революций в Европе, Ленин надеялся на то, что в самое ближайшее время попытку можно будет повторить, и тогда понадобятся части Красной Армии для революционного броска в Европу.

Поддержание частей в боевой готовности требовало известного уровня военного производства, пополнения запасов вооружения и боеприпасов. А это, в свою очередь, требовало решения ряда вопросов снабжения заводов топливом и сырьем.

Кроме того, в начале 1920 года Ленин уже отбросил большую часть своих старых идей и стал формировать новое пред-

ставление о действительности. Перед ним встала задача формулирования нового курса, который будет проводиться в условиях мира, в стране с победившей властью большевиков. Для этого курса старые революционные идеи совершенно не подходили.

В обстановке начала 1920 года эти две большие задачи сплетались воедино. Ленин начинал смотреть на хозяйственную политику через призму своего политического замысла. Видимо, чем больше он обдумывал эти проблемы, тем чаще рассматривал их как части некоей единой программы. Вслед за этим, видимо, появилась мысль о том, почему бы эти две задачи не объединить в одну и сделать восстановление хозяйства тем лозунгом, который сможет снова увлечь массы и заполнить некоторый идеологический вакуум.

К тому моменту, когда Ленин написал еще одно письмо Кржижановскому, он уже окончательно смотрел на дело именно таким образом. Итак, 23 января 1920 года Ленин — Кржижановскому:

«Г. М.! Статью прочитал...

Надо:... 2) нельзя ли добавить план не технический, а политический или государственный, т. е. задание пролетариату.

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20—30 (30—50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст ; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти. Начинаем-де сейчас закупку необходимых материалов и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию электрической...

Его надо дать сейчас, чтобы рабочие массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу-де, в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической. Доработаемся до стольких-то тысяч или миллионов лошадиных сил (или к.у.?? черт его знает) машинных рабов и прочее...

Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10—20 лет...

Созвонимся по телефону» [16. С. 11].

Итак, Ленин в конце января 1920 года приходит к идее разработки хозяйственного плана, не только технического,

но и политического, в качестве большой и захватывающей программы.

Забегая вперед, скажу, что Ленину до своей смерти так и не удалось полностью решить задачу выработки нового курса победившей партии. За те два с половиной года, которые остались у него до первого удара в мае 1922 года, Ленин сумел разработать только самые основные идеи, замыслы, которые так и остались у него в черновиках, но которые не превратились в стройную и хорошо разработанную программу.

После письма состоялся телефонный разговор Ленина с Кржижановским, в котором Ленин предложил ему создать особую комиссию по разработке хозяйственного плана и возглавить ее. Пообещал выделить деньги и пайки для членов комиссии.

11 февраля 1920 года Генрих Осипович Графтио и Дмитрий Иванович Комаров вошли в подъезд дома № 24 по Мясницкой улице в Москве и поднялись на третий этаж, в квартиру, где было назначено первое заседание комиссии. Дверь открыл Кржижановский и пригласил их войти. В квартире было очень холодно, и Глеб Максимилианович не снимал пальто. Все прошли в соседнюю комнату, где стояла буржуйка, стол и лавки. Здесь уже сидели остальные члены «инициативной группы»: А. Г. Коган, К. А. Круг, Г. Д. Дубеллир, В. И. Угримов и М. Г. Евреинов [16. С. 71].

Кржижановский открыл первое заседание комиссии, зачитал постановление Совета Труда и Обороны и ВЦИКа об организации комиссии по разработке плана Государственной электрификации России («Гоэлро»), о задачах и об особом задании Ленина.

Работа началась с уточнения состава Комиссии и распределения обязанностей. С самого начала было ясно, что силами небольшой групы представителей ведомств колоссальную работу по составлению плана не выполнить, и требуется набор специалистов. Но сначала, за четыре заседания, к 24 февраля 1920 года были образованы восемь подкомиссий Комиссии «Гоэлро» и уточнен их состав. Обязанности общего руководства работами были возложены на инициативную

группу Комиссии из восьми человек, в число которых были введены, кроме уже включившихся в работу, еще М. Я. Лапиров-Скоблин и Б. Э. Стюнкель.

За специалистами Кржижановский пошел по профсоюзам. Николай Петрович Богданов, член Комиссии, вспоминает, как в феврале 1920 года к нему, в ЦК Союза строительных рабочих, пришел Глеб Максимилианович и попросил:

— Товарищ Богданов, прошу Вас собрать деловых инженеров, только без «кислого творога», энергичных людей. Поговорим о плане электрификации [16. С. 45].

Другой член Комиссии, Александр Иванович Угримов, привлек к работе членов Московского общества сельского хозяйства, председателем которого был с 1908 года.

28 февраля 1920 года, на пятом заседании Комиссии, была составлена программа работ «Гоэлро», состоящая из трех пунктов: «А» — восстановление электростанций; «В» — общий план электрификации и «С» — вопросы электрификации отраслей народного хозяйства.

В плане намечались два самых главных направления: электрификация сельского хозяйства и железных дорог: Первый был основным. На нем особенно настаивал Ленин, говоря, что электрификация сельского хозяйства позволит решить продовольственную проблему. Но опыта электрификации сельского хозяйства тогда еще не было. Самый большой знаток сельского хозяйства в Комиссии, А. И. Угримов, сумел вспомнить только один такой эксперимент в Германии. В 1903 году там проводились опыты пахоты электроплугом. Еще об электрификации сельского хозяйства говорил немецкий социал-демократ, профессор К. Баллод в книге «Государство будущего. Производство и потребление в социалистическом хозяйстве» [16. С. 85]. На этом зарубежный опыт ограничивался.

Второе важное направление, электрификация железных дорог, было важным и сложным по другой причине. От транспорта зависела работа всего хозяйства и успех электрификации в целом, но здесь у членов Комиссии почти не было практического опыта планирования на железнодорожном транспорте. План требовал огромного количества данных, которые потребовалось добывать на местах. Дмитрий Иванович Комаров вспоминал:

«Важную роль играло отсутствие практического опыта и исключительная сложность получения материала с мест, нужных для реального решения поставленной задачи. То, что в настоящее время можно взять на основе данных эксплуатации, в те годы приходилось добывать расчетом, и довольно трудоемким» [16. С. 79].

Кроме этих двух направлений, работы велись по оценке состояния и планированию развития топливной отрасли, промышленности и собственно электростроительства. Все эти работы требовали привлечения большого числа данных, расчетов, требовавших труда десятков квалифицированных инженеров. Самой сложной частью плана были как раз планы электрификации отраслей хозяйства. Разработку отраслевых планов передали в рабочие комиссии. Результаты работ решили выносить на общие собрания в виде докладов.

Комиссия расширялась и превращалась во временное ведомство. 6 марта 1920 года была образована подкомиссия по закупкам оборудования за границей, в задачу которой входило составление списка оборудования и расчет ее стоимости. 10 марта образована лекционная комиссия дла работы в широком составе Комиссии «Гоэлро», которая вскоре стал насчитывать несколько десятков человек. 20 марта образована редакционная комиссия Бюллетеня «Гоэлро». Состав Комиссии был сформирован. 24 марта 1920 года Совет Труда и Обороны утвердил окончательный ее состав.

Комиссия проработала над планом семь месяцев, с апреля по октябрь 1920 года. Ленин пристально следил за ее деятельностью, часто беседовал с Кржижановским о ходе работ, а также вычитывал все выпушенные в свет Бюллетени Комиссии.

Комиссия «Гоэлро» в сентябре-октябре 1920 года занималась уже доводкой и доработкой вчерне готового плана. Верстались последние программы, сводились вместе тезисы, готовился окончательный доклад и издание плана для делегатов Восьмого Съезда Советов.

28 и 30 сентября Комиссия «Гоэлро» рассмотрела программу электростроительства, сначала план первоочередного строительства и карты увязки электростанций с промышленными предприятиями, а затем уже полную программу строительства на десятилетнюю перспективу. Материалы этих заседаний были представлены Ленину. 8 октября Совет Труда и Обороны принял постановление о восстановлении электропромышленности, чтобы иметь возможность обеспечить строительство электрооборудованием и комплектующими деталями.

19 октября 1920 года, на тридцать пятом заседании, Кржижановский объявил, что получены все рабочие материалы по плану «Гоэлро». 3 ноября Кржижановский на тридцать седьмом заседании сделал обзорный доклад о проделанной работе, и было принято решение к 5 ноября подготовить тезисы доклада на съезде Советов. В этот день тезисы были готовы, и Кржижановский сразу же показал их Ленину.

Когда работа над планом «Гоэлро» вошла уже в решающую стадию и появились уже контуры главного доклада, запланированного к Восьмому Съезду Советов в декабре 1920 года, голову Ленина стали посещать новые мысли, в развитие этой идеи. Прочитав тезисы Кржижановского, 6 ноября Ленин пишет ему записку:

«Собственно говоря, „Гоэлро" и должен быть единым плановым органом при СНК, но так прямо и грубо это не пройдет, да и неверно будет. Надо обдумать (спешно, до завтра), как следует поставить вопрос» [20. С. 1].

Одним словом, внимательно рассмотрев проделанную работу, Ленин убедился, что самотеком такое большое дело не пойдет. Возможностей Совнаркома, Совета Труда и Обороны и ВСНХ для управления народным хозяйством согласно плану электрификации явно недостаточно. Ни один существующий орган Советской власти не был способен этим заняться. Ленин уже в начале ноября 1920 года предлагал превратить Комиссию «Гоэлро» из временной в постоянную, и наделить ее полномочиями.

9 ноября 1920 года, на тридцать восьмом заседании Комиссии, работа была признана окончательно завершенной. К этому моменту все доклады уже вышли в свет. Кржижановский с помощниками занялся составлением доклада к съезду Советов, а Ленин распорядился начать готовить Большой театр к предстоящему съезду. Там нужно было соорудить большой стенд с картой Российской республики, собрать электрическую схему карты, подвести питание и оформить сцену. По ленинскому замыслу, на карте республики маленькими лампочками должны были обозначаться места строительства новых электростанций, фабрик и заводов.

Ленин в этот момент разрабатывал политическое оформление своей инициативы. В тезисном виде основные положения его новой политической программы были им доложены на Московской губернской партконференции 21 ноября 1920 года:

«...Я должен добавить, что на предстоящем съезде Советов, как вы видели из порядка дня, опубликованного в газетах, этот вопрос о хозяйственном строительстве должен явиться центральным вопросом. Весь порядок дня приспособлен к тому, чтобы все внимание и заботы всех съехавшихся делегатов, всей массы советских и партийных работников со всей республики сосредоточить на хозяйственной стороне...

В связи с этим на съезде Советов поставлен доклад по электрификации России для того, чтобы единый хозяйственный план восстановления народного хозяйства, о котором мы говорили, установить со стороны техники. Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно» [5. С. 55].

В этом докладе впервые прозвучал знаменитый ленинский лозунг: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Политический замысел Ленина,

вынашиваемый с января 1920 года, приобрел окончательные формы.

Доработка и приведение в окончательный вид большой идеи единого хозяйственного плана государственной электрификации проходила уже в качественно других политических условиях, чем начало работы над ним. В партии начались серьезные разногласия. Расхождения, конечно, были всегда, потому как начиная с августа 1917 года партия большевиков представляла собой сложный конгломерат группировок и фракций, состоявших из людей, примкнувших к революции. Ленинская партия в то время неожиданно потеряла свое, с таким трудом и боями выращенное единство во мнениях и превратилась в некий союз пробольшевистски настроенных группировок. Споры и дискуссии не прекращались все годы Гражданской войны. Только лишь тяжелейшее положение на фронте удерживало фракции и партийные группировки от активной и ожесточенной фракционной борьбы. Ленин, вне всякого сомнения, понимал, что стоит только исчезнуть этому фактору давления, как в партии начнется междуусобица.

Фактически, уже в конце 1919 года, в связи с успехами на Южном фронте, стали проявляться признаки партийного кризиса. Большевики стали неудержимо разделяться на фракции. Появилась влиятельная группировка Троцкого, опирающегося на армию и частично на хозяйственный аппарат. Появилась «рабочая оппозиция» во главе со Шляпниковым. Свои группы сколотили Бухарин и Зиновьев. Большим влиянием обладал Томский, опирающийся на ЦК профсоюзов. То были самые настоящие фракции, обладающие собственными взглядами на политику партии и готовые вступить в борьбу за нее.

В таких условиях Ленин занялся хорошо знакомым делом — сколачиванием собственной фракции и созданием фракционной политической платформы. План «Гоэлро» был в его руках козырным тузом в намечавшейся фракционной борьбе.

Пока шли последние приготовления к докладам на съезде Советов, внутрипартийные разногласия превратились в столкновения. 2 ноября 1920 года открылась V Всероссийская конференция профсоюзов, где произошло столкновение председателя Реввоенсовета республики Троцкого и председателя ЦК профсоюзов Томского. Предметом столкновения стало предложение Троцкого о милитаризации труда, организации трудармий и о необходимости «перетряхивания» руководства профсоюзов. Томский резко оспорил это предложение, потому как увидел в этом заявку Троцкого на свое отстранение от руководства профсоюзами.

Ян Рудзутак предложил на той же конференции свои тезисы относительно взаимоотношений профсоюзов и ВСНХ, которые содержали критику методов, практикуемых ВСНХ в руководстве промышленностью. Эти тезисы конференцией были приняты [21. С. 38—39].

Поскольку и Томский, и Троцкий были членами ЦК РКП(б), дальнейшее обсуждение развернулось на Пленуме ЦК 9 ноября. Здесь произошло размежевание уже членов ЦК. Ленин поддержал Томского. Андреев, Крестинский и Рыков поддержали Троцкого. Из остальных членов под руководством Бухарина и Зиновьева образовалась «буферная» группа [22. С. 235]. Все эти события произошли как раз в те дни, когда обсуждались тезисы доклада на съезде. Пленум ЦК ознаменовал собой начало фракционной борьбы, которая из предположений стала реальностью.

Пленум образовал комиссию ЦК для решения спорного вопроса, но Троцкий наотрез отказался в нее войти. Разногласия обострились и углубились. Пока они находились в приемлемых рамках, но в воздухе уже стояла атмосфера предстоящего столкновения.

Ленин стал спешно дорабатывать политическое оформление плана «Гоэлро», намереваясь предъявить его в качестве своей платформы. В уже цитированном выступлении Ленин заложил последний камень в здание своей платформы, выдвинув свой знаменитый лозунг. Это был боевой клич его фракции в борьбе за власть.

К докладу на Восьмом съезде Советов была проведена большая подготовка. Ленин устроил из доклада о государст-

венной электрификации настоящее политическое представление. Он должен был не только поразить воображение делегатов съезда своими цифрами и выкладками. Большой упор делался на внешний эффект: зрелищную электрифицированную карту, которая готовилась для доклада Кржижановского. На большой стендовой карте, в тех местах, где планировалось строить электростанцию, рудник, шахту или завод, были врезаны лампочки, которые зажигались по ходу доклада Кржижановского. В полутемном зале карта, освещенная этими яркими точками, выглядела впечатляюще. Только вот для того, чтобы осветить карту, потребовалось «посадить» всю энергосистему Москвы. Ленин пристально следил за подготовкой карты и торопил ответственного за оформление Большого театра коменданта.

Труд комиссии по составлению «Гоэлро» был напечатан к съезду. Получилась книжка объемом в 670 страниц. Бумаги в республике почти не было, и для того, чтобы этот труд увидел свет в нужное время, потребовалась собственноручная ленинская записка. Эту книгу предполагалось раздать всем делегатам съезда, чтобы таким образом текст плана разошелся как можно шире, и стал известен на местах.

22 декабря 1920 года, в день открытия Восьмого съезда Советов, Ленин сделал свой вводный доклад «План электрификации — это наша вторая программа партии». Главный упор в своей речи он сделал на последнем пункте в повестке дня съезда и посвятил ему всю речь.

Этот доклад, вне всякого сомнения, поворотный. Ленин всю жизнь занимался только политикой, а здесь он объявил о том, что нужно перенести центр тяжести с политики на хозяйство:

«Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы...

Политике мы, несомненно, научились, здесь нас не собьешь, тут у нас база имеется. А с хозяйством дело обстоит плохо. Самая лучшая политика отныне — поменьше политики...» [5. С. 59].

Однако, провозгласив лозунг «поменьше политики», вождь, тем не менее, на все продолжал смотреть с политической точки зрения. Политическому подходу Ленин нисколько не изменил и не отступил от него ни на шаг. Хозяйственная политика в его понимании становилась одним из направлений политической линии, разновидностью политики, что нашло свое выражение в другом лозунге, высказанном в том же докладе:

«Мы имеем перед собой результаты работ Государственной комиссии по электрификации России в виде этого томика, который всем вам сегодня или завтра будет роздан. Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне нетрудно будет убедить вас о особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии...

...Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она не годна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем» [5. С. 59].

Итак, Ленин заявил о необходимости взаимодополнения политической и хозяйственной программ партии как условии для дальнейшего продвижения. Насколько могу судить, на тот момент никто в мире ничего подобного не делал. Конечно, политические программы партий обычно включали в себя экономические требования и предложения, но ни одна партия в мире не имела столь детального и всеобъемлющего плана хозяйственного развития, подкрепленного цифрами и фактами. По-моему, и на сегодняшний день ни у одной партии такой детальной и тщательно разработанной программы нет. Ленин же такую двойную программу в 1920 году создал и предложил.

Он, конечно, не остановился только на признании факта наличия «второй программы партии», но и дал характеристику плану с позиций своих политических взглядов. Перед де-

легатами Ленин поставил и дал ответы на два самых животрепещущих вопроса: вернутся ли капиталисты, и когда в республике будет обещанный коммунизм. На первый вопрос Ленин ответил так:

«Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали, и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество» [5. С. 60].

Кратко его ответ можно сформулировать так: не вернутся, если мы выполним план электрификации России.

На второй вопрос Ленин дал еще более краткий и лаконичный ответ:

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна останется мелкокрестьянской, и надо, чтобы мы это ясно осознали... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» [5. С. 60].

То же самое: коммунизм будет тогда, когда выполним план государственной электрификации России.

26 декабря 1920 года Кржижановский со сцены Большого театра сделал доклад об электрификации России, подготовленный с учетом ленинских рекомендаций. Представление плана потрясло делегатов Съезда Советов. В большом, полутемном и холодном зале Большого театра, где делегаты сидели в шинелях, бушлатах и пальто, на сцене, на огромной карте европейской части России, зажигались лампочки, когда Кржижановский притрагивался к ним указкой. Делегаты держали в руках совсем недавно отпечатанные, еще пахнущие типографской краской книги со строгой надписью по коричневой обложке: «Государственный план электрификации России». Шел доклад, и на карте одна за другой загорались лампочки, которых становилось все больше и больше. В тот исторический вечер вся Москва сидела при тусклых лампочках. Львиная часть мощности московских электростанций пошла на освещение карты Кржижановского. Полутемная карта, на которой только-только угадывались контуры морских побережий и границ РСФСР, оказалась испещренной этими яркими желтыми точками — местами запланированных строительств электростанций, теплоцентралей, шахт, заводов, рудников.

Просмотрев готовый доклад Кржижановского еще в рукописи перед съездом, Ленин окончательно убедился в его пригодности и стал думать над тем, как собрать с него политические дивиденды. Пораздумав, он написал Кржижановскому письмо:

«Г. М.! Мне пришла в голову такая мысль. Электричество надо пропагандировать. Как? Не только словом, но и примером.

Что это значит? Самое важное — популяризовать его. Для этого надо теперь же выработать план освещения каждого дома в РСФСР» [19. С. 39].

Через несколько дней состоялось сорок второе заседание Комиссии «Гоэлро», на котором обсуждался вопрос о дальнейшей работе. Вероятнее всего, обсуждалось, помимо всего прочего, и это ленинское предложение. Прикинув размах и стоимость работ, инженеры пришли к выводу, что этот проект в настоящее время утопичен. Только медных проводов нужно гораздо больше, чем имеется меди в запасе, и чем возможно произвести в ближайшее время. В таком духе Кржижановский дал Ленину ответ.

Взвесив эти обстоятельства, Ленин решил, что и в самом деле хватил через край. Но от идеи популяризации и пропаганды не отказался. Непосредственно перед съездом Ленин пишет другое письмо, с новыми предложениями, уже гораздо более конкретными:

«Кржижановскому.

Нельзя ли развить (не сейчас, а после съезда, для Совета Труда и Обороны, но тотчас) проект плана кампании по электрификации:

1. В каждом уезде создается срочно не менее одной электростанции...

4. Начать подготовительные земляные работы тотчас и разверстать их по уездам.

5. Мобилизовать всех без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-математический факультет и прочее. Обязанность: в неделю не менее 2(4?) лекций, обучать не менее (10—50?) человек электричеству. Исполнитель подотчетен. Не исполнишь — тюрьма.

6. Написать срочно несколько популярных брошюр (часть перевести с немецкого) и переделать «книгу» (Вашу) в ряд более популярных очерков для обучения в школах и чтения крестьянам» [19. С. 38].

Ленин предложил очень интересное решение — мобилизацию инженеров и электротехников для чтения лекций под угрозой тюрьмы. Но за этим виден твердый курс — использовать план электрификации для пропаганды преимуществ Советской власти, для идеологических баталий.

Правда, использовать электрификацию в этом качестве Ленину не удалось. В январе 1921 года разразился политический кризис. То, что творилось внутри правящей партии, Ленин сам называл кризисом партии и даже написал по этому поводу отдельную брошюру.

В преддверии Восьмого съезда Советов разногласия в партии продолжали углубляться и обостряться. Троцкий в октябре 1920 года был поставлен председателем Центральной комиссии по транспорту, сокращенно — Цектраном. Он там начал править такими методами, что профсоюз работников водного транспорта подал жалобу в ЦК РКП(б) на действия Троцкого. Была образована комиссия, которой поручили разобраться в этом споре. Через месяц, 7 декабря 1920 года, состоялся Пленум ЦК, на котором председатель комиссии ЦК по разбору конфликта Зиновьев доложил результаты работы,

поддержал жалобу водников и заявил, что председателя Цектрана надо сместить.

Произошла бурная дискуссия, по сути столкновение, между Троцким и Зиновьевым. Первый защищал свой тезис о «перетряхивании» руководства профсоюзов, а второй столь же решительно этот тезис оспаривал. Но члены ЦК Зиновьева не поддержали. Бухарин предложил компромиссное решение: Троцкого оставить, но обязать его выполнить требования водников. ЦК проголосовало за бухаринскую резолюцию.

Ленин на этом Пленуме остался в стороне от столкновения, но, выслушав позиции сторон, от имени своей группы предложил в феврале 1921 года провести съезд партии и там все спорные вопросы обсудить. Члены ЦК это предложение поддержали. А также, через Зиновьева, предложил Троцкому опубликовать свои тезисы и вынести дискуссию из ЦК на обсуждение широких партийных масс. Ленин надеялся, что партийные массы разобьют столь непопулярные предложения Троцкого.

Так оно и вышло. 24 декабря одновременно вышла статья Троцкого и ЦК разрешил открытую дискуссию. На съезде Советов, 25 декабря 1920 года, Троцкий выступил со своими тезисами: «Роль и задача профсоюзов», где он в очень резкой форме настаивал на перетряхивании профсоюзов сверху, их огосударствлении и отбросил все компромиссные формулировки Бухарина. 30 декабря в коммунистической фракции съезда прошла ожесточенная дискуссия. Против Троцкого выступили Зиновьев и Ленин. Вышли со своими тезисами Шляпников, глава «рабочей оппозиции» в партии, и Рудзутак, тезисы которого были выработаны еще во время 5-й конференции профсоюзов. Троцкий в дискуссии потерпел сокрушительное поражение и стал постепенно отказываться от своих же лозунгов. Ленин тут же воспользовался ситуацией, подхватил и предъявил в качестве решения спора тезисы Рудзутака.

Но это было еще не все. Поражением Троцкого в дискуссии и погромом его сторонников Ленин и Зиновьев воспользовались для решения разногласий в ЦК. В ходе спора выяс-

нилось, что Оргбюро ЦК поддержало Троцкого из-за несогласия с линией Ленина. В дискуссии на съезде Советов Ленин обвинил Оргбюро в помощи Троцкому и насаждении бюрократизма, противопоставив, таким образом, свое Политбюро «троцкистскому» Оргбюро.

Дискуссия вскоре переросла рамки центральных и самых крупных парторганизаций. 16 января 1921 года в «Правде» появились тезисы противоборствующих фракций.

Ленин подготовил проект решения съезда партии по вопросу о роли профсоюзов в духе тезисов Рудзутака, к которому присоединились Зиновьев, Сталин, Томский, Калинин, Каменев, Петровский и Артем. Газетную публикацию проекта подписали еще Цыперович и Милютин. Это была так называемая «платформа 10-ти». На основе этой платформы Ленин повел фракционную борьбу с оппонентами,

2! января на заседании ЦК было принято решение проводить выборы на X съезд партии по платформам и фракциям. Каждая фракция имела право выставить свой список кандидатов в делегаты. В этих выборах, на фоне широкой партийной дискуссии, сторонники ленинской платформы взяли большинство голосов и провели больше всех делегатов на съезд. В Петрограде, сторонники Зиновьева, опираясь на поддержку партячеек Балтфлота, сумели полностью подавить сторонников Троцкого в командовании и политорганах флота и провести своих кандидатов с большим численным перевесом.

Правда, и это было уже побочным следствием внутрипартийной борьбы, политический разгром политорганов флота усилил в нем анархические настроения и стал одной из причин Кронштадтского восстания в марте 1921 года [21. С. 41J.

Борис Бажанов, работавший в аппарате ЦК в начале 20-х годов, описал в своих воспоминаниях механизм внутрипартийной борьбы. Основное содержание ее, по его мнению, составляло стремление Ленина сохранить за собой большинство в ЦК и, следовательно, власть в партии. Потому, когда активные боевые действия на фронте окончились. Ленин начал борьбу против Троцкого, который стал претендовать на руководство. Для этого была устроена дискуссия о профсоюзах, принесшая Троцкому поражение. Тот был не готов, да и не способен к решению хозяйственных задач, и потерпел полное поражение на посту наркома путей сообщения. А помимо умело организованной дискуссии, Ленин поднял и поддержал врагов Троцкого в ЦК: Зиновьева, Сталина и примкнувшего к ним Каменева, способствовав тем самым сложению «тройки» Политбюро.

Но политический кризис не ограничился только лишь одной внутрипартийной дискуссией. Она только расшатывала все еще непрочное положение Советской власти, порождая убеждение в слабости ленинского правительства и надежду на продолжение борьбы. Вне всякого сомнения: случись этот кризис полугодом ранее, то, вероятнее всего, белые смогли бы нанести большевикам еще одно тяжелое поражение, которое, при прочих условиях, могло бы стать смертельным. К концу 1920 года резервы были исчерпаны, и закрыть прорыв было бы нечем. Но этого не последовало, потому что кризис наступил после разгрома Врангеля, и в начале 1921 года русская армия сидела в Галлиполи, далеко от событий в Советской республике.

Росло непонимание политики Советской власти в народе, придерживавшемся тогда, так скажем, вооруженного нейтралитета. Делегаты прошедшего Восьмого Съезда Советов развезли на места ленинский план электрификации. О том, как он был воспринят на местах, хорошо сказал С. В. Цакунов:

«Делегаты всей России получили в московском центре в виде основного хозяйственного плана „идею" электрификации на 10 лет, а затем, когда они разъезжались по городам, им приходилось убеждаться, что им не хватит топлива не только на ближайшие 10 месяцев, но и ближайшие 10 дней, причем центр никого об этом не предупредил» [21. С. 30].

Это обстоятельство не могло вызвать ничего другого, кроме резкого неприятия политики Совнаркома широкими мас-

сами населения. Массы населения, особенно крестьянского, особенно на недавно завоеванном юге России, отличались враждебностью к Советской власти и в конце 1920 года держали скорее вооруженный нейтралитет, готовый в любой момент превратиться в вооруженное сопротивление.

Враждебность крестьян — это очень интересный и, к сожалению, плохо изученный фактор действий Советской власти. Население, пострадавшее от боевых действий, террора, мобилизаций, реквизиций и продразверстки, стало сопротивляться. Но на сторону белых не отшатнулось. Как бы там ни было, но революция дала крестьянству большие преимущества и свободы, позволила, за счет голода в городах в Гражданскую войну, пополнить свое богатство. Расставаться с этим крестьянин не желал. Позиция белых ему была не слишком ясна и понятна, и были выраженные опасения, что после их победы с захваченными землями и имуществом придется расстаться.

После поражения добровольцев крестьянин сопротивления не прекратил, а даже усилил, усмотрев в политических событиях конца 1920 года признаки ослабления Советской власти. Накопившие, несмотря на все обыски и реквизиции, оружия и боеприпасов, крестьяне стали сколачивать свои повстанческие отряды и готовиться к выступлению. В Сибири и на Дальнем Востоке партизаны охотно воевали против красных.

В конце 1920 — начале 1921 года партия большевиков оказалась против вооруженного народа, готового к сопротивлению власти, очагов неподавленного сопротивления белых и зеленых, против многочисленных банд и партизан. Они были только тонкой, менее процента, прослойкой над массой остального населения. И в этой тонкой прослойке шла ожесточенная борьба за власть.

Положение, хуже не придумать.

Глава третья

САМЫЙ ТРУДНЫЙ ГОД

> Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем, это вопрос десятилетий и поколений.
>
> *В. И.Ленин.*
> *Конец 1923 года.*

> Труднее всего были, конечно, первые шаги Госплана, когда мы только учились на опыте собственных ошибок новой науке — науке социалистического планирования... И было время, когда наши планы наталкивались на противодействие даже в СТО и в Совнаркоме со стороны таких их руководителей, как например Каменев и Рыков. Однако планы эти выдержали суровую проверку временем. И суд истории нас вполне удовлетворяет.
>
> *С. Г. Струмилин*

> Помню, как в Макеевке, на металлургическом заводе, нам пришлось подняться на уцелевшую домну, чтобы лучше оглядеться и сориентироваться на этой территории. Гнетущее впечатление запущенного и разрушенного хозяйства было сильнее всех доводов рассудка.
>
> *С. З. Гинзбург*

Ленин как-то раз дал точную и емкую характеристику первым опытам планирования. Он сказал, что планы составлялись: «на три недели или на две, а третью „будем посмотреть"». Это было очень характерным для Гражданской войны, с ее постоянно меняющейся обстановкой, всевозможными непредвиденными обстоятельствами и резкими переменами.

План «Гоэлро» был первым планом, который предлагал рассматривать перспективу сразу в десять лет. Он был, конечно, экспериментом, но нужно сказать, что эксперимент оказался удачным. Расхождение между планом и его выполнением оказалось не такое уж и большое. План «Гоэлро» по

основным показателям был превзойден в 1931 году, а по всем показателям в 1934 году, всего на четыре года позже назначенного планом срока.

Сразу же после того, как работы по нему были в основном завершены, Ленин задумался о том, каким образом этот план будет выполнен. Он хорошо понимал, что без контроля план будет со временем отброшен, У него большая перспектива, а хозяйство страны огромно и, кроме того, оно постоянно изменяется. Через десять лет даже государственная промышленность республики будет совершенно непохожа на то, что было тогда.

Надо было что-то делать в этом направлении. Очень быстро появилась мысль о том, что нужно создать постоянный плановый орган, который будет следить и направлять выполнение плана электрификации. Эту мысль Ленин высказал еще в начале ноября 1920 года. Тогда она носилась в воздухе, и подхватили ее сразу в нескольких местах.

В январе 1921 года в печати, вместе с партийными дискуссиями, появились тезисы о государственном плане членов Президиума ВСНХ Ларина и Милютина, к которым присоединились экономист Л. Н. Крицман и Осинский. Они, все вместе, выдвинули несколько идей по организации планирования.

Милютин выдвинул идею создания Комиссии использования при Совнаркоме, которая будет следить за плановой хозяйственной работой, а также проверять исполнение декретов и распоряжений государственных органов республики. Он же, вместе с Крицманом, предложил построить работу Комиссии использования и ВСНХ на основе годового материального баланса, который составляется на основе потребления рабочего класса. То есть промышленность и государственное хозяйство республики должно было, по их плану, производить за год столько, сколько нужно для прокормления и содержания рабочего класса.

Ларин и Осинский предложили несколько другую идею, вариант идей Крицмана и Милютина. По их замыслу, для проведения плановой работы должен был быть создан «Экономический Президиум» под председательством

Кржижановского, куда должны войти: Ларин, Крицман, Г. Л. Пятаков (заместитель председателя ВСНХ), Осинский, Е. Варга, В. Г. Громан и С. Г. Струмилин. Ларин, причем, особенно настаивал на включении в состав этого органа Струмилина. На вопрос о том, почему они не включили в состав органа ни одного специалиста, эти товарищи ответили, что специалистов-некоммунистов в Экономическом Президиуме им не надо. Большевики, мол, управятся и без буржуев.

Ленин очень резко и жестко высмеял тезисы Милютина-Крицмана-Ларина-Осинского в «Правде». Указал на их заблуждения, на левачество, и решительно отверг все их предложения. Особенно досталось Ларину, которому быстро припомнили все его прежние предложения и инициативы. Больше всего, конечно, Ленин высмеял его за «комчванство», выразившееся в недоверии к специалистам. Ларин, и без того бывший очень неудобным человеком, в один момент стал нежелательной персоной в хозяйственных органах. Когда 17 февраля 1921 года Ленин обсуждал с Кржижановским состав и задачи общеплановой комиссии, тот сделал попытку вывести Ларина из комиссии еще до ее окончательного создания.

В отличие от замыслов Ларина-Осинского, с которыми борьба велась на самом высоком уровне, ленинский план организации общеплановой комиссии состоял в другом. Это был не Экономический Президиум, а сравнительно небольшая Государственная общеплановая комиссия при Совете Труда и Обороны. Она должна была состоять из президиума, четырех секций и трех подкомиссий.

Во главе Общеплановой комиссии Ленин видел только Кржижановского. Характерное отличие Общеплановой комиссии Ленина от Экономического Президиума Ларина-Осинского заключалась в том, что ленинская структура была построена по образцу Комиссии «Гоэлро», давшей уже реальный результат. Вместе с этим Ленин разрабатывал теоретические основы хозяйственного планирования. 19 и 21 февраля 1921 года он работав над статьей «О едином хозяйственном плане».

На следующий день, 22 февраля 1921 года, на заседании Совнаркома Ленин предложил обсудить идею создания Общеплановой комиссии. Этот вопрос был поставлен в повестку дня, и, после обсуждения, решением Совнаркома Государственная общеплановая комиссия РСФСР была образована. Председателем Госплана РСФСР был назначен Кржижановский. Государственная общеплановая комиссия имела такие задачи, определенные в «Положении о Государственной общеплановой комиссии»:

«2. На Государственную общеплановую комиссию возлагается:

а) разработка единого общегосударственного хозяйственного плана, способов и порядка его осуществления,

б) рассмотрение и согласование с общегосударственным планом производственных программ и плановых предположений различных ведомств...

в) выработка мер общегосударственного характера по развитию знаний и организации исследований, необходимых для осуществления плана государственного хозяйства,

г) выработка мер по распространению в широких массах населения сведений о плане народного хозяйства, способах его осуществления и формах соответствующей организации труда» [23. С. 29-30].

Казалось бы, вопрос решен и ленинская точка зрения победила. Но, видно, борьба за Госплан перекинулась из хозяйственных и государственных органов в ЦК партии и стала политическим вопросом. Как следует из ленинских материалов, Ларин и Осинский поставили об этом вопрос в Центральном Комитете. Члены ЦК согласились с частью их требований.

Через три дня, 25 февраля 1921 года, Ленин написал Кржижановскому подробное и обстоятельное письмо с изложением своего видения организации Госплана, в котором уделил большое внимание кандидатуре Ларина. Ленин дал Кржижановскому подробные указания о том, как бороться с Лариным:

«2) Ларина Цека решил пока оставить. Опасность от него величайшая, ибо этот человек по своему характеру срывает всякую работу, захватывает власть, опрокидывает всех председателей, разгоняет спецов, выступает (без тени прав на сие) от имени «партии» и т. д.

На Вас ложится тяжелая задача подчинить, дисциплинировать, умерить Ларина. Помните: как только он «начнет» вырываться из рамок, бегите ко мне. Иначе Ларин опрокинет всю Общеплановую комиссию.

3) Вам надо создать в Общеплановой комиссии архитвердый Президиум (обязательно без Ларина), чтобы организаторы и твердые (способные дать полный отпор Ларину и стойко вести тяжелую работу) люди помогали Вам и сняли с Вас работу административную.

Вы должны быть «душой» дел и руководителем идейным (в особенности отшибать, отгонять нетактичных коммунистов, способных разогнать спецов)» [19. С. 80].

Этим письмом Ленин дал Кржижановскому право отстранить от дел Ларина. Больше Ларин плановой работой не занимался. Позднее он много болел и вскоре совсем отошел от дел, занявшись литературной работой, участием в партийных дискуссиях и работой над своими мемуарами о революции и Гражданской войне.

Однако, что интересно, Госплан приступил к работе не в конце февраля, и не в начале марта 1921 года, а только в начале апреля. Мне не удалось разыскать свидетельств, которые бы объяснили такое положение дел. Вероятно, месячная задержка была связана с X съездом партии и с предстоящими на нем политическими событиями. Если это так, то Госплан начал работать только после того, как политика окончательно определилась.

8 марта 1921 года Ленин, прямо перед открытием X съезда партии, написал свой доклад о замене продразверстки продналогом. В тот же день съезд открылся и начал свою работу.

В своем выступлении на открытии съезда Ленин сказал о предстоящих изменениях в продовольственной политике, но главным на съезде было совсем не это. Основное внимание Ленина было приковано к фракционной борьбе в партии и задуманной им небольшой перестройке в партии.

На выборах делегатов на X съезд ленинцам удалось одержать убедительную победу и получить съездовское большинство. Опираясь на него, Ленин начал борьбу со своими противниками. Пока еще, конечно, не кровавую. В кулуарах X съезда Ленин собрал старых большевиков и, по словам Евгения Преображенского, заявил им:

«Мое мнение, что у нас только один шанс спасти Советскую власть из ста, и это возможно только тогда, когда мы будем абсолютно едины во взглядах» [21. С. 38].

Из этой фразы видно, как Ленин оценивал обстановку, и какими методами готов был бороться за власть. Старые большевики поддержали его позицию.

На X съезд лидеры «рабочей оппозиции» вынесли свою фракционную теоретическую платформу, в которой они сформулировали принципиально иную конструкцию власти. По их замыслам, Советская власть должна быть организована на основе ассоциаций профсоюзов, как организаций непосредственных производителей. Им и нужно было, по мнению лидеров «рабочей оппозиции», дать властные полномочия. Шляпников оперся в этом утверждении на авторитет Энгельса.

«Рабочая оппозиция» на X съезде перешла от чисто теоретических споров, которые велись в партии еще с 1918 года, к политической борьбе за власть. Их альтернативная платформа была оглашена с трибуны съезда. Вокруг требований «рабочей оппозиции» на съезде закипели совсем нешуточные дебаты.

Остроты событиям добавило восстание в Кронштадте. Оно началось еще 2 марта, до открытия съезда. 7 марта началась артиллерийская перестрелка с фортами крепости, и 8 марта состоялся первый штурм, отбитый восставшими [24. С. 555]. Временный ревком Кронштадта по радио объявил о своей цели бороться за Советскую власть, но без большевиков: «дело наше правое: мы стоим за власть Советов, а не партий» — говорилось в обращении Кронштадтского ВРК[21.С. 37].

Съезд резко ускорил свою работу. Ленин, под нажимом обстановки, довел свои намерения до логического конца и пошел в решительное наступление. Он подготовил несколько резолюций, среди которых самое важное значение придавалось двум: «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии».

В экстремальной обстановке съезда Ленину удалось переломить ход событий в свою пользу. Он в своем выступлении обвинил членов фракции «рабочей оппозиции» в помощи классовым врагам пролетариата. На фоне известий о восстании в Кронштадте, который считался оплотом большевизма, и активизации зеленых на Юге, это обвинение прозвучало особенно весомо. Громкое обвинение и авторитет Ленина сделали свое дело. Съезд повернулся против Шляпникова. Решением съезда позиция «рабочей оппозиции» была осуждена, признана несовместимой с членством в РКП, а фракция распущена. Шляпников потерпел полное поражение.

Ленин на этом не остановился. Следом съезд принял по ленинскому проекту резолюцию «О единстве партии», которая строжайше запрещала какую-либо фракционную деятельность и дискуссии, обязывала всех членов подчиняться решениям руководящих органов, под страхом исключения из партии.

Это решение сыграло потом решающую роль во внутрипартийной борьбе 20~х годов. Опираясь на него, Сталин разгромил оппозиционные группировки в партии, одну за одной. Это решение давало в руки Сталина простейший способ дискредитации оппозиционеров: они, мол, занимаются организацией фракции. Но, правда, в 1921 году еще никто из партийцев не мог оценить мудрость и практическую ценность ленинской резолюции.

Это же решение повлекло за собой и другие, самые разнообразные последствия. «Единство партии» сыграло большую, и сейчас почему-то неоцененную, роль в формировании советского общества 20—30-х годов.

В то время почти вся печать находилась под контролем партии. По ее страницам время от времени прокатывались очень даже острые и содержательные дискуссии по самым больным вопросам. Однако когда это решение X съезда стало

применятся все чаше и чаще, дискуссии в печати прекратились. Тон прессы стал все больше и больше переходить в восхвалительно-мажорный, только иногда отвлекаясь на критику каких-нибудь врагов и отщепенцев.

Резолюция приостановила дискуссии внутри партии, на партсобраниях. Потом-то, когда разворачивались все новые и новые раунды внутрипартийной борьбы, они, конечно, проходили. Но в целом партийные массы были на практике лишены права голоса и самостоятельного мнения. Это решение наделило партийное руководство беспрецедентным авторитетом в решении всех вопросов государственного, хозяйственного, социального и какого угодно другого строительства. Руководители получили право единоличного и окончательного решения любого вопроса. Возникли «кремлевские верха», в узком кругу решающие любые вопросы.

Насколько мне известно, ни одно правительство в мире тогда не обладало таким правом. Именно правом, а не традицией почтительного отношения. Императорские дома в Японии или в Китае обладали и бо́льшими привилегиями, но официально запретить инакомыслие там так и не догадались. Я уже не говорю о правительствах стран Европы.

Положение «вне дискуссии», принятое под горячую руку в марте 1921 года, привело к тому, что партия стала захватывать в свои руки все больше и больше государственных, хозяйственных, военных, внешнеполитических функций. Возразить было некому, и некому было удержать руководство партии от ошибочных шагов.

Захватив в свои руки контроль над государственным, военным и силовым аппаратом, в первую очередь с помощью этого решения, опираясь на которое он устранял оппозиционные группы и отбивал попытки своего снятия, Сталин сосредоточил всю полноту власти сначала в Политбюро ЦК, отстранив от фактических дел Центральный Комитет, а потом, уже в середине 30-х годов, сосредоточил власть у себя в руках, в своем личном кабинете, отстранив от власти и само Политбюро. Возразить этому тоже было некому.

Опираясь на это решение, Сталин ликвидировал всех актуально и потенциально несогласных бывших товарищей по партии и построил систему единоличной власти. Возражающих тоже не было, по совершенно понятным причинам.

Если бы Ленин не провел запрещение фракционной деятельности и дискуссий, то Сталин в качестве единоличного правителя страны никогда бы не состоялся. Практически в любой момент было возможным его снятие с поста Генерального секретаря ЦК и устранение от дел. Вне всякого сомнения, в других условиях противники Сталина отодвинули бы его от руководства еще в начале 20-х годов.

Обстановка в стране в пору X съезда все осложнялась, и наступил самый благоприятный момент для решительного поворота.

К решительному повороту в политике Ленина толкали навалившиеся на Советскую Республику кризисы. В начале 1921 года разразился в полную мощь топливный кризис, когда подавляющая часть заводов страны остановилась из-за отсутствия топлива. На железных дорогах практически прекратилось сообщение. Хозяйство страны находилось в глубокой разрухе.

Так что положение было серьезным и очень тяжелым. Профессор Сергей Николаевич Прокопович приводит данные по падению производства после Гражданской войны в 1920 году. Оно составляло:

по нефти	42,7 % от уровня 1913 года
по углю	27%
по чугуну	2,4%
по паровозам	14,8%
по вагонам	4,2%
по кирпичу	2,1%
по пряже	5,1%

Количество рабочих в 1920 году составляло 43,1 % от числа рабочих в 1913 году. Производительность составляла 52% от уровня 1913 года [25. С. 330]. Износ основных фондов соста-

вил 30%, а уменьшение по сравнению с 1918 годом — 6,8%. После Второй мировой войны падение производства было гораздо меньшим.

Нельзя сказать, что большевики не боролись с кризисами. Боролись. Всеми доступными средствами и максимальным напряжением сил. Здесь говорить о какой-то политике «военного коммунизма», как то делают наши историки, совершенно не приходится.

Череда кризисов и поражений заставила их отказаться от попыток выстроить политику еще в октябре 1919 года, и с тех пор хозяйственники ВСНХ занимались только ликвидацией прорывов чрезвычайными мерами. «Военный коммунизм», появившийся на свет благодаря книге Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского «Азбука коммунизма» и книге Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода»[1], гораздо правильней определить не как политику, на что-то направленную, а как набор чрезвычайных и неотложных мер: форсирование военного производства, продразверстка, спешное восстановление железнодорожного транспорта и угольной промышленности в Донецком районе.

Но, тем не менее, советские, а вслед за ними и российские историки придерживаются своей стройной и удобной концепции событий первой половины 1921 года. Согласно ей, до X съезда партии, до Кронштадтского и Тамбовского восстаний, Ленин придерживался политики «военного коммунизма», а потом, передумав, крутанул руль и развернул политику в обратном направлении, назвав сей поворот нэпом. Причем в том виде, в каком она обычно излагается, упор делается именно на крестьянина, на восстания, на продразверстку как причину поворота к нэпу и главное ее содержание.

Но это односторонний взгляд. Кризис был не один: политический, топливный, продовольственный. Их было несколько, в самых разных областях. Ленина, как можно увидеть из его записок и рукописей, более всего интересовал кризис в партии, к которому он много раз возвращался и не

[1] Обе вышли в 1920 году.

поленился за первую половину 1921 года написать брошюру и две большие статьи на эту тему. В начале 1921 года он занимался преимущественно фракционной борьбой. Но, как видно из остальных его рукописей, записок, статей и деятельности, Ленин занимался и остальными кризисами, посвящал им внимание, проводил встречи с представителями наркоматов и советских органов и шаг за шагом вырабатывал основные контуры новой экономической политики. Причем эта работа проводилась без каких-либо существенных перерывов в течение декабря 1920 — марта 1921 года.

В отечественной историографии политика нэпа связывается почти исключительно с уступками крестьянству. Западные историки не спорят с таким взглядом, вероятно считая, что российским историкам виднее. Это продолжение все той же простой и удобной концепции, только теперь из нее делаются глобальные выводы. Если им верить, то получается, что новая экономическая политика была в исключительной степени политикой аграрной, что Ленин под нэпом имел в виду именно уступки крестьянству и чуть ли не возвращение страны к аграрному производству. Развивая эту идею, Ленин, мол, предложил план кооперации крестьянства и кустарного ремесленника и построения на этой основе того самого искомого социализма, только не «военного» и не «казарменного».

Есть другой вариант этой же теории. Часть историков считают, что Ленин, ударившись лбом о сопротивление крестьян, вдруг прозрел, увидел все свои большие и малые ошибки, и тут же предложил кардинальный способ их решения. Согласно этой версии, Ленин разработал теорию многоукладной экономики, или сочетания в одной экономической системе нескольких способов организации производства: патриархального, капиталистического, социалистического. Сторонники этой версии утверждают, что именно многоукладность и ее сохранение было главным в новой экономической политике и вообще идеалом для Ленина.

Теория многоукладность со временем приобрела огромную популярность и проникла даже в политические програм-

мы многих умеренных партий в России. Правда, ни в теоретических трудах, ни в политических программах не разъяснялось, что такое многоукладная экономика и почему именно она лучше остальных.

Дальше — больше. После смерти Ленина, утверждают советско-российские историки, выдвинулась плеяда партийных деятелей и ученых, которые восприняли нэп и стали проводить его в жизнь. Среди партийных лидеров самым последовательным сторонником, по их словам, был Бухарин со своим знаменитым лозунгом: «Обогащайтесь!», а среди ученых аграрники Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов. Но потом пришел к власти товарищ Сталин, нэп придушил, а всех его сторонников расстрелял, нарушив тем самым ленинский завет. Произошел «Великий перелом» и все остальные безобразия, проистекающие, конечно, от нарушения заветов бесконечно мудрого Ильича.

Такая версия в ходу у советско-российских историков. От нее, конечно, можно быстро отказаться, но есть свидетельства того, что еще в 1997 году нэп рассматривали именно так [26]. Если попробовать столкнуть ее с фактами и обстоятельствами событий начала 1921 года, то окажется, что теория эта такого столкновения не выдерживает. Это так, главным образом, потому, что эта версия построена на весьма избирательном отношении к фактам; часть их версия тщательно изучает и превозносит, часть описывает мимоходом, а часть просто замалчивает. Например, замалчивается влияние на формирование новой экономической политики плана государственной электрификации России. Замалчивается роль Дзержинского в восстановлении и развитии металлопромышленности и транспорта республики и еще некоторые другие, не менее значительные обстоятельства и события.

Я считаю, что дело обстояло как раз наоборот, по сравнению с этой версией. Новая экономическая политика появилась задолго до X съезда партии и по своей сути мало связана с уступками крестьянину. Основные контуры этой политики были очерчены в плане «Гоэлро». Уступки — это шаг вынужденный и произошедший в самую последнюю

очередь. Уже одно то, что решение о замене продразверстки продналогом приняли 14 марта 1921 года, на последнем заседании X съезда партии, без какого-либо серьезного обсуждения вопроса[1], должно было натолкнуть на размышления.

Связывать нэп с аграрным вопросом и тем более приписывать Ленину какие-то теории аграризации России в духе Чаянова — есть большая ошибка. Таких воззрений у него не было. Напротив, Ленин часто, постоянно возвращаясь к этому, указывал на немецкий опыт, призывал принимать меры для развития крупной промышленности, говорил, что без нее республика не сможет устоять. Вопрос развития крупной промышленности идет лейтмотивом через все его статьи и брошюры 1917—1921 годов. Где бы и когда бы Ленин не говорил и не писал о хозяйстве, в первую очередь он писал о тяжелой промышленности.

Вообще, сутью новой экономической политики было развитие тяжелой промышленности и электроэнергетики в резко изменившихся условиях, а основой нэпа был план «Гоэлро».

Почему это так? Потому что Ленин, получив готовый план электрификации, не думал от него отказываться. Наоборот, он принял максимально возможные меры для его реализации. Комиссия «Гоэлро» была преобразована в Государственную общеплановую комиссию при Совете Труда и Обороны РСФСР, разросшаяся впоследствии в Госплан. Еще позже Госплан наделили законодательными функциями. Эта комиссия была образована как раз в феврале 1921 года, накануне X съезда партии. Ленин об этом писал четко, не оставляющим сомнений образом:

«При СТО создается общеплановая комиссия для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе одобренного 8-м Всероссийским съездом Советов плана электрификации и для общего наблюдения за осуществлением этого плана» [22. С. 338].

[1] Можно сравнить, например, с дикуссией о профсоюзах, дебаты вокруг которых шли пять месяцев, с необычайным накалом.

Если у Ленина и была какая-то экономическая политика в феврале-марте 1921 года, то она была сформулирована и подробно описана в тексте плана «Гоэлро».

В чем же новизна этой экономической политики, и почему она была названа новой? Новизна ее заключалась в том, что Ленин привлекал к сотрудничеству в реализации этого плана широкие массы населения республики. Раньше этого не было. Все мероприятия правительства в 1917—1920 годах сводились к тому, чтобы население от экономической деятельности отстранить, сосредоточить производственные мощности и материальные ценности в руках государственных органов. ВСНХ задумывался изначально именно как орган, управляющий всей хозяйственной деятельностью.

А здесь, когда положение стало настолько острым, что крестьянин приобрел власть над большевиками, угрожая в случае неуступок отказаться от поставок хлеба и топлива, нужно было сделать эти уступки и привлечь большинство населения к созидательной работе. Эта мысль была высказана еще в январе 1920 года, до составления плана «Гоэлро», проведена и закреплена на 8-м Съезде Советов.

Не изменив содержательной части экономической политики, Ленин подвел под нее новый и более прочный фундамент. Кратко он формулировался как «смычка города и деревни», то есть взаимодействие промышленности и крестьянского хозяйства. По-современному, опора на внутренний рынок. Цель «смычки» состояла в накоплении капиталов, необходимых для перевооружения крупной промышленности. Размах кризиса был настолько велик, что государство в одиночку просто не могло с ним справиться, и за поддержкой обратилась к населению Советской Республики.

Раз так, то нужно было осуществить две веши. Во-первых, дать возможность свободного развития внутреннего рынка, для чего нужно было разрешить торговлю, стабилизировать денежный оборот и переориентировать часть государственной промышленности для работы на рынок. Во-вторых, нужно было организовать «взаимовыгодную» торговлю советского промышленника и крестьянина, так, чтобы образовывался от такой торговли доход Советской власти.

Итак, 14 марта 1921 года Ленин выступил с докладом о замене продразверстки продналогом и вынес на съезд проект резолюции. Она была принята практически без обсуждения и дискуссии, всего при четырех выступавших. Эта тема уже, видно, мало кого интересовала.

На следующий день была объявлена мобилизация делегатов съезда, в первую очередь военных, на подавление Кронштадтского мятежа. Поехало более 300 человек. 16 марта делегаты прибыли в Петроград. Начался мощный артобстрел крепости, и ночью подтянутое подкрепление пошло на штурм. После жестокого уличного рукопашного боя Кронштадт был взят.

Кронштадтское восстание сильно повлияло на ленинскую политику. Это было чисто случайное влияние, потому как восстание вспыхнуло стихийно и неожиданно. Но надо сказать, что Ленин мастерски использовал экстремальную ситуацию. На X съезде он протащил такие резолюции, которые в других условиях скорее всего бы не прошли, даже при большинстве съезда за Ленина. Любая из них по отдельности в других условиях вызвала бы раскол партии.

Выдвини он на предыдущем или последующем съезде, например, только одну резолюцию «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», как от партии откололась бы довольно большая часть сторонников «рабочей оппозиции». Выдвини он резолюцию «О единстве партии», как вокруг нее разгорелись бы такие дебаты, которые точно могли довести партию большевиков до раскола на сторонников дискуссий и их противников. Выдвини он резолюцию «О замене продразверстки продналогом» раньше или позже, то Троцкий, скорее всего, обвинил бы Ленина в отступничестве и поставил вопрос о его отстранении.

Даже сторонние наблюдатели, например Арманд Хаммер[1], подчеркивали, что введение нэпа в его крестьянской части

[1] Арман Хаммер заключил первый концессионный договор с Совнаркомом в июне 1921 года, и помогал Советскому правительству устанавливать внешнеторговые связи.

было чрезвычайно рискованным шагом. Любой другой, кроме Ленина, заявивший о таких воззрениях, тут же был бы расстрелян.

Однако вышло совсем по-другому. Ленин блестяще использовал остроту момента. Перестройка руководящих партийных органов на X съезде была впечатляющая. Ленин провел решение об увеличении состава ЦК партии с 19 до 25 человек. На выборах в Центральный комитет РКП(б) он не только протащил всю свою фракцию в полном составе, но и вообще получил там подавляющее большинство за счет сторонников «платформы десяти».

16 марта, когда самая боевая часть делегатов съезда отправилась в Петроград, на Пленуме нового ЦК состоялись выборы в Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК. Секретариат был полностью обновлен, и бывшие секретари: Крестинский, Преображенский и Серебряков, показавшие себя сторонниками Троцкого, в руководящие органы партии не попали вовсе. Вместо них секретарями стали: Молотов, Ярославский и Михайлов. Все они авторитета и связей не имели, но зато поддерживали врагов Троцкого из выдвинутой Лениным «тройки». Из оппозиционных фракций в ЦК и в Политбюро остались только сами лидеры, почти без сторонников [21. С. 41]. В горячке событий этого поворота почти никто не заметил. Потом стало уже поздно.

Участники событий 1921 года оставили красноречивые свидетельства колоссальной хозяйственной разрухи, царившей в Советской Республике. Сергей Захарович Гинзбург, бывший в 20-е годы совсем молодым человеком, но, тем не менее, активно участвовавший в хозяйственной жизни, был пассажиром специального поезда ВСНХ, который шел через Донецкий район, Северный Кавказ, Ростов и Новочеркасск в Баку. Пассажиры этого поезда осматривали предприятия Юга России и Северного Кавказа. С. З. Гинзбург вспоминал в середине 80-х годов:

«Пожалуй, ни одно нынешнее, даже самое тяжелое, длительное путешествие по железной дороге не может сравниться с поездкой того литерного поезда. Двигались мы с большими перерывами, и если двигались, это было даже хорошо. Всякий раз, как только кончалось топливо в паровозе, все мы отправлялись на заготовки — рубили дрова в лесах, подносили уголь, сохранившийся кое-где на полустанках и подъездных путях [27. С. 37].

Помню, как в Макеевке, на металлургическом заводе, нам пришлось подняться на уцелевшую домну, чтобы лучше оглядеться и сориентироваться на этой территории. Гнетущее впечатление запущенного и разрушенного хозяйства было сильнее всех доводов рассудка. Да, мы понимали, что восстанавливать легче, чем строить заново, но смотреть на ржавеющие станки, потухшие домны, разрушенные цеха было так тяжело, что порой казалось — было бы лучше, если бы здесь вообще ничего не было.

Кадровых рабочих на заводах почти не было — они либо погибли на гражданской войне, либо разошлись по деревням в поисках куска хлеба» [27. С. 38].

Глеб Максимилианович Кржижановский о состоянии железных дорог в 1921 году писал так:

«Развороченные мосты на деревянных срубах под железными фермами, явные перекосы полотна, невыправленные линии рельсов, убийственные стоянки — кладбища разбитых паровозов и вагонов, грязные развалы станций, движение поездов по вдохновению, а не по расписанию, наглые хищения грузов, угрожающий рост крушений, «энергетика» на сырых дровах с самопомощью пассажиров, катастрофическое падение производительности труда, двойные, тройные комплекты персонала, совершенная неувязка по линии промышленности и финансов.

За что взяться, где решающее звено — шпалы или паровозы, топливо или служебный распорядок, вливание новых средств, или поиски собственных ресурсов» [28. С. 21].

В начале 1921 года Республику поразил сильнейший топливный кризис. Ничего подобного до сих пор в России не было, да и потом тоже не случалось. Россия входит в число стран, хорошо обеспеченных всеми видами топлива. Только одного угля здесь залегает около 12% от мировых запасов. Причем залегает в ряде мест почти под поверхностью. Много

древесины, много торфа, есть хорошие запасы нефти. Казалось бы, чего-чего, а вот топливному кризису в России не бывать.

Но, тем менее, в 1921 году такой кризис разразился, сразу и на полную мощь. Гражданская война прошла по самым важным промышленным районам, откуда до войны шел поток угля. Во время войны шахты были брошены, оборудование разрушено, выведено из строя, снято и увезено, выработки затоплены, а рабочие или погибли в боях, или разбежались по деревням в поисках продовольствия. За полтора года шахтное хозяйство Донецкого района пришло в негодное состояние, и обеспечивать добычу миллионов тонн угля, как это было до революции, оно уже не могло.

Захватив Донбасс, большевики, конечно, бросили все свободные силы на восстановление шахт и добычу угля. Вложенные усилия дали свои плоды, и добыча угля возросла. Достигнутые результаты вселяли надежду, что дело так пойдет и дальше, что можно будет вскоре ликвидировать недостаток топлива.

В конце 1920 года в ВСНХ на дальнейшее развитие промышленности смотрели именно с такой позиции. 4 октября 1920 года на заседании Президиума ВСНХ обсуждался вопрос о производстве в национализированной промышленности в будущем году. Члены Президиума высказались за расширение выплавки металла. 28 октября Президиум ВСНХ установил минимальную производственную программу на 1921 год — 480 тысяч тонн чугуна, в том числе в Донецком районе -- 400 тысяч тонн. Угля должно быть добыто 12 млн тонн, в том числе в Донбассе — 9,6 млн тонн [28. С. 127—128]. Эта программа была утверждена постановлением 8-го съезда Советов. Председатель ВСНХ А. И. Рыков надеялся, что кроме добычи в Донецком районе можно будет еще использовать запасы угля, скопившиеся на поверхности в районе шахт. Но действительность распорядилась иначе: Рыкову потом пришлось признать допущенный грандиозный просчет в оценке перспектив угледобычи:

«Наши расчеты на получение угля из Донецкого района были обмануты, и главным образом не оправдались наши надежды на получение большого количества топлива, оставленного нам неприятелем.

...мы считали, что на поверхности Донецкого района находится 80—100 млн пудов угля (1,28 — 1,6 млн тонн. — *Авт.)*. Мы составили план развертывания нашей промышленности в расчете на то, что мы используем постепенно этот уголь, который лежит на поверхности, одновременно развивая и саму добычу, с начала этого года должны были снять с поверхности все и вместе с тем довести цифру добычи в Донецком районе до 40 млн пудов в месяц (640 тысяч тонн. — *Авт.)*. Эта цифра месячной добычи нам была гарантирована товарищами, которые работали в то время в Донецком районе. Мы ошиблись и в первом, и во втором» [29. С. 127—128].

Это была явная недооценка масштабов кризиса, которая выявилась уже в январе 1921 года. Прошел январь, и вместо обещаных 40 млн пудов было добыто всего 30 млн пудов угля, или 480 тысяч тонн. Выяснилось также, что угля на поверхности почти нет и рассчитывать нужно только на добычу.

Но тем временем металлургические заводы загрузили свои печи настолько, насколько хватало наличных запасов топлива, чтобы выполнить установленную производственую программу. Топлива не пожалели, посчитав, что раз установили такую программу, значит, скоро будет организован подвоз. Но этого не случилось. Угля как не было, так и не появилось. Израсходовав имеющиеся запасы топлива, заводоуправления были поставлены перед фактом, что топлива больше нет и его поступления не предвидится. Добыча в Донбассе продолжала падать. К июню 1921 года она упала на 60% от январской добычи и составила всего 192 тысячи тонн.

Заводы смогли продержаться до марта на своих запасах и скудных поставках. Но в марте началась остановка производства и закрытие заводов. В Петрограде встали 64 предприятия, в том числе и такие гиганты, как Путиловский и Сестрорецкий заводы. На Урале пришлось остановить мартеновские и прокатные цеха на Аша-Балашовском, Усть-Ката-

ском, Миньярском и Златоустовском заводах. Выплавка чугуна дрогнула и сократилась уже в апреле на 20% к мартовской выплавке. Часть топлива удалось перебросить на прокатные цеха и обеспечить выпуск проката из уже выплавленного металла [30. С. 177].

Срочно нужно было принимать экстренные меры. Нужно было не допустить полной остановки промышленного комплекса страны, сохранить работающим хоть один, хоть два завода. Ленин пошел по нестандартному пути. Раз топлива мало, значит, нужно сократить число его потребителей. В мае 1921 года был ребром поставлен вопрос о перестройке работы промышленности.

Решение, разработанное Лениным, заключалось в дальнейшем развитии уже опробованной идеи — концентрации производства. Нужно было выделить группу самых мощных предприятий, способных поднять подавляюще большую часть государственного заказа, и бросить на них все имеющиеся государственные запасы топлива, сырья и продовольствия. Остальные заводы придется бросить на произвол судьбы, и, скорее всего, они закроются. На местах об этом говорили в тот момент уже совершенно определенно.

Собравшийся в мае 1921 года 4-й съезд совнархозов этот подход одобрил и полностью высказался за концентрацию производства. Но вместе с тем Ленин предложил еще одну инициативу. Те заводы, которые государство снабжать не может, особенно мелкие заводы и мастерские, для того, чтобы сохранить их в рабочем состоянии, их надо бы сдать в аренду частному капиталисту. Съезд поддержал и это предложение.

Это, конечно, противоречило всей большевистской доктрине. Отдача заводов, по мнению большевиков, особенно радикального крыла партии, несомненно должна привести к усилению капиталистических элементов. Но тогда, в мае 1921 года, особенных возражений не последовало. Не все ли равно, закрыть завод или отдать в аренду. В последнем случае хоть польза какая-то будет. Тем более, что капиталисты находились примерно в таком же состоянии, что и советские хозяйственники.

5 июля 1921 года вышел декрет Совнаркома «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ». Этот декрет определил к аренде только самые мелкие заводы и фабрики, на срок не свыше пяти лет. Конечно, арендованные предприятия тут же снимались с государственного снабжения.

Любопытно, что именно в этот день Ленин признал крах революции в Европе [8. С. 56—57].

В конце мая 1921 года ВСНХ образовал комиссию по обследованию угольной промышленности Донбасса и нефтепромыслов Грозного и Баку. От Госплана туда вошел профессор Л. К. Рамзин, принимавший участие в составлении плана «Гоэлро», а теперь возглавлявший топливную секцию в Госплане. После поездки, он предложил план подъема производства в угольной промышленности Донбасса. В Донбассе Рамзин выяснил интересную вещь — на крупных шахтах находилось 93% всех угольных запасов бассейна и 92% всех подготовленных выработок. Отсюда проистек и вывод — зачем тратить средства и силы на «раскачку»[1] разрушенных и малопродуктивных шахт, когда то же самое количество угля можно добыть в самых богатых и подготовленных шахтах [31. С. 55]. Притом с гораздо меньшими усилиями и затратами. План Рамзина был прост: сосредоточить добычу угля на 288 шахтах, что составляло 26% шахт от всех шахт Донецкого района.

12 июля 1921 года А. А. Неопиханов сделал в Президиуме Госплана доклад о плане топливоснабжения железных дорог. После доклада было принято решение составить план топливоснабжения на второе полугодие 1921 года в топливной секции под руководством профессора Рамзина.

Нужда в этом плане была огромной. Чтобы не допустить полной остановки промышлености, нужно было тщательно распределить между наиболее важными предприятиями имеющиеся скудные запасы топлива. В Совете Труда и Обороны тем временем готовились экстренные меры для заготовки топлива на предстоящую зиму.

[1] То есть восстановление подземных выработок, крепи и откачку воды.

Через три дня после доклада Неопиханова Госплану снова пришлось вернуться к топливной теме. Поступил проект постановления Совета Труда и Обороны об экстренных мерах по топливоснабжению республики. На следующем заседании, 18 июля 1921 года, Президиум Госплана рассмотрел поправки, внесенные топливной секцией [23. С. 55], с учетом предложения Рамзина.

Общими усилиями удалось добиться перелома. После спешной концентрации производства и добычи угля, после того, как в Донецкий район снова были брошены рабочие, продовольствие и товары, положение удалось немного поправить. В сентябре в Донецком районе было добыто 295 тысяч тонн угля. К декабрю добыча поднялась до 848 тысяч тонн и превысила плановые предположения на этот месяц 1921 года 128. С. 145].

В августе 1921 года были снова пущены в ход первые три уральских завода. На 1 сентября 1921 года на Урале работало 5 домен и 3 мартеновские печи.

24 сентября отдел промышленности ВСНХ подготовил и представил в Совет Труда и Обороны список предприятий, которые оставались на государственном снабжении, которые переводились на самоснабжение и тех, которые закрывались или отдавались в аренду. По Уралу на государственном снабжении оставались 30 заводов с 56 тысячами рабочих. Эти заводы производили 96% уральского чугуна и 89% уральского мартеновского металла. 21 завод переводился на самоснабжение, а 32 завода предполагалось отдать в аренду, или закрыть [28. С. 142].

На другом фронте — голодном, события шли не менее драматические. Весна 1921 года показала, что лето выдастся засушливым и есть все виды на большой неурожай. После обследования районов, страдавших от засухи, комиссия ВЦИК показала, что положение серьезное и большого голода не избежать. Вопрос о голоде был поставлен в Политбюро ЦК 25 июня 1921 года. После обсуждения там было принято решение образовать при ВЦИК комиссию по борьбе с голодом. На следующий день, 26 июня, «Правда» вышла с передовицей «Голод в Поволжье и меры помощи» с картиной засухи и предложениями всемерной помощи голодающим.

В неурожайных губерниях, по сводкам ЦК Помгола, проживало 31 млн 714 тысяч человек [32. С. 18]. Ситуация с урожаем в разных местах была разной. В одних местах удалось собрать какой-никакой урожай, а в других засуха выжгла все, даже траву. Поэтому была установлена грань, отделяющая неурожайные уезды от голодающих. Если в уезде урожай составлял меньше 6 пудов на душу, то он признавался голодающим [32. С. 16]. Это было сделано в условиях очень скудных запасов и очень небольшой возможности помощи голодающим. Но от этого легче не становилось. Количество голодающих продолжало прибывать. Их насчитывалось, по приблизительным данным, в июле 1921 года до 10 млн человек, но к зиме число выросло вдвое, до 22 млн человек [32. С. 17].

5 июля Кржижановский в Госплане сделал доклад о неурожае, который осветил складывающееся положение. Президиум принял решение срочно разработать план продовольственного снабжения республики [23. С. 51]. 18 июля 1921 года был образован Центральный комитет Помгола во главе с Председателем ВЦИК М. И. Калининым.

Арманд Хаммер описывает голод 1921 года, виденным им в июле-августе 1921 года во время поездки на Урал, в Алапаевск:

«В Екатеринбурге, где в 1918 году был расстрелян царь с семьей, мы впервые столкнулись с голодом...

Десятки тысяч крестьян набивались в товарные вагоны, надеясь найти в городах хоть какое-то пропитание. Среди них с невероятной быстротой распространялись различные болезни: холера, тиф и детские эпидемии...

Мне рассказали, что, когда поезд выехал из Самары, в нем было около тысячи пассажиров. Когда он после нескольких дней пути добрался до Екатеринбурга, в живых оставалось не более двухсот самых сильных из них. Некоторые умерли от голода, но большинство от болезней...

Во время нашей суточной стоянки в Екатеринбурге я собственными глазами увидел, что такое голод. Дети с усохшими

конечностями и страшно раздутыми от травы животами стучали в наши окна, жалобными голосами умоляя дать им еды. Мы не могли им помочь...

Позднее мне пришлось видеть еще много ужасов в голодных районах, но еще на Екатеринбургском вокзале глубоко запали мне в память, особенно два из них: санитары с носилками, складывающие трупы штабелями в одном из залов ожидания, чтобы затем отправить их в общие могилы, и кружившиеся в воздухе стаи черных воронов» [33. С. 67].

В августе 1921 года, в условиях обострения голода и постепенно проясняющихся перспектив на урожай, оценивающийся примерно в 32 млн тонн, что вдвое меньше, чем в урожайный год, первое место в работах Госплана занял продовольственный план. На его фоне отступил даже план топливоснабжения, хотя положение с топливом продолжало оставаться сложным и план с потреблением не сходились с зазором примерно в 240 тысяч тонн топлива.

В августе в Госплане был разработан первый вариант плана продовольственного снабжения, исходя из продналога, декретированного в марте месяце. 23 августа 1921 года Станислав Густавович Струмилин сделал доклад в Президиуме Госплана и доложил результаты. Этот план один из самых лучших планов, созданных Госпланом за всю историю его существования. Он помог Советской Республике продержаться самый трудный год.

Сначала он привел данные о потреблении за прошедший период. Подсчеты показывали, что в 1913 году русский рабочий имел ежедневный паек в 4 тысячи калорий в день. В 1920 году он сократился в полтора раза и стал составлять только 2750 калорий. Станислав Густавович привел другие подсчеты, которые показывали, что производительность рабочего прямо зависит от размеров пайка и от количества получаемых калорий. Если паек уменьшить на 30%, то производительность рабочего упадет в 2,5 раза. 2000 калорий в день являются тем минимумом, который нужен для поддержания физического равновесия организма. Соответственно, производительность в 1920 году упала в пять раз по сравнению

с 1913 годом и находится уже близко к уровню истощения рабочего.

Поэтому Струмилин, учитывая общую ситуацию в хозяйстве, предложил такой план: паек рабочего увеличить, а число рабочих, стоящих на государственном снабжении, сократить. Тем самым поднять производительность рабочего и более эффективно распорядиться продовольственными запасами. По его подсчетам, нужно было установить паек в 3400 калорий в день для взрослого и 2600 калорий — для члена семьи. Такой паек потребовал бы, в среднем, 192 килограмма муки, 24 килограмма крупы, 115 килограммов картофеля в год на человека [23. С. 65].

Увеличение калорийности пайка всего на 1 тысячу калорий поднимет производительность рабочего с 253 до 584 рублей, то есть в 2,3 раза [17. С. 30—31].

Зато когда речь зашла о количестве рабочих и служащих, тут ведомства долго не могли сойтись на приемлемой цифре. После долгих споров вокруг более чем разнобойных цифр о численности служащих в разных ведомствах удалось выработать более или менее приемлемый вариант, и 17 сентября 1921 года Струмилин доложил, что на совместном совещании руководителей ведомств в Совете Труда и Обороны было решено сократить число совслужащих до 900 тысяч, а рабочих — до 2,5 млн человек. Снабжение этих людей потребует около 4 млн тонн хлеба [23. С. 80].

20 сентября состоялось еще одно заседание Госплана — с докладом представителя Наркомпрода М. И. Фрумкина. Он доложил, что Наркомпрод сумел сократить расход хлеба до 2,8 млн тонн, что собрать это количество продовольствия представляется реальным [23. С. 81—82].

21 сентября вопрос рассматривался в Совете Труда и Обороны, на котором был принят предложенный план продовольственного снабжения.

Кроме обстановки, требовавшей отдельного внимания, перед Госпланом стояла еще одна задача, на которую в конце 1921 года было направлено особое внимание. До этого никто не занимался составлением годовых планов национализированной промышленности в масштабе всего государства.

Нужно было, хотя бы в самом приблизительном виде, разработать методику составления планов.

24 октября 1921 года в Президиуме Госплана состоялся доклад представителя промышленной секции Госплана А. А. Башмачникова о принципах составления производственных программ.

На этом заседании впервые столкнулись два метода планирования. Один метод, которого придерживались специалисты, не являющиеся коммунистами, заключался в восстановлении промышленности до довоенного уровня. Они понимали задачу так: сначала, первым этапом, восстановление промышленности и хозяйства до уровня 1913 года, со всеми характерными пропорциями. А затем только, вторым этапом, дальнейшее развитие. Но второй этап наступит, в самом лучшем случае, в начале 30-х годов. Потому специалисты особенно не торопились с составлением перспективных планов развития, предпочитая заниматься планами восстановления отраслей промышленности по образцу 1913 года.

Партийное меньшинство Госплана, в первую очередь Кржижановский, Струмилин и Александров, смотрели на задачу совершенно с другой стороны: нужно, не обращая внимания на падение производства, на разгром, перестраивать промышленность и хозяйство, выводить его на новый уровень и подниматься снова до уровня 1913 года уже на принципиально другой производственной основе. В их планах акцент ставился на максимально возможном развитии производства. Главной идеей их планирования была концентрация производства на лучших предприятиях.

Доклад Башмачникова был подвергнут жестокой критике. Выступили все руководители секций и подсекций Госплана и сам Кржижановский. Плановики-коммунисты встали на позицию резкого неприятия предложеных секцией промышленности принципов планирования. Они, как можно судить по стенограмме прений, заключались в следующем:

— составление плана по каждой отрасли отдельно,

— государственное субсидирование промышленности,

— план восстановления промышленности в объемах производства и пропорциях довоенного хозяйства,

— стремление к достижению коммерческой доходности промышленности.

На заседании, после выступлений, Кржижановский обобщил высказывания в некий систематизированный взгляд на проблему плановиков-коммунистов. Он выделил пять пунктов, в которых были самые серьезные расхождения. Эти пять пунктов составили теоретическую основу советского хозяйственного планирования и были в дальнейшем развиты и доработаны. 24 октября 1921 года впервые были высказаны основы принципиально нового подхода к планированию хозяйственной деятельности. Эти пункты включали в себя:

«1. Всякий план развития промышленности необходимо рассматривать лишь в плане перспектив, в связи с развитием экономики в целом.

2. План развития промышленности в целом должен опираться на изучение ресурсов определенного района.

3. При постройке плана государственной промышленности первая задача заключается в установлении объема государственного хозяйства, необходимого для устойчивого существования советского государственного строя.

4. Выделение предприятий для поддержки со стороны государства должно происходить по двум признакам: во-первых, по признаку производства предметов широкого потребления, во-вторых, по признаку производства средств производства.

5. Признать, что принцип денежного хозяйства, упорядочивания финансового учета, упорядочивания элементов налоговой системы имеет значение не в силу того, что мы будем иметь в виду, таким образом, благополучный баланс нашей прибыли и убытков, а только как принцип учета» [23. С. 109-110].

В тот день Президиум Госплана принял решение — принципы составления производственных программ отвергнуть и вернуть на доработку.

Через несколько дней, 29 октября 1921 года, состоялось новое заседание Президиума Госплана по вопросу метода планирования. Из секции промышленности вынесли инструкцию по составлению производственных программ. Члены Президиума обсуждали ее по каждому пункту и вносили поправки. В конечном итоге получился документ, который лег в основу советского планирования:

«1. Предпосылкой для правильного составления плана промышленности ввиду существующего бестоварья является форсирование производства до возможной степени с целью удовлетворения потребностей государства и населения...

2. Государственная промышленность должна быть построена на основе технической рационализации и хозяйственного расчета, то есть с таким учетом издержек производства и его результатов, и прежде всего стремления к безубыточному ведению дела, разумея под последним возможность реализации продуктов не ниже себестоимости. Исключения из принципа безубыточности возможны лишь для предприятий, развертывание которых возможно в порядке перспективного плана, и предприятия, продукты которых необходимы народному хозяйству...

3. Прежде всего, до включения в хозяйственный план, должен быть в спешном порядке произведен отбор наиболее жизнеспособных предприятий, то есть могущих быть обеспеченными всеми элементами производства: оборудованием, сырьем, рабочей силой, построенных в наиболее выгодных транспортных условиях, и работающих с наименьшими затратами...

4. Ввиду ограниченности ресурсов государственного фонда и трудностей, связанных с централизованным снабжением, все предприятия, включенные в хозяйственный план, подразделяются на две категории:

а) обеспечиваемые сырьем, топливом и денежными знаками за счет государства,

б) переводимые на самоснабжение...

5. Государственные предприятия, переводимые на самоснабжение, не могут приобретать путем товарообмена или покупать те продукты, которыми они могут быть снабжены государственными органами снабжения...

6. При организации промышленности следует иметь в виду:

а) районирование промышленности, применительно хотя бы к тем районам, выделение которых уже является делом предрешенным,

б) группирование объединений в одно хозяйственное целое с учетом территориальной близости предприятий — соединение в одно целое предпрятий:

1) по принципу теплосилового комбинирования,

2) связанные последовательными стадиями производственного процесса,

3) основные предприятия с подсобными,

4) предприятия, продукты котрых могут служить источником товарообменного фонда для других предприятий того же объединения.

7. Заработная плата должна быть поставлена в связь исключительно с производительностью труда» [23. С. 124—130].

Итак, метод построения советских народнохозяйствнных планов был разработан. Надо сказать, что в последующем, в 20-х годах, даже в 30-х годах, при создании пятилетних планов, советские плановики почти не отступали от этих принципов. Первый пятилетний план, работа над которым возглавлялась самим Кржижановским, был выдержан в духе этого документа. Влияние заложенных в нем идей на всю советскую и современную российскую экономику колоссально и сегодня совершенно не оценено.

Глава четвертая

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Те, которые давно готовились стать моими противниками, в первую очередь Сталин, стремились выиграть время. Болезнь Ленина была такого рода, что могла сразу же принести трагическую развязку. Завтра же, даже сегодня могли встать ребром все вопросы руководства. Противники считали важным выгадать подготовку хоть на день. Они шушукались между собой и нащупывали пути и приемы борьбы.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь

Знаете, товарищи, что я думаю по этому поводу: я считаю, что совершенно неважно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это — кто и как будет считать голоса.

И. В. Сталин

Как мы видели, Ленину удалось совершить перелом в проводимой политике от чрезвычайных мер военного времени к политике мирного времени. Ему удалось совершить нечто, что в других условиях, даже при немного другом раскладе событий, было бы невозможным.

Ленину удалось также заложить самые главные, основные устои нового общества. Закрепилась руководящая роль партии большевиков. Внутри партии был сформулирован политический курс и создан механизм сохранения этого курса. В хозяйстве страны были созданы новые руководящие органы и проведены новые руководящие принципы: принципы плановости, рационализации и концентрации производства. Этот механизм был опробован в сложных условиях хозяйственного кризиса 1921 года.

Все это было очень важными и серьезными достижениями. Но дальнейший ход событий отстранил Ленина от руководства партией и государством, не дал ему завершить окончательное формирование своей новой политической

программы, политики нового государства и не дал ему реализовать эту программу. В мае 1922 года Ленина свалил первый удар его болезни.

В необычно острой ситуации, когда политическое положение Советской Республики было еще очень непрочным, в условиях до конца не разрешенного хозяйственного кризиса, вдруг встал, и встал ребром, вопрос о власти и руководстве. Члены партийного и государственного руководства, ближайшие соратники Ленина, фактически бросили все остальные дела для того, чтобы решить этот вопрос о власти.

Партия большевиков из Гражданской войны вышла совершенно другой организацией. До войны РСДРП(б) была типичной интеллигентской партией: узкой, малочисленной, организационно слабой организацией. Большая часть дореволюционных большевиков либо из интеллигенции, либо из разночинцев. Рабочих там было меньшинство, и большой роли они не играли.

Потом, после первой русской революции, начатой не большевиками, но в ходе которой большевистская организация понесла серьезный урон, руководство партии почти в полном составе выехало за границу и оттуда, с переменным успехом, руководило деятельностью в России. Кое-что большевикам удалось, например, создать сеть более или менее стабильных ячеек и провести в Государственную Думу своих кандидатов. По тем временам это было большим достижением, но то были частные успехи. До свержения царизма, главной задачи большевиков, было далеко.

Когда же царизм наконец-то пал, об этом событии Ленин узнал из немецких газет, и сказал при этом историческую фразу: «ежели немцы не врут».

Захватив власть и оказавшись лицом к лицу перед задачей бороться за власть, защищать ее уже в качестве правительства, большевики к этой задаче оказались не готовы. Среди них не было людей, хоть как-то знакомых с государственным управлением, командованием армиями, руководством промышленным комплексом. Конечно, кое-что боль-

шевики знали в теории, но тут нужны были практические навыки.

Очень любопытно читать письма и записки Ленина, собранные в последних томах его собрания сочинений, особенно те, которые он писал, занимая высшие государственные посты. В этих записках Ленин предстает в качестве государственного деятеля.

Государственник из него вышел посредственный. Например, ничего похожего на отдел информации он так и не создал. Не любил Ильич бюрократизм. Потому ему приходилось пользоваться слухами, постоянно требовать донесений с мест лично себе, постоянно писать записки с требованием что-то выяснить. При этом, как можно понять, часто отсутствовала проверка поступающих сведений, и нередко Ленин в своих решениях исходил из искаженного понимания действительности. Контроль за поступлением донесений и за исполнением принятых решений при Ленине был поставлен из рук вон плохо. Потому иногда работники на местах попросту обманывали Совнарком и Совет Труда и Обороны.

Еще более худшим было положение с низовыми работниками. Бо́льшая часть старого административного аппарата либо отказалась работать, либо ушла к белым. На советскую службу, в органы ЧК и армии потоком пошли малограмотные и необразованные товарищи. Нехватка кадров была сильнейшей, и брали всех, кто хоть немного годился для такой работы.

Это кончилось тем, что еще даже через пятнадцать лет после утверждения Советской власти советские служащие писали документы с грубыми орфографическими и стилистическими ошибками. ВЧК заполонили такие личности, которых при царе постеснялись бы впустить даже в приемную полицейского управления. Все очевидцы в один голос говорят, что в ЧК работали преимущественно садисты и алкоголики. Чем ближе к линии фронта, тем хуже становились кадры. Киевская ЧК в этом отношении прославилась особенно ярким созвездием палачей.

Командование армиями осуществляли бывшие младшие чины Русской армии, а то и вообще люди без всякого военного звания и знаний. Единственным исключением среди красных командиров был Фрунзе, действительно разбиравшийся в военных вопросах. Совершенно не удивительно, что Красную армию били с такой завидной регулярностью.

В хозяйстве положение все-таки было получше. Управление промышленностью взяли в свои руки хоть и малограмотные и необразованные рабочие, но которые хотя бы понимали существо дела. А потом, на советскую службу большевикам удалось привлечь много инженеров. Они-то и вывели потом хозяйство из кризиса начала 20-х годов. Конечно, это были в массе инженеры далеко не первой величины, но все-таки имеющие образование и твердые знания. А потом к сотрудничеству удалось привлечь также ученых, в том числе и таких первоклассных, как Павлов, Жуковский, Зелинский.

Но за годы войны партия сильно изменилась. Во-первых, она утратила свой интеллигентский характер, свойственный даже для начала 1918 года. Интеллигенции пришлось перековаться. В конце Гражданской войны большинство в партии составляли плохие или хорошие, но все же военные и хозяйственники. Во-вторых, в партию потоком пошли массы. Из партии профессиональных революционеров-подпольщиков, какими большевики были еще в 1917 году, она превратилась в массовую партию. Организация революционеров, построенная Лениным, стала в партии меньшинством. В-третьих, события привели к большевикам огромное количество всевозможных попутчиков. Люди, которые раньше были оппонентами, а то и прямыми врагами большевиков, теперь сами становились большевиками. Наиболее яркая личность из таких попутчиков — Троцкий, вступивший в РСДРП(б) в августе 1917 года и быстро забравшийся в самые высокие руководящие органы партии.

Партийные кадры глубоко впитали опыт Гражданской войны. Партия милитаризовалась настолько, что даже сам Ленин, всегда носивший костюм-тройку, под конец жизни не брезговал полувоенным кителем. А среди руководства

и партийных масс военная мода распространилась чрезвычайно широко. Вошла в обиход, и до сих пор полностью выйти не может, военная терминология. Главным методом руководства стал приказ, подразумевающий безусловное выполнение.

Кроме того, произошла кардинальная перестройка партийного руководства, В марте 1919 года неожиданно умер заместитель Ленина по партийной работе, держатель партийных списков и секретных фондов Яков Свердлов. Валерий Шамбаров полагает, что ранняя и внезапная смерть Свердлова была связана с его попыткой покушения на Ленина 30 августа 1918 года и переворота в партии [34. С. 98—108]. Эту версию, несмотря на всю ее экстравагантность, нельзя сбрасывать со счетов. За нее говорит много фактов.

После смерти Свердлова, чтобы не допустить усиления кого-либо из своего окружения, Ленин разделил власть, принадлежавшую Свердлову, и отдал ее по частям новым руководящим структурам: Политбюро, Оргбюро и Секретариату ЦК. Теперь теми же делами занимались 13 человек. На том же съезде партия изменила название. Ленинцы теперь стали не социал-демократами, а коммунистами.

А потом еще последовал X съезд с резолюцией «О единстве партии», который завершил преобразование бывшей интеллигентской революционной организации в «партию нового типа». Получилась партия во главе с небольшой группой руководителей, наделенных неотъемлемым правом формировать политику партии, а вместе с ней и политику всего государства, и с партийными массами, готовыми эту политику проводить на деле, не считаясь с последствиями и всеми доступными средствами.

Внутрипартийные нравы того времени не отличались мягкостью. В большевистской партии четко отличались революционеры «первого эшелона» и «второго эшелона». Первые были руководителями, жили на партийные деньги, и партия им обеспечивала полную безопасность. А вторые занимались разного рода грязной работой: агитацией в массах, руководством парторганизациями на местах, провозом и распространением нелегальной литературы, добычей денег и обеспечением безопасности руководителей партии. Они, революционеры «второго эшелона», чаще всего общались с полицией, часто и подолгу сидели в тюрьмах, были в ссылках и на каторге. На них ложился весь риск партийной работы. Порядки были таковы, что ради безопасности члена руководящего органа партии можно и нужно было жертвовать любым другим членом партии.

После революции это деление осталось. И даже усилилось. Большевики оказались у власти в стране, где большинство населения относилось к ним с вооруженым нейтралитетом. Активные группы населения если и оказывали большевикам какую-то помощь, то от случая к случаю и за какие-то ответные шаги. А задач вставало много, сразу и одновременно. Члены большевистской партии быстро превратились в главный и основной инструмент проведения в жизнь политики партийного руководства.

Если где-то были нужны люди для того, чтобы залатать какую-нибудь прореху, проводилась партийная мобилизация. Такие мобилизации, массовые и повсеместные, проводились после каждого крупного поражения Красной Армии на фронте на хозяйственную работу, на заготовку топлива и продовольствия и на множество других, совершенно неотложных дел.

Практика мобилизации партии добралась до самых верхов. На выполнение неотложных задач не бросались только самые высокопоставленные руководители, да еще старые большевики. Их было, может быть, всего несколько сот человек.

В ленинских письмах есть один очень любопытный момент, подтверждающий такое положение дел. В своих записках к партработникам, к комиссарам, к командующим фронтами и к уполномоченным Ленин именует своих партийцев исключительно по фамилиям, а иногда даже и по конспиративным кличкам. Фрунзе, например, Ленин при первой встрече вспомнил именно по кличке. Такие наименования проникали даже в официальные совнаркомовские документы. Уполномоченного на Южном фронте В. И. Сергеева

Ленин называл исключительно по конспиративной кличке Артем.

Однако был человек, которого Ленин называл по имени-отчеству. Этим человеком был Глеб Максимилианович Кржижановский. Из всей обширной ленинской переписки обращение к Кржижановскому — единственное исключение. Понятное исключение, кстати говоря. Кржижановский был старым большевиком и работал с Лениным еще до возникновения РСДРП. К этой же категории относился и Станислав Густавович Струмилин. Оба эти товарища благополучно пережили все события 20-х годов, всю внутрипартийную борьбу, чистки и дожили до преклонных лет очень уважаемыми в СССР деятелями[1]. Это-то при том, что первый был до революции примиренцем большевиков с меньшевиками, а второй вообще поддерживал меньшевиков.

В 50-х годах они остались, наверное, единственными людьми, которые начинали революционную деятельность с Лениным и продолжали совместную работу вплоть до его смерти.

Остальные члены партии, и даже ЦК, таким почетом и уважением не пользовались. При всем при том, что они получили на VIII съезде партии большую власть, войдя в новые бюро Центрального Комитета, их реальное положение лучше всего, наверное, определить как нахождение «на посылках» или «революционеры второго эшелона». Всех их: Сталина, Зиновьева, Каменева, Троцкого и остальных Ленин в любой момент мог послать в любое место с любым поручением. Например, наводить порядок в отступающих войсках или свозить хлеб. Члены ЦК противились этому, каждый по-своему, но поручения, тем не менее, выполняли.

Впоследствии, когда Сталин укрепил свое положение единоличного руководителя партии, он снова возобновил эту практику и значительно расширил ее. Вот эти ленинские «порученцы», революционеры «второго эшелона» и составили основной костяк партийных руководителей, между которыми, в последующем, разгорелась борьба за власть.

До X съезда их положение руководителей было весьма непрочным. В руководство большая часть «порученцев» выдвинулась на волне событий 1917 года, по воле обстоятельств, везения. Сталин, например, бывший еще в 1916 году «третьеразрядным» революционером, надолго оказавшимся в Туруханской ссылке, за тридевять земель от политических событий, оказался в группе руководителей только потому, что сумел вперед всех приехать в революционный Петроград в марте 1917 года и захватить редакцию «Правды» в свое управление. Потом, когда приехали все остальные, настоящие руководители, он снова оказался задвинут на задний план и занялся обеспечением безопасности вождя.

Ленин их ценил только за какие-то навыки, за какую-то деятельность. Каменев оказался полезен при открытии 2-го съезда Советов в октябре 1917 года. Сталин оказался полезен при обеспечении безопасности Ленина, а потом в качестве комиссара и представителя ВЦИК. Троцкий пригодился как талантливый оратор и организатор Красной Армии. Дзержинский — как организатор ВЧК. Зиновьев — как руководитель Петрограда, а потом и Коминтерна. Выполняя эти функции, они оставались у руля.

Но в то же время оставалась возможность прихода к руководству партией другой группировки или другого человека. Это могло случиться, например, в сентябре 1918 года, если бы Ленин оказался убит. В этом случае все «порученцы» тут же были бы отставлены от дел и сошли бы с исторической сцены.

После X съезда эта возможность была исключена. Всякая фракционная деятельность, всякие дискуссии, а значит и продвижение кандидатур против воли Политбюро ЦК, в котором заседали ленинские «порученцы», было строжайше запрещено. В одночасье «порученцы» оказались полноправными и практически несменяемыми руководителями партии. Руководство партии начало эволюционировать в сторону все большего и большего сосредоточения власти в своих руках [35. С. 16]. Поскольку в ЦК образца X съезда не бы-

[1] В 1929 году Кржижановский стал вице-президентом Академии наук СССР и директором Энергетического института АН СССР, а Струмилин работал в Госплане и много издавался в разные годы.

ло человека, который в любом случае мог стать руководителем партии и преемником Ленина, который бы воспринимался именно как возможный, «запасной» руководитель, стало ясно, что следующим вождем партии станет кто-то из бывших «порученцев».

Это ожидание подогревалось тем обстоятельством, что Ленин за годы Гражданской войны сильно сдал. На фотографиях 1920 и 1921 года он выглядит уже сильно постаревшим, хотя ему было всего пятьдесят лет. На лице следы хронической усталости, нервного расстройства от той огромной работы, которую он взвалил на себя руководством сразу всеми высшими государственными органами страны. Ленин много болел в 1920 году и временами надолго отходил от дел.

3 апреля 1922 года произошло знаменательное событие, которому было суждено сыграть большую роль во всех дальнейших событиях. Канцелярия ЦК РКП была решительно реорганизована. Теперь на смену полупрофессиональным работникам решено было поставить надежных профессионалов. Состав Секретариата ЦК расширяется, и в него вводятся новые люди. По рекомендации Зиновьева Сталин был избран на пост Генерального секретаря партии. Ленин такой кандидатуре не возражал.

До этого Пленума ЦК секретари никакой политической власти не имели. Это была должность, замещавший которую человек возглавлял всю техническую работу по Центральному Комитету партии. То есть в его руках был контроль над канцелярией ЦК, проводившей работу по оформлению и рассылке решений, заведовавшей партийным списками и занимавшейся почти исключительно бумажной работой.

Решением Пленума положение Секретариата резко изменяется. Сталин должен был наладить и координировать канцелярскую работу Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Причем, согласно уставу, если решение Секретариата не оспаривается никем из членов Политбюро и Оргбюро, то оно может стать решением этих органов. Ответственный секретарь сосредотачивает, таким образом, в своих руках большую

власть и возможность получения еще большей власти. Для этого достаточно отодвинуть от работы лидеров партии и начать спокойно командовать партией через Секретариат. Сталин занялся этой работой, особенно активно после XI съезда партии.

Как всякий карьерист, Сталин сразу же начал работу по подбору себе надежных помощников и соратников. Сразу же после окончания XI съезда Сталин пригласил к себе Лазаря Моисеевича Кагановича, который был на съезде делегатом от Туркестана, и сообщил ему о том, что ЦК считает необходимым перевести его на оргработу в Москву, в Центральный Комитет. Каганович вспоминал об этом:

«После этого тов. Сталин сказал об организационных задачах по существу, с особой силой подчеркнув важнейшее положение доклада и заключительного слова тов. Ленина на XI съезде — его генеральный вывод о том, что сейчас гвоздь не в новой политике в смысле перемены направления — новая экономическая политика полностью себя оправдала, отступление окончено, — гвоздь положения в организации проверки исполнения, в людях, в подборе людей» [36. С. 252].

Сталин поставил задачу — наладить постоянную связь Центрального Комитета с нижестоящими парторганизациями и обеспечить постоянный приток информации о положении на местах. Речь шла, главным образом, об отчетности, постоянной и регулярной. При Секретариате был учрежден Оргинструкторский отдел из четырех подотделов, во главе которого Сталин поставил Кагановича. Борис Бажанов так охарактеризовал Кагановича:

«Дело было в том, что человек чрезвычайно способный и живой, Каганович был крайне малограмотен. Сапожник по профессии, никогда не получивший никакого образования, он писал с грубыми грамматическими ошибками, а писать литературно просто не умел» [35. С. 15].

Но Каганович, при всей своей малограмотности, оказался твердым и надежным руководителем. Всю литературную работу за него выполняли помощники.

Во всех отделах, комиссиях и аппарате ЦК развернулась работа по разработке нового порядка организации местных

партийных ячеек, с тем, чтобы их можно было в достаточной степени контролировать, обеспечивать подбор подходящих кандидатур на руководящие посты и получение информации с мест. Сталин пристально следил за этой работой и сам активно в ней участвовал [36. С. 256].

В Оргинструкторском отделе был создан подотдел информационно-инструкторский:

«Этот подотдел обязан был не только разрабатывать формы отчетности для местных организаций, но и обеспечивать аккуратное получение отчетов от обкомов и губкомов и даже наиболее характерных укомов и ячеек, а также обрабатывать получаемые с мест отчеты, составлять ежемесячные сводки о состоянии и организации работы на местах...

Отдел должен был изучать по материалам учраспреда и данным информационно-инструкторского подотдела руководящие партийные кадры и составлять характеристики членов бюро губкомов, членов президимов губисполкомов, губпрофсоветов, а в дальнейшем — и бюро укомов партии и так далее, с оценкой их работоспособности и пригодности к руководящей работе» [36. С. 259—260].

Сталин на этом поприще провернул большую работу. Он проявил упорство и способности к канцелярской работе и сумел организовать работу на должном уровне. В отличие от Ленина и прочих вождей партии, которые не испытывали тяги к систематическому сбору и анализу информации, Сталин разработал систему получения и обработки информации о политическом положении в стране.

Он создал также основы учета и распределения партийных кадров, так называемую номенклатуру ЦК, благодаря которой в дальнейшем сумел одержать победу над своими противниками. В короткий срок он стал одним из наиболее информированных руководителей партии. Пока Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин и прочие произносили пламенные речи и руководили «восставшим пролетариатом», Сталин сидел в своем кабинете в Кремле и изучал политическое положение в стране.

Но и это еще не все. Через Оргбюро, которое занималось подбором и расстановкой кадров на руководящие посты

в партии, Сталин стал создавать «фракцию» своих приверженцев с прицелом на завоевание власти. К моменту первого удара у Ленина он сумел создать основы своего будущего могущества.

Тем временем произошло событие, которое перевернуло положение в руководстве. 25 мая 1922 года у Ленина произошел первый апоплексический удар. Сталин это воспринял как сигнал к началу борьбы за власть, и, вскоре после этого, окончательно формируется «тройка» из Сталина, Зиновьева и Каменева.

Любопытно, что в те же самые дни, когда у Ленина случился первый удар, в аппарате ЦК был разработан проект нового устава партии. Автором нового проекта был Борис Бажанов, который представил в одном документе старый и новый устав для сравнения. Он прошел читку и обсуждение у Кагановича, потом у Молотова, а потом дошел и до Сталина:

«Сталину я тоже был представлен как юный безумец, который осмеливается тронуть достопочтимую и неприкосновенную святыню. После тех же ритуальных вопросов — сколько мне лет, знаю ли я, что в 1903 году, и после формулировки причин, по которым я полагаю, что устав надо переделать, было опять преступлено к чтению и обсуждению проекта. Рано или поздно пришел вопрос Сталина: „И это вы сами написали?" Но в этот раз за ним последовал и другой: „Представляете ли вы себе, какую эволюцию работы партии и ее жизни определяет ваш текст?" — и мой ответ, что очень хорошо представляю и формулирую эту эволюцию так-то и так-то. Дело было в том, что мой устав был важным орудием для партийного аппарата в деле завоевания им власти. Сталин это понимал. Я тоже.

Конец был своеобразным. Сталин подошел к вертушке. „Владимир Ильич? Сталин. Владимир Ильич, МЫ ЗДЕСЬ В ЦК пришли к убеждению, что устав партии устарел и не отвечает новым условиям работы партии. Старый — партия в подполье, теперь партия у власти и т. д." Владимир Ильич, видимо, по телефону соглашается. „Так вот, — говорит Сталин, — думая об этом, МЫ разработали проект нового устава

партии, который и хотим предложить". Ленин соглашается и говорит, что надо внести этот вопрос на ближайшее заседание Политбюро» [35. С. 20].

19 мая 1922 года Оргбюро ЦК по решению Политбюро образовало «Комиссию по пересмотру устава» и она приступила к работе. Партия, согласно проекту нового устава, должна была сбросить с себя последние остатки своего былого подпольного положения и стать партией власти. В ЦК полным ходом идет подготовка реализации этого проекта полной реорганизации партии. А через неделю у Ленина происходит первый удар.

Напряжение, связанное с попытками решения обрушившихся на республику кризисов, связанное с проведением перспективных проектов и внутрипартийной борьбой, однажды вылилось в то, что Ленин в конце 1921 года заболел и отошел от дел. Но к открытию XI съезда он поправился, выступил 27 марта 1922 года с докладом, а потом с заключительным словом и снова вернулся к работе. Перестройка бюро и аппарата ЦК была осуществлена под его непосредственным руководством.

Удар 25 мая был неожиданностью для всех. Но, как полагает Николай Валентинов и прямо говорит Борис Бажанов, Сталин был обрадован уходом Ленина и открывающимися возможностями. Ленин после себя оставил «тройку», в которую он, Сталин, входил. Ему, Сталину, было доверено руководство важнейшими бюро ЦК партии, Зиновьев руководил Коминтерном, занимая, таким образом, важнейший пост на международном направлении. Каменев руководил вместо Ленина работой Совета Труда и Обороны — того самого органа, который стоял над всеми самыми высшими советскими государственными органами. С уходом Ленина в руках «тройки» неожиданно сосредоточилась огромная и почти ничем не ограниченная власть.

Сталин уже после первого удара понял, что «Ленину капут». Характер болезни держался в секрете, и о том, что Ленин болен, знал лишь узкий круг близких людей. Но и они не знали всего о болезни. Сталин же стал расспрашивать врачей, читать медицинскую литературу и установил, что выздоровления Ленина не будет. Исходя из этого обстоятельства, стал выстраивать свою политику [8. С. 76].

Троцкий, еще недавно блиставший в качестве главнокомандующего Красной Армией, в начале 1922 года оказался в тени. Правда, почитание Ленина и Троцкого еще продолжалось, но реальная власть уже уходила из рук Троцкого. Любопытно, что сам Троцкий этого сначала не понимал. В 1922 году он занялся самопрославлением — составлением истории Красной Армии.

Однако пока и члены «тройки» активных действий еще не предпринимали. Была надежда на возвращение Ленина, и осенью 1922 года он действительно оправился от удара и на некоторое время вернулся к работе.

И не просто вернулся, а развернул очень активную деятельность. По подсчетам Валентинова, Ленин за два с половиной месяца, до нового удара, председательствовал на 25 заседаниях, лично написал 110 писем, принял 175 человек и три раза выступил перед аудиторией [37. С. 95]. В этот момент он начал наступление на Сталина, против его Секретариата, как сосредоточения власти, создание некоторого балансирующего органа, которым предлагалось сделать Контрольную комиссию и Рабоче-Крестьянскую Инспекцию.

Мало кто пишет о причинах такой политики Ленина. Причина состояла в том, что заместители Ленина по партии пользовались классическим методом упрочения своего положения: «доступом к телу», то есть контроля посещений больного вождя. Так было во время выздоровления Ленина после ранения осенью 1918 года, когда Свердлов практически изолировал его от внешнего мира в Горках. Так же становилось и теперь, когда изоляцию вокруг Ленина создавал в своих интересах Сталин. Ленин с этой изоляцией боролся всеми своими тающими силами.

Поводом к выступлению Ленина послужило столкновение Сталина с ЦК Компартии Грузии по национальному вопросу. По ходу этого наступления Ленин сделал шаги по сближению с Троцким. Тот воспринял это сближение, чисто тактическое, как стремление Ленина передать ему власть в партии. Воспо-

минания Троцкого о борьбе в начале 20-х годов были построены на основе этого представления.

В той борьбе сплетались не столько какие-то объективные противоречия, а скорее личные чувства: симпатии и антипатии членов партийного руководства друг к другу. Все, кто оставил воспоминания о том времени, уделяли этому вопросу большое внимание, особенно останавливаясь на взаимных антипатиях. Именно на мотиве личной неприязни к Троцкому возникла антитроцкистская «тройка», поддержанная Лениным. Впоследствии к Сталину присоединялись люди, которые по разным причинам и поводам подверглись критике. Так пришли в сталинский союз Орджоникидзе, которого Ленин хотел исключить из партии за самоуправство на Кавказе, и Дзержинский. Троцкий так вспоминает о позиции Дзержинского, тоже пришедшего в сталинский блок:

«Ленин Дзержинского высоко ценил. Охлаждение между ними началось тогда, когда Дзержинский понял, что Ленин не считает его способным на руководящую хозяйственную работу. Это, собственно, и толкнуло Дзержинского на сторону Сталина» [38. С. 481].

Побороть Сталина и его сторонников в ЦК Ленину не удалось, хотя тот и не оставил надежды, пользуясь своим авторитетом, уменьшить сталинскую власть над ЦК, действуя из своей комнаты. 16 декабря 1922 года у Ленина случился второй удар, и он снова отошел от активной деятельности. После его второго ухода сложилась такая обстановка внутри партии: усилившаяся «тройка», создавшая расширенную коалицию приверженцев против Троцкого, поддержкой Ленина противопоставленного против «тройки». Неудачная борьба Ленина против Сталина сыграла тому на руку, усилив его позицию и сплотив его сторонников.

9 марта 1923 года у Ленина случился третий удар, который всерьез вывел его из строя: паралич, расстройство речи и умственной деятельности. Члены «тройки» стали в спешном порядке сосредотачивать власть у себя в руках. У них еще оставался какой-то запас времени, пока Троцкий не разберется

в положении и не вступит в борьбу за власть, чтобы сосредоточить все в своих руках и не оставить ему ни малейшего шанса.

Сталин, Зиновьев и Каменев нашли лазейку в порядке работы Политбюро — утверждение повестки дня. Эту работу они полностью взяли на себя, собираясь или на квартире Зиновьева или в кабинете Сталина. Бажанов так описывает заседания этого «секретного правительства»:

«Накануне заседания Политбюро Зиновьев, Каменев и Сталин собираются, сначала чаще на квартире Зиновьева, потом обычно в кабинете Сталина в ЦК. Официально — для утверждения повестки Политбюро. Никаким уставом или регламентом вопрос об утверждении повестки не предусмотрен. Ее могу утверждать я, может утверждать Сталин. Но утверждает ее тройка, и это заседание тройки и есть настоящее заседание секретного правительства, решающее, вернее, предрешающее все главные вопросы. На заседании только четыре человека — тройка и я. Я докладываю вкратце всякий вопрос, который предлагается на повестку Политбюро, докладываю суть и особенности. Формально тройка решает, ставить ли вопрос на заседании Политбюро или дать ему другое направление. На самом деле члены тройки сговариваются, как этот вопрос должен быть решен на завтрашнем заседании Политбюро, обдумывают решение, распределяют даже между собой роли при обсуждении вопроса на завтрашнем заседании» [35. С. 47].

Сталин в то же время завел для себя одно, чрезвычайно мощное, оружие в борьбе за власть. Все самые высокопоставленые руководители партии и правительства общались между собой по секретному телефонному коммутатору — «вертушке». Коммутатор находился в руках у Сталина и вместе с ним возможность подключаться к любым телефонным переговорам, прослушивать их. Поскольку коммутатор секретный, то руководство разговаривает по нему свободно, без секретов.

По воспоминаниям Бажанова, Сталин постоянно прослушивал разговоры по «вертушке», и, таким образом, оказался в курсе всех дел, всех мнений и принимаемых решений в иду-

щей подковерной борьбе за власть. Что бы ни затеяли его противники, это тут же станет ему известно. Это обстоятельство сделало Сталина зрячим в борьбе за власть в партии [35. С. 54-55].

Во второй половине 1923 года «тройка» вооружилась еще одним оружием внутрипартийной борьбы, чрезвычайно мощным по тем временам. Этим оружием было «мнение Ленина». Полное собрание сочинений, которое включает в себя значительную часть ленинского архива, показывает, насколько широкой была деятельность вождя. Так или иначе, он высказывал свое мнение практически по всем вопросам партийной жизни, государственного, хозяйственного и военного строительства. Члены «тройки» решили обратить этот архив в свою пользу. Была развернута мощная пропаганда идей ленинизма, которому придавался несколько евангелический оттенок. Мол, все, что написал и сказал Ленин, — есть истина.

Но это было еще не все. Ленин оставил множество записок, писем и резолюций, в которых он давал оценки видным большевистским руководителям. Эти оценки далеко не всегда были сдержанными.

На заседании «тройки» в ноябре 1923 года обсуждался вопрос о том, как этот весь материал использовать. Собранные вместе, ленинские цитаты могли поставить решительную точку в карьере большей части видных большевиков. Бажанов пишет, что вопрос решился таким образом: было решено внести предложение об организации Института Ленина, который должен стать хранилищем всех ленинских рукописей. 23 ноября 1923 года Политбюро выносит постановление об организации Института Маркса-Энгельса-Ленина и о немедленной сдаче всех ленинских рукописей и писем в этот архив [35. С. 83]. Помощником директора этого института становится помощник Сталина — Товстуха.

«Тройкой» был выработан план отстранения Троцкого от руководства армией. Сначала должно было произойти расширение Реввоенсовета, куда должны были войти противники и враги Троцкого, затем должен был быть отстранен заместитель Троцкого Склянский, а потом уже выведен и сам Троцкий.

Троцкий этот план разгадал уже на первом этапе, когда 23 сентября 1923 года Пленум ЦК принял решение о расширении Реввоенсовета. В расширенный состав РВС вошел Сталин. Троцкий сыграл истерику, выбежал из зала заседания ЦК, а впоследствии, говоря о Сталине и его сторонниках, написал:

«В позднейшей борьбе Зиновьева и Каменева со Сталиным тайны этого периода были раскрыты самими участниками заговора. Ибо это был подлинный заговор. Создано было тайное Политбюро (семерка), в которое входили все члены официального Политбюро, кроме меня, плюс Куйбышев, нынешний председатель ВСНХ. Все вопросы предрешались в этом тайном центре, участники которого были связаны круговой порукой. Они обязались не полемизировать друг с другом, и в то же время искать поводов для выступления против меня. В местных организациях были такого же рода тайные центры, связаные с московской «семеркой» строгой дисциплиной. Для сношений существовали особые шифры. Это была стройная нелегальная организация внутри партии, направленная первоначально против одного человека» [38. С. 476].

Он здесь сильно сгустил краски. Троцкого отстранили от власти гораздо более простыми средствами, и никаких секретных «центров» и шифров для этого дела не понадобилось.

Борьба началась в марте 1923 года. После третьего удара у Ленина в печать просочилась информация о серьезной болезни главы правительства и фактического отхода Ленина от дел. Но врачи скрывали то, что болезнь была серьезной. После такого удара больные обычно долго не жили. По Москве ходили слухи о том, что Ленин просил для себя яда. Они, в конце концов, добрались и до Политбюро и повергли его членов, особенно Троцкого, в состояние шока.

В это же время праздновался юбилей основания РСДРП, 25 лет со времени первого съезда партии. 14 марта 1923 года

вышел юбилейный номер «Правды», в котором была опубликована статья Радека, посвященная Троцкому и его роли в революции. Радек превозносил Троцкого до небес.

Все, кто имел доступ к информации о делах в высшем советском руководстве, после прочтения статьи сошлись на том, что инициатором статьи был сам Троцкий и что это его заявка на лидерство [8. С. 182].

Поскольку члены Политбюро одновременно руководили всеми важнейшими областями государственной деятельности, то политическая борьба в верхах стала оказывать решающее воздействие на дальнейшее развитие страны. Ведомства сами становились орудием и средством борьбы за власть, за ослабление противоборствующей группировки. Чем больше сторонников группировки сидело на самых высоких постах, тем сильнее была группировка и тем больше было возможностей гнуть свою фракционную политику.

В начале 20-х годов, сразу после отхода Ленина от деятельности, хозяйственная политика превратилась в поле боя между «тройкой» и сторонниками Троцкого.

Сразу после октября 1917 года и в Гражданскую войну на хозяйственные посты было назначено много сторонников Троцкого. В то время промышленность считалась важным направлением, но второстепенным, по сравнению с Реввоенсоветом, которым руководил сам Троцкий. Потому туда отправлялись люди, которые примкнули к революции, но не смогли оказаться в когорте ее руководителей. Первый состав Президиума ВСНХ был почти в полном составе меньшевистский и оппозиционный. Еще больше представителей оппозиции и меньшевиков было в местных органах управления промышленностью, главках, органах снабжения. Прослойку большевиков, которая там образовалась весной-летом 1918 года, выгребли партийными мобилизациями, а их места заняли люди, весьма и весьма далекие от большевизма, и даже от социализма.

В 1923 году, когда Председателем ВСНХ стал Рыков, его заместителями стали Богданов и Пятаков, фактически управлявшие Высшим совнархозом, из которых первый встал в оппозицию к Сталину, а второй был открытым и активным сторонником Троцкого. Нарком финансов, В. Я. Сокольников, тоже был сторонником Троцкого. Да и сам Троцкий в 1920 году занимал должность наркома путей сообщений.

В развернувшейся борьбе Троцкий попытался использовать мотив хозяйственных трудностей СССР и повернуть их против «тройки», свалив вину за хозяйственные кризисы на их управление.

Главным противником Троцкого на хозяйственном участке политической борьбы был Дзержинский, ставший наркомом путей сообщения, а потом вплотную занявшийся делами национализированной промышленности, что вылилось в первый политический погром в ВСНХ в начале 1924 года, учиненный при активном участии Дзержинского. После смерти Ленина Дзержинский стал Председателем ВСНХ.

Силы «тройки» в хозяйственных органах только лишь одним Дзержинским не ограничивались. На их сторону встал Наркомат Рабоче-Крестьянской инспекции, сокращенно Рабкрин или РКИ. Этот наркомат активно занимался хозяйственными и финансовыми вопросами и оказывал серьезное влияние на эти области. Однако до 1923 года, когда Рабкрином руководил Сталин, он не был ведущим и авторитетным органом, занимался мелкими вопросами, и вообще Ленин говорил, что в Советской республике нет органа хуже организованного, чем Рабкрин.

Превращение Рабкрина в один из ведущих органов государственной политики началось по ленинской инициативе. Он написал статью «Как нам организовать Рабкрин», в которой предложил преобразовать Центральную контрольную комиссию и Рабкрин, расширить их состав и полномочия, поставить во главе этого органа контроля авторитетного руководителя. Эта статья поступила в ЦК, и там началось обсуждение ленинских предложений. В марте 1923 года Дзержинский составил тезисы о реорганизации Рабкрина, вполне в ленинском духе, которые 30 марта 1923 года Пленум ЦК взял за основу. Через месяц эта резолюция о Рабкрине и ЦКК была одобрена XII съездом партии.

Сутью предложений Дзержинского было объединение Наркомата РКИ и ЦКК РКП(б) под общим руководством и тем самым превращение рабочего контроля в проводника политики партии. Эта мысль была поддержана делегатами съезда, особенно «тройкой», которая сразу же поспешила подчинить новый орган своему влиянию.

26 апреля 1923 года на Пленуме ЦКК председателем был избран Валериан Владимирович Куйбышев, в то время член ЦК, Секретарь ЦК, член Оргбюро ЦК и Президимума ВСНХ. Он был человеком достаточно высокопоставленным и авторитетным для такой роли, а, главное, он был сторонником и помощником Сталина. Потому его избрание прошло без особых проблем. На Пленуме прозвучало предложение назначить Куйбышева наркомом РКИ. 30 апреля 1923 года он стал наркомом рабочего контроля, заместителем Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны [39. С. 180]. Это назначение резко увеличило представительство сторонников «тройки» в хозяйственных органах, да еще в столь важном деле, как контроль. «Тройка» через Куйбышева теперь была в курсе всех дел, как в партии, так и в хозяйственно-государственных делах.

Решение о расширении Реввоенсовета стало тем рубежом, который отделил сосуществование «тройки» и Троцкого в Политбюро от открытого и острого противостояния. Бажанов так описывает этот исторический момент, когда Троцкий, после замечания члена ЦК Комарова в свой адрес, взорвался:

«Это был разрыв. В зале царила тишина исторического момента. Но полный негодования Троцкий решил для вящего эффекта, уходя, хлопнуть дверью.

Заседание происходило в Тронном зале царского дворца. Дверь зала огромная, железная и массивная. Чтоб ее открыть, Троцкий потянул ее изо всех сил. Дверь поплыла медленно и торжественно. В этот момент следовало сообразить, что есть двери, которыми хлопнуть нельзя. Но Троцкий в своем возбуждении этого не заметил и старался изо всех сил ею хлопнуть. Чтобы закрыться, дверь поплыла так же медленно и торжественно. Замысел был такой: великий вождь революции разорвал со своими коварными клевретами и, чтобы подчеркнуть разрыв, покидая их, в сердцах хлопает дверью. А получилось так: крайне раздраженный человек с козлиной бородкой барахтается на дверной ручке в непосильной борьбе с тяжелой и тупой дверью. Получилось нехорошо» [35. С. 68].

В состав Реввоенсовета был введен Фрунзе. Вскоре он был назначен председателем комиссии ЦК по военным делам и провел инспекцию в войсках. Он обнаружил, что Красная Армия не представляет собой организованной вооруженной силы. В докладе на Политбюро 3 февраля 1924 года он назвал Красную Армию бандой и попросил полномочий на реорганизацию. Бажанов описывает это заседание Политбюро:

«Уже в 1924 году, как председатель комиссии ЦК по обследованию состояния Красной Армии, он доложил в Политбюро, что Красная Армия в настоящем своем виде совершенно небоеспособна, представляет скорее распущенную банду разбойников, чем армию, и что ее надо всю распустить. Это и было проделано, к тому же в чрезвычайном секрете. Оставлены были только кадры — офицерские и унтер-офицерские. И новая армия была создана осенью из призванной крестьянской молодежи. Практически в течение всего 1924 года у СССР не было армии; кажется, Запад этого не знал» [35. С. 134].

Полномочия ему были даны, и Фрунзе весной 1924 года фактически полностью разогнал Красную Армию, оставив только офицеров, и осенью начал новый набор солдат. Кроме того, им были проведены кадровые перестановки в высшем командовании армии.

Троцкий после этого включился в политическую борьбу за уплывающую из рук власть. Он избрал для нападения на «тройку» два направления: внутрипартийный бюрократизм, насаждаемый Сталиным, и хозяйственные затруднения.

В сентябре-октябре 1923 года советская национализированная промышленность перенесла тяжелый кризис сбыта, самый настоящий марксистский кризис перепроизводства. Цены на металлоизделия, после приказа заместителя

Председателя ВСНХ Пятакова 16 июля 1923 года об извлечении максимальной прибыли, взлетели до небес. Сбыт в течение нескольких недель практически полностью остановился. Заводы работали некоторое время на склад, пока они не оказались забиты готовой продукцией. Окончился хозяйственный год, и в конце года выяснились большие убытки государственной промышленности, острая нехватка оборотных средств. Заводы, переведенные на самоокупаемость, встали перед невозможностью закупить сырье и топливо для продолжения работы, выплатить рабочим зарплату.

Острейший кризис вызвал волну забастовок и резкую активизацию рабочих групп в партии, образование новой «рабочей оппозиции» во главе с Богдановым и Мясниковым. Эта оппозиция, кроме негативного отношения к политике ЦК партии, пока никаких лозунгов и программных положений не имела, так же, как и признанных лидеров. Троцкий сделал попытку опереться на эти оппозиционные группировки.

8 октября 1923 года он пишет письмо в ЦК, посвященное кризису сбыта, в котором Троцкий обвинил в нем руководство партии: «Руководства хозяйством нет, кризис идет сверху» [8. С. 20]. Главной причиной кризиса он назвал бюрократизм в партии, который, по его словам, привел к параличу хозяйственной работы. Письмо это пошло не только в ЦК, но и стало распространяться в партии его сторонниками и обсуждаться на собраниях. Это формально противоречило решению X съезда о запрете фракционных выступлений.

Центральная контрольная комиссия 15 октября запретила распространение письма Троцкого. Но в этот же день в ЦК поступило заявление «46-ти» от объединенных групп «демократического централизма» во главе с Осинским и Смирновым и группы Троцкого. Одновременно началась агитация в местных организациях за поддержку Троцкого и «платформы 46-ти».

Политбюро отреагировало на это выступление такой резолюцией:

«Мы считаем необходимым сказать, что в основе недовольства Троцкого... лежит то обстоятельство, что Троцкий хочет, чтобы ЦК назначил его для руководства нашей хозяйственной жизнью... Он ведет себя по формуле: „все или ничего". Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что или партия должна предоставить Троцкому диктатуру в области хозяйственного и военного дела, или он, фактически отказываясь от работы в области хозяйства, оставит за собой лишь право систематической дезорганизации ЦК» [8. С. 21].

Через две недели, 5 ноября 1923 года, Политбюро и Президиум ЦКК торжественно осудили бюрократизм в партии в резолюции «О партийном строительстве». Зиновьев написал статью в «Правду» «Новые задачи партии», вышедшую 7 ноября 1923 года, в годовщину октября 1917-го.

Казалось бы, оппозиционеры добились, чего хотели, и должно произойти успокоение. Но не тут-то было. Крупнейшие парторганизации в Москве проголосовали против решения ЦК. Это было фактическое поражение, поставившее «тройку» в очень непростое положение.

В этой ситуации члены «тройки» воспользовались ленинским опытом борьбы с Троцким. После этого голосования Политбюро внезапно разрешило провести дискуссию в печати, и сторонники «тройки» бросили все свои силы на дискредитацию Троцкого.

Агитаторы постарались. Три недели центральные газеты публиковали статьи против Троцкого, авторы которых обвиняли его во всех мыслимых грехах, ну и, конечно, в измене марксизму-ленинизму. Именно в эти дни возникло решение «тройки» о создании Института Маркса-Энгельса-Ленина и о ленинском архиве. Смысл этой затеи состоял в том, чтобы эти обвинения подкрепить фактическим материалом.

Сам Троцкий молчал, и, после того, как пар дискуссии вышел, выступил 8 декабря со статьей «Новый курс», в которой политика ЦК и Политбюро подверглась резкой критике. Это обращение было первоначально письмом в ЦК, но оно вышло в «Правде» 11 декабря. Троцкий не остался в долгу и об-

винил руководство партии в бюрократическом перерождении.

Письмо Троцкого вызвало бурный протест против политики в ЦК в местных парторганизациях, заводилами которого были группы «рабочей оппозиции» и «демократического централизма». Велась интенсивная агитация в войсках. Начальник Политуправления Красной Армии Антонов-Овсеенко разослал в войска циркуляр в духе «Нового курса». В середине декабря ЦК потеряло большинство в Московской организации, по которой равнялись все остальные. События приобретали совершенно неожиданный разворот.

Вот здесь и пригодился «решающий аргумент», заведенный Лениным на X съезде. Политбюро расценило выступление Троцкого со статьей «Новый курс» как фракционное выступление, а саму статью признало фракционным документом. Это было, конечно, недостаточно. На заседании «тройки» встал вопрос о том, что делать с результатами голосования в Московской парторганизации. Бажанов описывает это заседание. После того, как Зиновьев и Каменев произнесли свои речи, в попытке нащупать решение, Каменев поинтересовался мнением Сталина:

«Пока речи идут на этих высотах, Сталин молчит и сосет свою трубку. Собственно говоря, его мнение Зиновьеву и Каменеву не интересно — они убеждены, что в вопросах политической стратегии мнение Сталина интереса вообще не представляет. Но Каменев человек очень вежливый и тактичный. Поэтому он говорит: „А вы, товарищ Сталин, что вы думаете по этому вопросу?" — „А, — говорит товарищ Сталин, — по какому именно вопросу?" (Действительно, вопросов было поднято много). Каменев, стараясь снизойти до уровня Сталина, говорит: „А вот по вопросу, как завоевать большинство в партии". — „Знаете, товарищи, — говорит Сталин, — что я думаю по этому поводу: я считаю, что совершенно неважно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это — кто и как будет считать голоса". Даже Каменев, который уже должен знать Сталина, выразительно откашливается» [35. С. 76].

В «Правде» появляются ложные сообщения об итогах голосования, «исправленные» сталинским помощником Назаретяном. Сообщения вызвали бурю протеста, но, тем не менее, волну голосований против ЦК удалось сбить. Партийные массы развернулись в ее сторону. Этот поворот Политбюро поддержало активной агитацией против троцкистов. В конце концов, они добились своего. В конце декабря проходили выборы на 13-ю партконференцию, на которых сторонники Троцкого потерпели сокрушительное поражение.

14 и 15 января 1924 года Пленум ЦК подвел итоги дискуссии. Оппозиция терпела поражение. Среди 128 делегатов конференции с правом решающего голоса было всего три оппозиционера. На следующий день, 16 января, Троцкий выступил с речью, в которой сдал все свои позиции. Потом, правда, об этом очень сильно пожалел.

«Тройка» воспользовалась положением, чтобы добить Троцкого. Против него выступили Каменев, Зиновьев, Угланов[1], Рухимович[2], Рудзутак, Ярославский, Бухарин и другие. На Пленуме была образована комиссия по обследованию Красной Армии, куда вошли сторонники «тройки». С самого начала ясно, что армия будет признана небоеспособной, и ответственность за это будет возложена на Троцкого.

Сразу после конференции Троцкий уехал на Кавказ, чтобы отсидеться и переварить свое поражение.

В середине лета 1923 года на советскую промышленность совершенно неожиданно обрушился новый кризис. В условиях начала 20-х годах он выглядит совершенно необычно и несвойственно. Это был кризис цен 1923 года.

Начиналось все, как обычно, достаточно спокойно. После решений об изменении финансирования промышленности, ВСНХ первую половину 1922/23 года работал в новом режи-

[1] Секретарь Московского горкома РКП(б).
[2] Председатель треста «Донуголь».

ме, пытаясь приспособиться к новому порядку. Однако это не удалось. Средств промышленности сильно недоставало, особенно в условиях, когда основные фонды требовали огромных амортизационных отчислений, а на рынке сырья и топлива имелся сильный дефицит и того, и другого. Дефицит, высокие цены и колеблющийся рубль привели к тому, что промышленность к концу 1922/23 года осталась без оборотных средств.

До конца 1922/23 года оставалось три месяца, когда выяснилась вся катастрофичность положения. Отсутствие оборотных средств означало, что не будут закуплены запасы сырья и топлива на будущий год, что рабочим не будет выплачена зарплата, что в будущем году производство упадет. Зарплата уже стала задерживаться, что вызвало летом 1923 года волну забастовок на заводах и фабриках. Не выдавая зарплату, администрация заводов так относилась к рабочим, что они взбунтовались и потребовали, наконец, перестать ущемлять их права. Этот стихийный рабочий бунт стал катализатором внутрипартийной дискуссии и столкновения сторонников Троцкого и «тройки».

Положение в промышленности было сложным. Вообще, 1922 и 1923 годы, по оценке Валентинова, были временем таких перестроек в промышленности, которые приближались к хаосу. Внешним проявлением этого организационного хаоса была жизнь самого ВСНХ, находившегося в здании Московских торговых контор. В нем постоянно шла перепланировка кабинетов, отделы постоянно перемещались с места на место, сотрудники переходили из одного кабинета в другой.

Вдобавок в 1923 году ВСНХ оказался без руководства. После удара у Ленина, председатель ВСНХ Рыков оказался вынужденным погрузиться в ведение дел Совнаркома и исполнять свои обязанности в ВСНХ уже не смог. Вся работа была взвалена на помощников: бывшего председателя ВСНХ Богданова, и Пятакова, посланного ЦК на помощь в реорганизации ВСНХ.

И тот, и другой оказались негодными руководителями. Богданов прославился своей мягкостью и уступчивостью, защитой своих выдвиженцев, которые все, словно на подбор, оказались запойными пьяницами. И Пятаков был убежденным сторонником самых крайних решений, причем крайних нередко до абсурда. Он-то и захватил фактическое руководство ВСНХ, оттеснив на второй план Богданова, и стал проводить такую политику в хозяйстве, какая, на его взгляд, была самой правильной.

Пятаков был противником нэпа, сторонником самого жесткого и централизованного администрирования, но, вместе с тем, и нэповские начинания в хозяйстве доводил до самых крайних форм. Когда четко обозначилась нехватка средств, он 16 июля 1923 года подписал приказ по ВСНХ об извлечении максимальной прибыли. Этим приказом предписывалось поднять цены.

Получилось так, как мало кто ожидал. Предприятия, работающие на рынок, резко подняли цены на свой товар. Например, трест «Моссукно» наценило свои ткани на 137% [8. С. 116]. Наценка была столь высока, что рынок фактически отказался покупать промышленные товары. Большей части покупателей, крестьян-единоличников, новые цены на сельхозинвентарь были совершенно неподъемны.

Конец июля и август 1923 года металлопромышленность продолжала выполнять производственные программы и отгружать готовую продукцию на склады. А оттуда она не расходилась. Сбыт прекратился, и склады начали наполняться продукцией. В начале сентября склады предприятий ВСНХ оказались затоваренными. Например, трест «Донуголь», который выполнил программу СТО по производству на 127%, сумел выполнить программу реализации угля только на 80%. Продолжая набирать рабочих и увеличивать добычу, предприятия треста накопили на своих складах 1 млн 100 тысяч тонн угля [31. С. 73].

Положение промышленности стало катастрофическим. Приток средств, и без того маленький, прекратился совсем. Случилось нечто парадоксальное. В стране, где была жестокая нехватка самых необходимых товаров, разразился кризис перепроизводства.

Пятаков, увидев последствия своего решения, шарахнулся в противоположную сторону и в августе 1923 года протащил через Президиум ВСНХ решение о закрытии Путиловского завода. Оно через несколько дней было отменено постановлением Совета Труда и Обороны [40. С. 17].

Под влиянием кризиса перепроизводства вся хозяйственная политика СССР повернулась в новое русло. Кризис вызвал также и обострение политических разногласий в Политбюро и стал причиной для первой крупной стычки Троцкого и «тройки» в Политбюро. Пятаков выступил на стороне Троцкого и подписал «Платформу 46», в которой критиковались ошибки партийного и государственного руководства в хозяйственной политике.

Положение, которое сложилось в металлопромышленности, привлекло внимание Дзержинского, который был тогда членом Межведомственной комиссии ЦК по согласованию работы транспорта, металлической и топливной промышленности. 16 сентября 1923 года он попросил своего секретаря в ОГПУ В. Л. Герсона достать доклад Главметалла к 6-му съезду профсоюзов. Этот доклад и другие материалы по металлопромышленности Дзержинский изучает до конца октября 1923 года, находясь в отпуске.

Тем временем промышленность продолжают лихорадить финансовые трудности. В эти же дни нарком РКИ Куйбышев делает в своей записной книжке запись: «Надо, наконец, положить предел несвоевременной выплаты зарплаты. Несмотря на свой, видимо, технический характер, он стал принципиальным и важнейшим вопросом момента» [39. С. 194].

Дзержинский 23 октября пишет письмо в ЦК с предложением проведения кампании против вздувания цен. А 2 ноября пишет письмо Сталину, в Политбюро:

«Собирая материалы по металлопромышленности, я не нашел ничего, чтобы Главметалл сделал и делает по борьбе с бесхозяйственностью, какие вел кампании, какие произвел изыскания. Во всех докладах, статьях и выступлениях говорится красноречиво только об успехах в производстве, о финансовых затруднениях, что недостаток только один: мало дотаций, низки цены...

Калькуляция цен на металл была „величайшим надувательством". Она проводилась с заранее установленной единственной целью: „вздуть цены" [29. С. 50—51].

По итогам своего изучения положения металлопромышленности Дзержинский сделал доклад на заседании Политбюро 13 ноября 1923 года. Суть доклада сводилась к тому, что ни Главметалл, ни ВСНХ в целом ничего не сделали для предотвращения кризиса, и что нужно организовать общегосударственную кампанию по борьбе с кризисом. Политбюро этот доклад одобрило и направило вопрос для обсуждения в Совет Труда и Обороны.

В эти самые дни развернулась ожесточенная борьба с Троцким, и вопрос о металлопромышленности отошел на второй план. СТО отложил совещание, назначенное на 16 ноября, до конца месяца. 30 ноября вопрос был отложен еще на две недели, до 14 декабря. Собравшись снова 14 декабря, Совет Труда и Обороны принял решение еще раз отложить рассмотрение доклада Дзержинского еще дней на двадцать.

Дзержинский принялся засыпать СТО, Президиум ВСНХ и Совнарком требованиями рассмотреть, наконец, свой вопрос. Ему удалось заставить заместителей председателя СТО созвать 28 декабря 1923 года заседание по своему докладу. Но Совет Труда и Обороны, заслушав текст доклада, не принял по нему никакого решения. Но зато постановил образовать в Госплане комиссию во главе с Кржижановским по вопросам металлопромышленности. Она-то, мол, и должна изучить положение в отрасли и подготовить ряд мер для борьбы с кризисом и ее дальнейшего развития. Эта комиссия должна была 15 марта 1924 года внести свой доклад в СТО для дальнейшего рассмотрения [29. С. 71].

Таким образом, затягиванием рассмотрения вопроса Каменев и Рыков ясно давали понять Дзержинскому, что не потерпят постороннего вмешательства в дела советского хозяйства. И в самом деле, Дзержинский вышел здесь за пределы своих полномочий. Контролировать работу промышленности мог только Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции,

ни членом, ни наркомом которого Дзержинский в конце 1923 года не был. А сам Наркомат под руководством Куйбышева только-только стал налаживать свою работу. Весь первый год работы, вплоть до апреля 1924 года у него ушел на эксперименты и пробы.

Дзержинский не был также и членом Центральной контрольной комиссии РКП(б), на которую тоже иногда возлагались функции контроля над хозяйственными органами и партийным руководством ими. Не мог Дзержинский заниматься делами всей металлопромышленности ни как председатель ОГПУ, ни как нарком путей сообщения. Вся его деятельность по изучению металлопромышленности в конце 1923 года была лишь работой и мнением отдельного, пусть бы и высокопоставленного, товарища.

Причина такого вмешательства могла быть, пожалуй, только одна — политическая. Интерес Дзержинского к металлопромышленности совпал с борьбой Политбюро ЦК против Троцкого и имел явно политическое происхождение.

Раз так, то нужно оценивать его интерес, исходя из его политического положения в руководстве партией. На этот счет есть две оценки Дзержинского, из противоположных лагерей, но совпадающие по смыслу. Первая принадлежит Троцкому:

«Самостоятельной мысли у Дзержинского не было. Он сам не считал себя политиком, по крайней мере, при жизни Ленина. По разным поводам он неоднократно говорил мне: я, может быть, неплохой революционер, но я не вождь, не государственный человек, не политик. В этом была не только скромность. Самооценка была верна по существу. Политически Дзержинский всегда нуждался в чьем-нибудь непосредственном руководстве» [38. С. 464].

А вторая принадлежит Бажанову:

«Но что очень скоро мне бросилось в глаза, это то, что Дзержинский всегда шел за держателями власти, и если отстаивал что-либо с горячностью, то только то, что было принято большинством. При этом его горячность принималась членами Политбюро как нечто деланное и поэтому неприличное. При его горячих выступлениях члены Политбюро смотрели в стороны, в бумаги, и царило впечатление неловкости. А один раз председательствовавший Каменев сухо сказал: „Феликс, ты здесь не на митинге, а на заседании Политбюро". И, о чудо! Вместо того, чтобы оправдать свою горячность („принимаю, мол, очень близко к сердцу дела партии и революции"), Феликс в течение одной секунды от горячего взволнованного тона вдруг перешел к самому простому, прозаическому и спокойному...

Надо добавить, что когда Сталин совершил свой переворот, Дзержинский с такой горячностью стал защищать сталинские позиции, с какой он поддерживал вчера позиции Зиновьева и Каменева (когда они были у власти).

Впечатление у меня в общем получалось такое: Дзержинский никогда ни на йоту не уклоняется от принятой большинством линии (а между тем, иногда можно было бы иметь и личное мнение); это выгодно, а когда он горячо и задыхаясь защищает эту ортодоксальную линию, то не прав ли Зиновьев, что он использует внешние эффекты своей грудной жабы?» [35. С. 200-291].

То есть выходит, что в политических делах Дзержинский не был самостоятельным. На том фоне, что основой критики Троцкого политики ЦК были именно хозяйственные затруднения, понятно рвение Дзержинского в изучении положения металлопромышленности, и понятна его позиция. Таким образом, Политбюро, «тройка» в первую очередь, стремились показать, что, мол, и в их рядах есть критики и специалисты по хозяйству, и Троцкий не обладает монопольным правом критиковать хозяйственную политику ЦК. Это подтверждается дополнительно еще и тем, что Дзержинский развернул целую газетную кампанию. С 20 ноября по 18 декабря 1923 года им было опубликовано восемь крупных статей по хозяйственным вопросам, в том числе его доклады в СТО и Госплане. Дзержинский дал самым крупным газетам — «Торгово-промышленной газете», «Известиям», «Гудку», «Экономической жизни» и «Правде» — обширные интервью. Их выход на полосах этих газет как раз пришелся на самый пик

дискуссии с Троцким в конце ноября — начале декабря 1923 года.

То есть Дзержинский здесь сражался на политическом фронте против обвинений Троцкого в развале хозяйства. Обвинение в развале хозяйства возвращалось самому Троцкому и его ближайшим сторонникам. И на этом его роль в хозяйстве ограничивалась. Совет Труда и Обороны, Госплан и Совнарком не шли дальше принятия к сведению предложений Дзержинского. Можно предполагать, что руководители Совета Труда и Обороны и Совнаркома намеренно ничего не делали для разрешения кризиса, пока полностью не определится итог дискуссии с Троцким.

Когда поражение Троцкого в дискуссии стало ясно, по хозяйственному кризису, наконец, были приняты меры. 11 января 1924 года ЦИК и Совнарком приняли решение установить на сельскохозяйственный инвентарь твердые цены на уровне цен 1913 года. Одно это решение позволило очень быстро разгрузить склады заводов и пустить весь выпущенный сельхозинвентарь в продажу. Кризис цен заставил Госплан с ноября 1923 года обратиться к изучению конъюнктуры цен. В составе Госплана был создан Конъюнктурный совет. Главным предметом рассмотрения стали колебания цен на хлеб.

Хоть Дзержинский в 1923 году ничего не смог сделать, его интерес к металлопромышленности не прошел даром. Через несколько дней после смерти Ленина кризис производства угля в тресте «Донуголь» заставил хозяйственников снова вернуться к этому вопросу. 26 января 1924 года состоялось совместное заседание Президиумов Госплана и ЦКК-РКИ под председательством Кржижановского. На нем присутствовали: от Госплана — Губкин, Рамзин и Струмилин; от ЦКК-РКИ — Куйбышев, Аванесов и Ярославский; от «Донугля» — Рухимович и от НКПС — Дзержинский и Межлаук.

Это было очень бурное заседание, длившееся шесть часов, на котором первый заместитель наркома РКИ В. А. Аванесов напал на позицию топливной секции Госплана, которая стремилась урезать планы добычи угля. Куйбышев слова не брал, но было ясно, что он эту позицию разделяет. Губкин и Рамзин стали отбиваться от упреков, и все заседание превратилось в долгий и бурный обмен упреками и обвинениями. Поле боя осталось за Рабкрином, потому как в заключительном слове Кржижановский поддержал позиции Наркомата РКИ. Эту же позицию поддержал и Дзержинский.

На этом заседании было создано Особое совещание под председательством Дзержинского, которое занялось срочной выработкой мер подъема производства угля в тресте «Донуголь». События начала 1924 года пододвинули Дзержинского к посту руководителя промышленностью. За работой в комиссии по тресту «Донуголь» его застало новое назначение. Он был назначен председателем ВСНХ.

Глава пятая

БОРЬБА ЗА ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Изложить ленинизм — это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем.

Сталин И. В. Об основах ленинизма

Создана была целая наука: фабрикация искусственных репутаций, сочинения фантастических биографий, рекламы вождей по назначению.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь

До кончины Ленина оставались считанные дни; его состояние не давало надежды на поправку. Было ясно, что вождь умрет в самые ближайшие дни. Вставал вопрос о наследстве: не только о власти над партией как таковой, но и наследстве идейном.

Это был немаловажный вопрос, и совсем не праздный, как теперь может показаться. Ленин обладал огромным авторитетом и огромной властью над партией. Все, кому удастся объявить себя наследниками Ленина, его вернейшими учениками и продолжателями, будут пользоваться частичкой этой власти и влияния. Репутация верного ленинца была для борьбы за власть принципиально важной. Члены «тройки» и сам Сталин понимали это и делали все для того, чтобы эту репутацию себе создать.

Из репутации следовало и другое: необходимость проводить политику хотя бы внешне в духе ленинских заветов. В противном случае политические противники, вне всякого сомнения, сосредоточат свои усилия на дискредитации и разоблачении расхождения дел вождя и ленинских заветов.

Сразу после смерти Ленина его духовное наследство стало предметом острейшей политической борьбы между его наследниками в Политбюро.

Сам вопрос о ленинских воззрениях на тот или иной вопрос весьма основательно замуравлен позднейшими приписками. Борьба вокруг ленинского наследства не прошла даром и отразилась на его содержании и истолковании многочисленными поправками и интерпретациями.

Первая волна «исправления ленинизма» прошла в середине 20-х годов сразу после смерти Ленина. Сталин в это время занялся созданием репутации верного ленинца и выпустил ряд статей, брошюр, подготовил целый ряд выступлений по вопросам ленинизма и его содержания. Это была сталинская версия. Кроме нее существовали еще версия Троцкого и версия Бухарина. Каждый из них увидел в ленинском наследии свое.

Сталинская версия ленинизма уделяла особое внимание диктатуре пролетариата и средствах ее обеспечения, а также вопросу построения социализма в одной стране. Версия Троцкого, довольно размытая и изложенная в разных местах его сочинений, заключалась в особом внимании к вопросам мировой революции и бюрократическому перерождению партийного аппарата. Последней теме Троцкий посвятил больше всего внимания и места. Фактически ленинизм в его изображении свелся к борьбе Ленина против партийной бюрократии. Бухарин же увидел в ленинском наследии план построения социализма на основе кооперированного крестьянского хозяйства и сосуществования государственного и частного хозяйственных укладов. Он также написал сочинение о задачах ленинизма, которое критики назвали «концом ленинизма, и началом бухаринизма».

После долгой борьбы победила и утвердилась сталинская версия ленинизма. Впоследствии, уже в конце 30-х годов, она пополнилась новой оценкой роли Сталина в Гражданской войне. Сталин закрепил свое истолкование ленинизма, издав свою книгу-сборник «Вопросы ленинизма», претерпевшую одиннадцать изданий, а потом, в конце 40-х годов, Полное

собрание сочинений Ленина. С этими дополнениями сталинская версия просуществовала в почти неизменном виде до конца 50-х годов и в несколько видоизмененном виде продолжает бытовать и сейчас.

Когда же культ личности был осужден и разоблачен, перетолкование ленинизма развернулось с новой силой. В конце 50-х и в начале 60-х годов прошла новая волна исследования ленинизма. Теперь уже началось толкование наследства вширь и вглубь. Развернулось исследование и сопоставление идей Ленина с идеями Маркса и Энгельса, которые стали доступны на русском языке в полном объеме. Ленинские работы стали все чаще и чаще привлекать для обоснования политики Политбюро.

Ленинизм в 70-х годах был превращен в целую науку, с головным Институтом марксизма-ленинизма, с многочисленными кафедрами и секторами истории партии, в которых толпы ученых занимались изучением ленинского творчества и истории Советской власти. Вышел целый ряд сборников, избранных собраний, тематических сборников. Говорят, что был даже издан цитатник из Ленина. Вышли тысячи монографий и исследований по ленинской тематике. На Ленина израсходовали миллионы тонн бумаги. Но вся эта большая пирамида книг увенчалась изданием по-настоящему монументальных трудов: полного собрания сочинений Ленина 5-го издания в 55 томах и биографической хроники жизни и деятельности Ленина в 15 томах.

Масштабы этого труда поражают. Был собран и издан практически в полном объеме (за исключением около 3 тысяч документов[1]) огромный ленинский фонд, снабженный справочником, хроникой, справочником по тематике и по фамилиям, цветными факсимильными иллюстрациями. Биографическая хроника включала в себя более 35 тысяч фактов из жизни и деятельности Ленина, рассортированных по времени, снабженных справочником и ссылками на источники. Ленин — это наивысшее достижение советской исторической науки.

[1] Ранее секретная часть ленинского фонда была опубликована в 1998 году.

Кроме Полного собрания сочинений было издано еще множество всевозможных справочников, сборников документов. Например, сборник «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК». Он выдержал восемь изданий, последнее из которых включало в себя 15 томов. Например, сборник «Декреты Советской власти», включавший в себя 12 томов. «Индустриализация СССР. 1926-1938 годы» из четырех томов. И так далее. Работа была проделана колоссальная.

В этой горе литературы потерялось главное содержание ленинских взглядов. Полчища историков изучали частности, писали и спорили о частностях, а вот главное содержание в 70-х и 80-х годах практически не изучалось. Сами ленинские труды — пожалуйста, изучай. Историю КПСС, по утвержденому учебнику или по многотомнику, тоже изучать можно и нужно. Но спрашивать о содержании ленинизма — нельзя. Кто это требование нарушал, отлучался от партии и любимого всем народом Леонида Ильича. Это было удобно. Препарированный и разложеный по полочкам ленинизм позволял обосновать и оправдать ссылкой и цитаткой любой поворот политики, любой изгиб партийной линии.

Когда началась перестройка, дискуссия о ленинском наследии развернулась с новой силой. Теперь уже с новым лейтмотивом — возвращения к истинному, неискаженному ленинизму, который, говорят, указывал единственно правильную дорогу к социализму. Развернулись поиски этого самого неискаженного и абсолютно верного ленинизма старым и испытанным методом — выискиванием в многочисленных томах нужной цитаты. За ломкой копий по этому вопросу спорящие не заметили, как рухнул Советский Союз и сама проблема возвращения к ленинизму потеряла всякий смысл. Конечно, обсуждение еще по инерции продолжалось, но уже в середине 90-х годов интерес к Ленину сильно упал. Ленинизм стал предметом интереса узкого круга историков и исследователей.

Для нас ленинское наследство представляет интерес лишь в плане предмета внутрипартийной борьбы середины 20-х го-

дов и некоторых предположений Ленина относительно дальнейшего развития страны. Не претендуя на полное и последовательное изложение идей Ленина и их изменений, на что нужно особое, отдельное исследование, изложу только основной их абрис, чтобы была ясна дальнейшая их эволюция руками последователей, споры и разногласия.

Ленин всю свою жизнь занимался вопросами революции и свержения капитализма во всем мире. В этом легко убедиться, перелистав хотя бы несколько томов его сочинений. Главная тема не сходила с его уст, всякий раз, по всяким новым поводам и обстоятельствам он к ней возвращался и рассматривал с новых сторон.

Зачем Ленину была нужна революция? Этот вопрос так и остался темным и неясным. Сейчас, за неимением более подробного исследования, можно лишь предположить о причинах и поводах, которые заставили молодого Ульянова заняться революционной деятельностью. Вероятнее всего, на первом месте стояла жажда бурной деятельности и жажда власти над окружающими. В том, что он бы обладал и тем и другим, сходятся все, кто описывал его характер, кто знал Ленина лично и оставил воспоминания.

Можно собрать целую подборку оценок, принадлежащих разным людям: врагам и друзьям Советской власти. Все они сходятся в одном. Ленин обладал большой силой воли, стремлением к командованию людьми и фанатической преданностью своей идее. В 1923 году, на краю могилы, он сказал сам о себе так: «...для меня всегда была важна практическая цель» [41. С. 374].

Ленин разработал теорию революции и программу завоевания власти. Лучше всего о ней пишет Михаил Восленский, и, кратости ради, я приведу всего лишь несколько цитат из его книги «Номенклатура»:

«Главной практической целью жизни Ленина стало отныне добиться революции в России, независимо от того, созрели или нет там материальные условия для новых производственных отношений...

Марксизм был для Ленина не столько внутренним убеждением, сколько очень полезным и потому бережно хранимым инструментом... марксизм был единственной теорией, проповедывавшей *пролетарскую* революцию...

Первым из этих открытий был тезис о необходимости превратить марксизм в догму и отказаться от свободной критики положений теории Маркса... Ленин потребовал прекратить попытки развивать теорию марксизма, а признать ее незыблемой догмой, не подлежащей обсуждению...

Иными словами, рабочий класс без влияния извне не выступает за революцию.

Но Ленину-то нужна революция. Поэтому он твердит, что необходимо „привносить" в рабочий класс „научный социализм", под которым подразумевался догматизированный по высказанному рецепту марксизм...

Цель была в том, чтобы заглушить в рабочем классе его классовую идеологию борьбы за всемерное улучшение условий труда, подменив ее привнесенной извне идеологией пролетарской революции...

Таким звеном в его плане было создание „организации профессиональных революционеров". Это был для Ленина рычаг Архимеда: „Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию"» [42. С. 41—42].

О том, с какими идеями он пришел к власти в октябре 1917 года, уже говорилось в первой главе. То, что ленинцы провозгласили в 1917 году, было не более чем иллюзией. Сейчас можно только подивиться на то, какими фантастическими представлениями они руководствовались, особенно в области хозяйственного строительства.

Что, впрочем, и не мудрено. По-настоящему большевики экономикой не занимались и выдающегося вклада в экономическую науку не сделали. Вот у меньшевиков были сильные экономисты, которые затем составили видную когорту советских хозяйственников. Многое из того, что было осуществлено большевиками в 20-х годах, было разработано бывшими меньшевиками.

Потом, когда жизнь многому научила Ленина, он от своих старых идей решительно отказался. Идею сращивания банковского и промышленного капитала он пытался осуществить на деле, в гораздо большем размахе, чем, как он думал,

было в капиталистических странах. В декабре 1917 года на основе национализированных банков был создан единый Народный банк. Он просуществовал чуть больше двух лет. 19 января 1920 года Ленин подписал декрет Совнаркома о его упразднении. А в 1921 году он признался:

«О Государственном банке у нас в конце 1917 года было написано весьма достаточно вещей, оказавшихся в достаточной степени исписанной бумагой» [36. С. 37].

Одним словом, до того, как он оказался вынужден сам управлять государством, Ленин мало что смыслил в вопросах практической экономики, промышленности, государственного управления.

Много позднее, много лет спустя этих отвлеченных теоретических споров и странных заявлений, уже наученный опытом хозяйственной работы, Валентинов признает, имея в виду в том числе и себя: «Мы были способны провозглашать невероятные вещи» [8. С. 227]. И профессор Гриневецкий, со своей стороны, дал марксистам уничтожительную оценку:

«У нас марксисты больше чем кто-либо болтают о капитализме, капитале, технике, а на деле представления не имеют о действительном ходе индустрии, ее задачах, трудностях. Среди их горстка инженеров-марксистов эти вопросы, не всегда глубоко, все-таки знает, но знает не потому, что они марксисты, а потому, что прошли серьезную школу, где марксизмом и не пахнуло» [8. С. 259].

Такая неосведомленность является уделом всякого политика, который, подобно Ленину, не видит ничего, кроме своей деятельности. Наш герой потратил всю жизнь на разработку теории революции, теории социализма, которые оказались не нужны на второй день после взятия власти. Вся жизнь была потрачена на доказывание положений этой теории, на бесконечные споры и раздоры по мельчайшим вопросам, а потом пришлось на ходу учиться самым необходимым вещам.

Взяв власть, Ленин оказался совершенно перед новыми и необычными задачами. Проблемы посыпались, как из рога изобилия, на революционеров, которые не были готовы к их

решению ни практически, ни теоретически. Вся их готовность выразилась в четырех листках съездовской резолюции «Об экономическом положении».

Первое время, когда обстоятельства позволяли, ленинцы занимались осуществлением своих фантазий. Но когда же по Брестскому договору он был вынужден отдать половину промышленно развитой территории страны, Ленину пришлось отбросить свою теорию революции и, прикрываясь марксистскими лозунгами, взяться за практическую работу, которая диктовалась соображениями целесообразности текущего момента. После того, как Ленин оказался вынужденным строить свое государство и защищать его от внешней угрозы, политика партии большевиков стала стремительно изменяться под влиянием всевозможных внешних факторов и обстоятельств.

Вот тут нужно отдать должное вождю. При всех его странных представлениях об экономике, доля здравого смысла у Ленина была. Он, по крайней мере, понимал, у кого можно подсмотреть, если своего опыта не хватает. Этой шпаргалкой для строительства собственного хозяйства стал немецкий капитализм.

В октябре 1917 года он говорил, что от капиталистической монополии до социализма — один шаг:

«Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [43. С. 332].

Это знаменитое ленинское изречение, которым он ввел понятие «государственный капитализм». Советские исследователи Ленина написали не одну сотню диссертаций на тему этого самого «государственного капитализма». Как они только не исхитрялись определить это понятие и постичь глубокий смысл ленинского выражения! Но тщетно.

Из ленинских работ, прочитанных на сто рядов, так и не удалось вычленить смысл этого понятия. Ленин не рассуждал о «госкапитализме», а упоминал его как общераспространенное и общепонятное явление. Именно упоминал и не-

редко приводил в качестве довода, что никогда не делалось в отношении других идеологических понятий, таких как: «классовая борьба», «социалистическая революция», «диктатура пролетариата». Упоминал, например, в таком контексте:

«Пока в Германии революция еще медлит „разродиться", наша задача — учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить его перенимание» [44. С. 307].

Любопытная фраза. Это, пожалуй, единственное в ленинских статьях место, где достаточно ясно и подробно разъясняется, что такое «государственный капитализм». И из контекста этой фразы, что также подтверждается и другими подобными фразами, видно, что «госкапитализм» — германский — есть самый, что ни на есть буржуазный и капиталистический. И вот ему-то, германскому госкапитализму, Ленин призывает учиться, не жалея «диктаторских приемов». Он со многими своими единомышлениками жил в Германии, Великобритании и Швейцарии как раз тогда, когда мощь немецкой промышленности достигла одного из своих пиков. И без того уже грозная слава крупповских пушек дополнялась интенсивным строительством крупного военного флота. Развитие и размах финансово-промышленных образований в Европе достигли небывалого размера. Все это произошло на глазах у Ленина.

Конечно, в России рост и развитие промышленности было еще более бурным, чем в Германии. Но поскольку Ленин русской промышленности не знал, то сошел в качестве образца и немецкий пример.

Кое-что ему удалось внедрить из немецкой практики. Например, идею крупных трестов, объединяющих самые мощные предприятия. Началось электростроительство. Но потом уже начались такие события, что было явно не до воплощения программ и проектов. Собственно говоря, весь «военный коммунизм» представлял собой последовательность действий и мер, навязанных острейшей обстановкой. Республика не выходила из кризисов и поражений. В борьбе с их последствиями Ленин и его соратники не считались с потерями и жертвами.

В таких условиях пришлось отбросить приверженность доктрине. Ленин за годы войны научился понимать наличное состояние хозяйства, политическое положение в стране, научился действовать более или менее эффективным способом. Большевистское руководство накопило практический опыт решения военных, государственных и хозяйственных вопросов. Если раньше советское руководство больше внимания в своей работе уделяло выпуску правильного декрета, то теперь, в начале 20-х годов, Ленин стал понимать, что главное заключается в исполнении этого декрета, что нужно рассчитывать и подготавливать это исполнение уже на стадии его подготовки. Ленин уже прозрел. Валентинов его характеризует так:

«В 1921 году Ленин уже не безответственный подпольщик-демагог, а человек, переживший в четыре года грандиозный опыт социально-экономического строительства, освободившийся от множества иллюзий и с поста правителя-диктатора России, познавший и усвоивший то, что раньше не знал, чего совсем не понимал» [8. С. 71].

Нечто подобное произошло в хозяйственной политике. Если раньше большевики-хозяйственники считали, что они смогут управлять всем хозяйством страны из одного центрального органа, что могут все рассчитать и спланировать, то в 1921 году им стало ясно, что это далеко не так. Появилось понимание, что промышленность слаба, плохо поддается планированию и управлению, что сельское хозяйство представляет собой стихийное производство, что стихийный рынок живет вопреки всем решениям Советской власти. Руководители, каждый день занимавшиеся решениями конкретных вопросов, такое понимание выработали.

Только этого нельзя было сказать о всей партии. Партия по-прежнему жила старыми лозунгами, идеями и представлениями. Повернуть ее представления в нужное русло в короткий срок было невозможно. Для этого потребовались бы годы, а положение в хозяйстве не терпело ни дня промедле-

ния. Взвесив все «за» и «против», вождь решил не оправдываться перед массами и не давать объяснения тому, почему получилось совсем не то, что хотелось. Он пошел по пути подавления оппозиционных группировок, члены которых задавали такие неудобные вопросы, оставляя проблему перевоспитания партийных масс на будущее.

Во главе государства Ленину удалось победить в Гражданской войне. Но сразу же после ее окончания пришлось сражаться на другом фронте, на хозяйственном. Послевоенная разруха и тяжелые кризисы дали бой Советской республике никак не менее тяжелый, чем дали добровольцы. В конце 1919 года разразился первый топливный кризис. В ответ на него стал разрабатываться план «Гоэлро», призванный кардинально решить проблему топливного и энергетического снабжения промышленности и хозяйства страны.

В середине 1921 года на республику навалились сразу два кризиса: продовольственный и топливный. Одновременная борьба с ними была равноценна войне на два фронта. Эти кризисы заставили более четко и конкретно определиться с хозяйственной политикой и начать действовать. Пересмотр революционной доктрины был завершен и оформился в разработку и принятие совершенно, принципиально иной социально-экономической доктрины. Влияние этой доктрины очень быстро распространилось на все основные сферы государственного хозяйственного строительства. Тогда были заложены основы советского хозяйства. Госплан, в борьбе с кризисами, сформулировал основные положения работы государственной промышленности. Им, под ударами кризисов, пришлось отступить, отдать значительную часть уже огосударствленного хозяйства, признать сквозь зубы наличие нескольких укладов в хозяйстве и выработать взгляд на хозяйственную политику как на борьбу разных укладов.

Ленинские взгляды изменялись под влиянием обстоятельств. Точно так же, как в 1918 и 1919 годах, он, под нажимом обстоятельств, оказался вынужденым пойти на огосударствление хозяйства, так же и в 1921 году он вынужден был

согласиться с уступками частному крестьянскому хозяйству. Ленин частнику не верил, считал его врагом Советской власти, полагал, что накопивший сил частник, возможно, попытается ее свергнуть, но на уступки пошел. Выхода у него не было. Крестьянин вполне мог тогда задушить Советскую власть экономическим саботажем, не говоря уже об открытом вооруженном сопротивлении.

Ленинский политический план заключался в том, чтобы уступками и маневрированием добиться от рабочих и крестьян хотя бы внешней лояльности к Советской власти. Потрафить настоящей, а не приписанной классовой идеологии рабочего класса и крестьянства: улучшить условия работы и снабжение первых, снизить обложение вторых, разрешить в ограниченных размерах торговлю и товарообмен. Разработав общий план, Ленин занялся решением другой, тоже важной проблемы, имеющей большое значение для дальнейшего развития новой экономической политики. Речь шла о крестьянстве.

В стране насчитывалось около 25 млн крестьянских хозяйств. Подавляющее большинство из них обеспечивало продовольствием самого крестьянина и давало некоторый излишек в урожайные годы. Товарной производительности хозяйства было совершенно недостаточно для прямого товарообмена с промышленностью. Потому крестьяне требовали свободы торговли хлебом, потому что для них это был единственный способ обзаводиться скотом, сельхозинвентарем, предметами быта. Но это было только полбеды. Крупное производство не могло быть контрагентом крестьянского хозяйства, и потому для обеспечения крестьян промышлеными товарами нужна была развитая мелкая и кустарная промышленность, которая в начале 20-х годов в массе своей была частная. Крестьянин действительно разводил вокруг себя стихию частного предпринимательства и торговли.

У Советской власти не было средств для борьбы с этим явлением. Можно сейчас же огосударствить мелкую промышленность, но в таком случае разразится новый топливный кризис и будут распылены государственные средства. Можно

усилить обложение крестьян, но тогда это вызовет их недовольство и восстания. Для развития собственной легкой промышленности, которая могла бы торговать с крестьянином, у большевиков средств не было.

Ленин нашел выход из положения. Правда, решение пришло к нему довольно поздно, развить идею он не успел. Смысл его предложения заключался в том, что крестьянина нужно кооперировать, то есть объединить мелкие крестьянские дворы в более крупные хозяйственные единицы. Тогда товарность крестьянского хозяйства возрастет, увеличится объем товарного хлеба, тогда можно будет даже государственной промышленности торговать с крестьянином.

Одним словом, нужно собрать, согнать или созвать крестьян в коллективные хозяйства. Вот тогда и будет обеспечено господство социалистического сектора в хозяйстве страны, вот тогда и будут достигнуты цели нэпа.

Исходя из всех этих соображений, в своих последних записях Ленин сформулировал условия построения социализма. Во-первых, нужна диктатура пролетариата, то есть власть партии и правление от имени рабочего класса; во-вторых, власть государства над землей и средствами производства; в-третьих, союз рабочего класса и крестьянства, то есть лояльность и тех, и других к власти партии; в-четвертых, развитие кооперации, то есть коллективизация крестьян [8. С. 67]. Когда все эти требования будут выполнены, республика станет надежной и прочной базой мирового революционного движения, плацдармом наступления на капиталистический мир. Построенное согласно этому рецепту социалистическое государство сможет накопить силы и дать новый бой капитализму.

Вместе с разворачиванием этой политики нужно было тем временем накопить сил в государственном секторе хозяйства и развернуть экономическое наступление на частный сектор. Наступление и новое огосударствление хозяйства, но уже на новых началах, нужно было для осуществления нэпа и продолжения борьбы за мировую революцию. В 1921 году Ленин признал, что революция не получилась.

Но вместе с тем он считал, что проигранный первый бой еще не означает поражения всей кампании. Ленин сказал 6 февраля 1921 года:

«Капитализм, по самой сущности его, победить в одной стране до конца нельзя. Это сила международная, и чтобы победить до конца, нужны совместные действия рабочих тоже в международном масштабе» [8. С. 60].

21 января 1924 года умер Ленин. За три дня до этого завершилась работа партконференции, на которой был окончательно разгромлен в дискуссии Троцкий. Он уехал на Кавказ. Именно там его застает известие о смерти Ленина.

Момент удобнейший для «тройки». Они остались в Москве и могут выступить на похоронах в качестве наследников. Троцкий им помешать не в состоянии. Сталин шлет ему на Кавказ телеграмму с ложной датой похорон. Троцкий решает, что приехать не сможет, и ограничивается только статьей на смерть вождя, которую он переслал в Москву телеграммой. «Тройка» тут же бросает замечание: вот, мол, Троцкий каков, даже на похороны не приехал! Сталин же произносит над гробом Ленина свою клятву верности. Речь его блистала красноречием.

Используя суматоху похоронной недели, «тройка» проводит спешную реорганизацию партийного и государственного руководства. Ленин занимал много важных постов, и теперь их нужно заместить своими людьми. Созывается экстренный Пленум ЦК, на котором проводятся все назначения.

Первый вопрос — кого назначить председателем Совнаркома. Этот человек, особенно если будет обладать авторитетом в партии, получит известность как наследник Ленина в правительстве. Вокруг кандидатуры идут ожесточенные споры. Наконец, после долгих обсуждений, «тройка» решила, что председателем Совнаркома станет Рыков.

Рыков был председателем ВСНХ, и этот пост освобождается. Его решено было заместить Дзержинским, так хорошо сыгравшим свою роль в дискуссии с Троцким и побивании его нападок на хозяйственную политику партии.

Реорганизуется Совет Труда и Обороны. Во главе его назначается Каменев, и к ему переходит руководство всеми хозяйственными органами: ВСНХ, Госпланом, Наркомфином, Наркомторгом, Наркомземом и другими. Хозяйственная власть сосредотачивается в руках «тройки».

На Пленуме ЦК 3 февраля заслушивается доклад Фрунзе о состоянии Красной Армии и проводятся перестановки в составе Реввоенсовета. Туда вводятся противники Троцкого, удаляется бессменный заместитель Троцкого Склянский, а на его место вводится Фрунзе. Военная власть еще формально в руках Троцкого, но фактически армией руководят уже другие люди. Фрунзе изгоняет из армии политкомиссаров, военных-коммунистов и ставит профессиональных военных, которые отличились на командных постах в Гражданскую войну [35. С. 92—95].

Уже в начале 1924 года Троцкий оказался вытеснен из важнейших областей: военной и хозяйственной. В этих областях на руководящих постах остались лишь немногие сторонники Троцкого, которые терялись в массе приверженцев «тройки». Высшее же руководство полностью перешло в руки сторонников «тройки».

Широко провозгласив над гробом вождя свою верность заветам Ленина, Сталин вскоре узнает, что этот самый Ленин подготовил завещание к съезду, в котором он, помимо всего прочего, требует Сталина переместить с поста Генерального секретаря ЦК. За несколько дней до открытия XIII съезда Крупская вскрыла пакет и отослала письмо Ленина в ЦК. Сталин, узнав содержание завещания, созвал срочное совещание «тройки».

Задолго до съезда между членами «тройки» имелась договоренность, что политический доклад будет читать Зиновьев. Он, таким образом, будет выступать в качестве преемника Ленина в руководстве партией. Но Ленин дал Зиновьеву в письме съезду уничижительную оценку. Партия после такой ленинской оценки могла не принять нового вождя. Когда стало известно содержание ленинского письма, члены «тройки» стали думать, что делать. Положение складывалось серьезное. С теми оценками, какие им дал Ленин, они запросто могли потерять доверие партийных масс, а вместе с доверием и власть.

Но решение было найдено. Зиновьев согласился выступить в поддержку Сталина и поставить вопрос об оставлении его на посту Генерального секретаря партии. Этим он укреплял свое положение на случай оглашения письма Ленина съезду. Кроме того, они договорились о принятии решения против оглашения ленинского письма съезду.

21 мая 1924 года был созван Пленум ЦК для чтения ленинского завещания. После того, как текст был зачитан, в наступившей тишине Зиновьев предложил переизбрать Сталина Генеральным секретарем. Члены ЦК проголосовали простым поднятием рук. Вслед за этим было принято другое решение — завещание Ленина на съезде не оглашать и просто ознакомить делегатов с его содержанием через руководителей делегаций [35. С. 102].

Состоялся, таким образом, ползучий переворот в партии. Самый настоящий и с далеко идущими последствиями.

Итак, ленинское завещание было фактически проигнорировано. Троцкий, на глазах которого это событие произошло, которое он, кстати, поддержал, потом прозрел, вспомнил о завещании и стал активно обвинять Сталина в нарушении ленинской воли, кричать на весь мир о том, что воля великого Ленина была нарушена и Генеральный секретарь восседает в ЦК незаконно.

Но этим борьба вокруг ленинского наследства не ограничилась. Предстояло сделать еще очень многое, в том числе внести нужные поправки в историю революции и в сам ленинизм.

О том, как разворачивалось переиначивание истории революции, хорошо написал Троцкий, ставший главной жертвой этого замысла:

«После смерти Ленина создана была сложная и разветвленная историко-литературная организация по искажению истории наших отношений (имеется в виду: Троцкого и Ленина.— *Авт.).* Главный прием состоит в том, чтобы, вырывая из всего прошлого те моменты, когда мы расходились, и опираясь на отдельные полемические выражения, а чаще пря-

мые вымыслы, представить картину непрерывной борьбы двух „принципов"...

Создана была целая наука: фабрикации искусственных репутаций, сочинения фантастических биографий, рекламы вождей по назначению. Особая, малая наука была посвящена вопросу о почетном президиуме. Со времен Октября повелось так, что на бесчисленных собраниях в почетный президиум выбирались Ленин и Троцкий... Надо было разъединить два имени, хотя бы механически, чтобы затем политически противопоставить друг другу. Теперь в президиум стали включать всех членов Политбюро. Потом их стали размещать по алфавиту. Затем алфавитный порядок был нарушен в пользу новой иерархии вождей. На первое место стали ставить Зиновьева. Пример подал Петроград. Еще через некоторое время стали появляться почетные президиумы без Троцкого. Из состава собрания всегда раздавались бурные протесты. Нередко председатель собрания оказывался вынужденным объяснить опущение моего имени недоразумением. Но газетный отчет, разумеется, умалчивал об этом. Потом первое место стало отводиться Сталину... Карьеры создавались и разрушались в зависимости от расстановки имен в почетном президиуме. Эта работа, наиболее упорная и систематическая из всех, мотивировалась необходимостью бороться против „культа вождей"» [38. С. 475].

Со временем имя Троцкого было вычеркнуто отовсюду. В 30-х годах историю революции сталинские историки переделали до неузнаваемости. Исчезли такие яркие фигуры, как Троцкий и Зиновьев, бесследно исчезли многие вожди революции. Исчезла большая часть командиров Красной Армии и все белые генералы. Красные, в сталинской версии истории, воевали с каким-то бестелесным и безымянным противником.

Зато на первый план выдвинулся Сталин, который теперь всегда и везде находился рядом с Лениным. И только вокруг Ленина и Сталина, чьи имена теперь писались прописными буквами, уже находились вожди и герои поменьше. Но по мере борьбы с оппозицией и по мере расстрела оппозиционеров

из грандиозного исторического полотна исчезала одна фигура за другой. Молотов на склоне лет сказал об этом, имея в виду превознесение Сталина и «культ»: «Сталину не всегда это нравилось, но в конце немножко и понравилось» [45. С. 242].

Имя Троцкого упоминалось только для ритуального проклятия. Все его труды, книги, и даже книги с упоминанием имени Троцкого, были изъяты из библиотек. Первое издание воспоминаний и сочинений Троцкого в России состоялось только в 1990 году.

Одновременно началась борьба за теоретическое наследство Ленина и за право называться теоретиком партии. В 1924 году на это звание претендовали, главным образом, Троцкий, Бухарин и Зиновьев.

Но первый был основательно дискредитирован своим неудачным выступлением в конце 1923 года, хотя попыток реванша в дальнейшем не оставил. Зиновьев претендовал на звание теоретика, но для этой роли явно не годился. В дореволюционной партии он был скорее не теоретиком, а партийным функционером. Бажанов оценивает его так:

«С этого времени (имеется в виду назначение Зиновьева на пост председателя Исполкома Коминтерна.— *Авт.)* Зиновьев благоразумно занимает позицию ленинского ученика и последователя. Это позиция была удобной и для того, чтобы претендовать на ленинское наследство. Но ни в каком отношении, ни в смысле теории, ни в смысле большой политики, ни в области организационной стороны борьбы Зиновьев не оказался на высоте положения...

Я убеждаюсь, что настоящего разума и настоящей глубины у Зиновьева нет» [35. С. 173].

Самым видным претендентом на роль теоретика был Бухарин, молодой член ЦК и член Политбюро после смерти Ленина, который занимался теоретической работой больше всех, еще до революции и во время Гражданской войны. Его теоретическая работа была замечена Лениным еще до революции, по поводу споров вокруг сущности империализма. Бухарин тогда написал работу, в которой высказал

идеи, очень схожие со взглядами Ленина на природу империализма. В годы Гражданской войны Бухарин прославился двумя капитальными теоретическими работами: «Азбукой коммунизма» с изложением программных целей партии и «Экономикой переходного периода», с изложением теоретического обоснования проводимой партией хозяйственной политики.

17 февраля 1924 года он заявил свои претензии на роль теоретика партии, прочитав доклад «Ленин как марксист» на собрании в Коммунистической академии. Бухарин провозгласил, что его доклад призван исправить недооценку Ленина как теоретика. В заключительной части он дал обзор теоретических проблем, которые Ленин оставил в разработку своим наследникам. Позднее оппоненты эту часть назвали «концом ленинизма и началом бухаринизма» [46. С. 193—194].

Кроме этих трех фаворитов были еще видные в партии руководители, которые занимались разработкой теоретических вопросов: Преображенский, Серебрянский, Ярославский, Радек и другие. Бо́льшая часть их поддерживала Троцкого.

В 1924 году теорией стал заниматься и сам Сталин. Строго говоря, он не был теоретиком и настоящим теоретиком так и не стал. В этом сходятся все очевидцы, которые знали Сталина в начале 20-х годов. Конечно, потом, когда власть сосредоточилась в его руках, он многому научился и вышел на довольно приличный уровень знаний и навыков. В начале 20-х годов опыта и знаний у него еще было недостаточно. Сказывалось отсутствие образования.

Но, тем не менее, Сталин взялся за теоретическую работу. Это была работа принципиальной важности. Тот, кто сумеет сформулировать политику партии наподобие того, как это делал Ленин, тот и сможет стать его настоящим, а не назначенным и не дутым преемником. Важно было разобраться в ленинской доктрине, которую тот начал разрабатывать в конце жизни. Важно было подхватить дух ленинизма. Вот на достижение этих целей была направлена сталинская теоретическая работа. Первая его крупная теоретическая работа

«Об основах ленинизма» написана в марте-апреле, между смертью Ленина и утверждением его Генеральным секретарем ЦК в мае 1924 года. В конце мая 1924 года она вышла в виде цикла статей в «Правде».

Самым темным вопросом в ленинизме был крестьянский вопрос. Начав нэп и широковещательно сказав несколько фраз относительно отступления для последующего наступления, насчет союза рабочих и крестьян, Ленин не успел оставить более или менее разработанной концепции осуществления всех этих мер, которая была бы понятна последователям. Идея же кооперации крестьянства, основная среди прочих идей, вовсе была сформулирована в довольно размытом виде в статье «О кооперации», которую Ленин продиктовал в январе 1923 года.

Но главнее этого было другое обстоятельство. Партия нэп не приняла. По свидетельству члена Коллегии Наркомпрода А. И. Свидерского, бывшего очевидцем споров вокруг нэпа, полностью с Лениным соглашались только Красин и Цюрупа. Все остальные либо отмалчивались, либо резко протестовали. Споры однажды дошли до того, что Ленин пригрозил уйти в отставку. Валентинов приводит дальнейший рассказ Свидерского об этом собрании:

« — Ленин, конечно, шутил!

— Ничего подобного. Он заявил об этом самым серьезным образом. Стучал кулаком по столу, кричал, что ему надоело дискутировать с людьми, которые никак не хотят выйти из психологии подполья, из младенческого понимания такого важного вопроса, что без НЭП неминуем разрыв с крестьянством. Угрозой отставки Ленин так всех напугал, что сразу сломил возражения многих несогласных. Например, Бухарин, резко возражавший Ленину, в 24 минуты из противника превратился в такого страстного защитника НЭП, что Ленин принужден был его сдерживать» [8. С. 68].

Но несмотря на то, что возражения смолкли, тем не менее неприятие осталось. Члены ЦК, не говоря уже о низовых партийных работниках, противились вводу в действие нэповских мер. Видный большевик Лутовинов, не вынесший этого решения, даже застрелился.

Потому-то вокруг нэпа и развернулись такие бурные дискуссии. Ленин умер, оставив задачу окончательной разработки концепции нэпа своим последователям, которые, к тому же, не понимали и не принимали саму идею нэпа. Они устремились сразу же, как только вождь умер, переиначивать и перетолковывать нэп, чтобы приспособить его к своим воззрениям.

Теоретики партии раскололись на два лагеря, которые придерживались двух кардинально различных мнений. С одной стороны был Троцкий и его сторонники, которые видели нэп так: кратковременное отступление от политики огосударствления, которое должно закончиться в самое ближайшее время. А потом, когда партия перейдет от политики уступок частному хозяйству к политике наступления, должно быть организовано перекачивание средств из частного в государственный сектор хозяйства. Лучше и точнее всех эту идею выразил Преображенский в виде «закона социалистического накопления».

С другой стороны встал Бухарин, который свою точку зрения выразил по-другому: нэп — это долговременная политика. Когда-нибудь, конечно, социалистическое хозяйство победит, но срок соревнования измеряется не годами, а десятилетиями. За 30—40 лет государственный сектор разовьется и окрепнет настолько, что вытеснит полностью частное хозяйство.

Бухаринская теория была сформулирована в противовес предложениям Преображенского и высказана в полемической форме в виде трех возражений. Общее их содержание состояло в том, что власть, воюющая с крестьянством, не может быть крепкой, что нельзя подрывать установившееся сотрудничество с крестьянством, каковы бы ни были экономические выгоды [46. С. 200]. Но Бухарин полностью и безраздельно нэп не принимал, и потому его воззрения не пошли в развитии дальше отдельных полемических высказываний.

Политические выводы были тоже различными. Троцкисты считали, что нужно развернуть немедленное наступление на частника, начать выкачивать из него средства, перебрасывать

их в тяжелую промышленность и начинать индустриализацию. Бухаринцы считали, что, напротив, раз соревнование будет долгим, то можно частника не давить пока, а предоставить ему относительную свободу. Индустриализацию проводить тоже нужно, но только за счет доходов самого государства. Политбюро, где в 1925 году сторонники Бухарина оказались в большинстве, приняло такую позицию:

«...они, устами Бухарина, заявили, что ничего, кроме социализма и коммунизма, все равно строить не могут, и его будут строить, хоть для этого придется плестись черепашьими шагами» [8. С. 84].

Оба лагеря сходились в одном: в необходимости индустриализации, развитии тяжелой промышленности. Спор шел лишь вокруг сроков и методов развития индустрии.

Сталин пока своего особого мнения по этому вопросу не имел. Пока еще не разобрался. Но поддержал Бухарина. И не столько потому, что нравилась его версия нэпа или Сталин считал ее полезной, сколько потому, что голос Бухарина создавал в Политбюро перевес сторонников Сталина.

Кроме крестьянского вопроса, вокруг которого и сформировался бухаринизм как таковой, в 1924—1925 годах усиленно дебатировался вопрос о том, возможно ли построение социализма в одной стране или нет. Он тоже имел первостепенное значение. Если вопрос о крестьянине определял сущность и направление внутренней политики, то вопрос о социализме определял сущность и направление внешней политики. От решения этих двух вопросов, от того, чья возьмет в дискуссии и внутрипартийной борьбе, зависело, какое политическое лицо будет у Советского Союза.

Ленин на этот счет тоже не оставил однозначного и общепонятного ответа. Когда-то он был активным сторонником мировой революции. Все высокопоставленные большевики хорошо помнили, как Ленин стремился в Европу, как он стремился хоть чуть-чуть, хоть немного подтолкнуть ход европейской революции. В те времена он говорил, утверждал и доказывал, что социализм в одной стране невозможен, что он обязательно должен победить во всем мире.

Но, после того, как окончилась Гражданская война, взгляды Ленина на этот вопрос серьезно изменились. Он теперь уже не так активно защищал саму идею мировой революции и даже признал, что она потерпела поражение. Но и не отказался от нее совсем. Взгляды на проблему социализма в одной стране у него стали намного сложнее, чем раньше. Теперь он видел перспективы мировой революции таким образом: тяжесть революционных выступлений переносится с европейских стран, где революция поддержки не получила, на колониальные и зависимые страны, где большинство принадлежит крестьянским массам.

В своих последних записях Ленин говорил, что путь к социализму возможен в обход капитализма, и для этого нужно выполнить четыре условия: во-первых, нужна власть партии и правление от имени рабочего класса; во-вторых, власть государства над землей и средствами производства; в-третьих, лояльность рабочего класса и крестьянства к власти партии; в-четвертых, развитие коллективизации крестьян. Ленин говорил о большой важности работы в уже отвоеванном у капитализма государстве, о большом значении Советской республики для дела революции.

Конечный вывод ленинских размышлений можно сформулировать так: Советская власть в России представляет собой бастион социализма среди капиталистического мира и потому имеет огромное значение для дела революции, но окончательная историческая победа возможна только в мировом масштабе.

Мнения наследников Ленина разделились на несколько противоборствующих сторон, каждая из которых понимала вопрос строительства социализма по-своему. Новую ленинскую мысль о принципиальной важности строительства нового строя в СССР приняли далеко не все партийные теоретики. Даже больше: всерьез рассматривало эту идею меньшинство. Большинство оставалось на прежних позициях, вынесенных из дореволюционного прошлого и времен Гражданской войны.

Троцкий и его сторонники были твердыми, убежденными сторонниками продолжения мировой революции, посвящали этому огромное внимание и призывали к активным действиям на международной арене. Сейчас принято считать, что троцкисты недооценивали или даже вообще не рассматривали ценность завоевания Советской власти в СССР. Но это не так. Троцкий и его самые видные сторонники Преображенский и Радек говорили о преимуществах разворачивания мировой революции с помощью СССР, об огромных резервах и возможностях, которые этим обстоятельством предоставляются. Но вопрос о развитии нового строя был поставлен в четкую и однозначную зависимость от революционной борьбы в мире.

Зиновьев, как руководитель Коминтерна и фактический проводник большевистской революционной политики, придерживался с самого начала позиции первостепенной значимости революции перед строительством нового строя в СССР. Впоследствии это воззрение помогло ему найти какой-то общий язык с Троцким. Чем дальше и чем сильнее его отодвигали от власти, тем резче становилась его позиция и тем ближе она была к троцкистской позиции.

А вот у Бухарина были уже совершенно другие представления. Это был единственный в партии человек, который принял нэп как долгосрочную политику и достаточно последовательно его защищал. Согласно его пониманию, на первом месте было строительство устойчивого социалистического общества в СССР, а на втором месте мировая революция. Бухарин гораздо больше внимания обращал на первую часть и практически ничего не говорил о второй части.

Но, вполне определенно, Бухарин говорил и под своими воззрениями подразумевал, что победа социализма в одной стране, в СССР, вполне возможна, даже в условиях капиталистического окружения.

А что думал по этому поводу Сталин? Его взгляды в середине 20-х годов еще находились в стадии становления и оформления. Первоначально, когда он только-только стал заниматься теоретической работой, он считал вслед за Лениным-революционером и вслед за большинством в партии, что победа социализма в одной стране невозможна. В первом издании сборника «Вопросы ленинизма» Сталин совершен-

но определенно выразился по этому поводу. Валентинов привел в своей работе фразу из французского перевода, сделанного с первого издания:

«Главная задача социализма — организация социалистического производства — остается еще впереди. Можно ли реализовать эти задачи, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариата нескольких передовых стран? Нет, невозможно» [8. С. 71].

Немного позднее, более основательно изучив ленинское наследие, Сталин нашел у него два момента в рукописях относительно состояния капитализма, которые относились ко времени написания книги «Об империализме, как о новейшем этапе капитализма». Ленин тогда писал:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих, даже в одной отдельно взятой стране...

Развитие капитализма совершается с высшей степени неравномерностью в разных странах. Иначе и не может быть при товарном хозяйстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах» [8. С. 74].

После этих цитат Сталин совсем другими глазами посмотрел на ленинскую статью «О кооперации», которой они в Политбюро в момент ее опубликования уделили так мало внимания. Эта статья была как раз тем, что резко отделяло его от Троцкого, позволяло ему бороться с ним на теоретическом поле, попутно обвиняя в извращениях и искажениях ленинизма. И эта же статья помогла Сталину сконструировать свою версию ленинизма. Для него цитаты и статья «О кооперации» были настоящей теоретической находкой.

Сталин впоследствии изъял из библиотек первое издание «Вопросы ленинизма» с фразой о невозможности построения социализма в одной стране. Во всех же последующих изданиях, статьях и работах по теории Сталин указывал и настаивал на необходимости строительства социализма в одной отдельной стране, то есть в СССР.

Этот сталинский поворот в мировоззрении произошел летом 1924 года. Уже исходя из этой идеи, Сталин оказал всемерную поддержку действиям Дзержинского в металлопромышленности в Политбюро ЦК. В отличие от своего союзника — Бухарина, который ввязался в долгую и путаную дискуссию с троцкистами по вопросу о методах индустриализации и необходимости нэпа, Сталин ни в какие дискуссии не ввязывался и ввязываться не желал. Он отдавал явное предпочтение практическим шагам и осуществил их сразу же, как только представилась для этого возможность.

Эта сталинская особенность сказалась на дальнейшем ходе дискуссии. Не ввязываясь в прения с более сильными и теоретически подкованными оппонентами, Сталин отдавал предпочтение аппаратному методу борьбы, созданию послушного большинства и подавлению оппонентов этим большинством. Главным методом его политики были не теоретические споры, а практические шаги.

На XIII съезде партии, когда Ленина уже не было, Троцкий был уже отодвинут от власти, а опасность смещения Сталина по ленинскому завещанию миновала, закончился один этап борьбы за власть и начался другой.

Троцкий был разбит и в своем выступлении на XIII съезде заявил: «Никто не может быть правым против своей партии. Правым можно быть только с нею».

Теперь главным претендентом стал Зиновьев. Он теперь занимал самое видное положение в партии: председатель исполкома Коминтерна, первый секретарь Ленинградского обкома партии, член ЦК и Политбюро ЦК, докладчик на XIII съезде. Кроме всего этого, Зиновьев обладал еще мощной кликой приверженцев в Ленинграде, где он в свое время рассадил верных себе людей на всевозможные высокие посты, и в Москве, в том числе в ЦК и даже в «тройке». Каменев в большей степени поддерживал Зиновьева, чем Сталина. Казалось бы, именно ему и быть вождем партии.

Сталин уже в дни XIII съезда стал думать о том, как ему отстранить от власти своих партнеров по «тройке». Бажанов этот момент описывает так:

«Между тем, поскольку ни на предсъездовском пленуме, ни на съезде Троцкий против Сталина лично не выступал, Сталину пришло в голову, нельзя ли сманеврировать: Зиновьев и Каменев были широко использованы для удаления Троцкого; нельзя ли теперь использовать Троцкого для ослабления Зиновьева и Каменева? Сталин произвел пробу — она не удалась.

17 июня на курсах секретарей уездных комитетов при ЦК Сталин сделал доклад, в котором довольно ясно объявил своим будущим аппаратчикам, что диктатура пролетариата сейчас, в сущности, заменяется диктатурой партии. Но в то же время, не называя Зиновьева и Каменева, направил огонь против них, обвиняя их в разных ошибках.

Зиновьев реагировал очень энергично. По его требованию было немедленно созвано совещание руководящих партийных работников (членов Политбюро и 25 членов ЦК), на котором Зиновьев и Каменев поставили вопрос ребром и об атаке против них, и о сталинском тезисе о «диктатуре партии» как явной ошибке. Совещание, конечно, сталинский тезис осудило, осудило также сталинское выступление против двух остальных членов «тройки». Сталин увидел, что поторопился и совершил ошибку. Он заявил, что подает в отставку со своего поста генерального секретаря. Но совещание приняло это за формальную демонстрацию и отставки не приняло.

С другой стороны, Зиновьев и Каменев поняли сталинский маневр в сторону Троцкого и усилили атаки против Троцкого, требуя его исключения из партии. Но большинства в ЦК за исключение Троцкого не было» [35. С. 129—130].

Сам Троцкий тем временем занимался работой над книгой «1917», где выводил свою версию Октябрьской революции. Работа над книгой шла целое лето, и в это время Троцкий молчал. Не до партийных дискуссий было и членам Политбюро. В это время они были поглощены хозяйственными проблемами. Осенью Троцкий закончил книгу и написал к ней предисловие, под заголовком «Уроки Октября», в котором заявил, что Каменев и Зиновьев не сыграли никакой

роли в революции, что выступали против переворота совершенно не случайно и вообще вождями не являются и никогда не были.

«Уроки Октября» вскоре появились в газетах. Появление этой статьи вызвало бурную реакцию Каменева и Зиновьева. Они возобновили свой союз со Сталиным, который развалился было летом 1924 года, и начали энергичное наступление на Троцкого, твердо намереваясь исключить его из партии.

Зиновьев и его сторонники выступили в газетах с резкой критикой Троцкого, особенного его «Уроков Октября». Затем была подготовлена статья с изложением мнения Политбюро, под которой были подписи всех членов Политбюро, кроме самого Троцкого.

17 января 1925 года собрался Пленум ЦК, на котором решался вопрос о пребывании Троцкого в ЦК. Это был важный пленум, ибо впервые на нем ставился вопрос об исключении из партии высокопоставленного руководителя, не так давно бывшего вторым лицом в ней. Ярославский так сказал о том пленуме: «До сего времени мы все находились под гипнозом — до Троцкого нельзя дотрагиваться... Январский пленум все эти остатки заклинаний разломал» [8. С. 286].

Зиновьев и Каменев потребовали выведения Троцкого из состава Центрального Комитета, исключения его из партии. Сталин пошел против их мнения и предложил оставить Троцкого и в ЦК, и в Политбюро, а за выступление снять его с поста председателя Реввоенсовета и вынести ему предупреждение, что в случае нового выступления он будет выведен из ЦК и из Политбюро. Предложение Сталина ЦК поддержало.

Валентинов пишет, что до нею доходили слухи о встрече перед Пленумом, или в дни Пленума Сталина и Троцкого и о переговорах между ними. Такие слухи циркулировали в ВСНХ, куда Троцкий был назначен председателем Главконцесскома и председателем Особой комиссии по качеству [35. С. 132]. Сталин, согласно этим слухам, пообещал Троцкому пост председателя ВСНХ вместо Дзержинского, и его назна-

чение было, будто бы, первым шагом к этому. Трудно сейчас судить о точности таких слухов. Возможно, какое-то время Сталин осуществлял и такой план. Но, как бы там ни было, из политической борьбы Троцкий был надежно выведен. Он понял на Пленуме, что Политбюро одолеть не в силах, и потому легко и без боя отдал пост председателя Реввоенсовета, согласившись на работу в ВСНХ.

Это событие вызвало окончательный развал «тройки». Общий враг был побежден, а внутренние разногласия усилились. В марте 1925 года прошли последние заседания «тройки», а в апреле она уже больше не собиралась. Сталин теперь сам стал утверждать повестку дня Политбюро, захватив предрешение выносимых вопросов в свои руки.

Но развал «тройки» вызвал разделение голосов в Политбюро. Тогда в составе Политбюро было семь человек: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Рыков, Томский и Бухарин, который стал членом Политбюро после смерти Ленина. Троцкий, после поражения, воздерживался от голосования. Зиновьев и Каменев стали выступать против проектов решений, подготовленных сталинским секретариатом. Рыков и Томский обычно присоединялись к победителю, к тому, у кого была в руках власть. Устойчивого большинства у Сталина в таких условиях не было. Для того, чтобы его сохранить, а вместе с ним и возможность проведения своих решений, Сталин пошел на создание коалиции с Бухариным. А Зиновьев и Каменев попытались образовать коалицию с разгромленным ими же Троцким. В итоге Сталин получил четыре голоса членов Политбюро против трех голосов Зиновьева, Каменева и Троцкого.

Разорвав пакт со Сталиным, Зиновьев пошел заключать пакт с Троцким против Сталина. Уже одно это обстоятельство неопровержимо свидетельствует о недальновидности Зиновьева и непонимании элементарных вещей. Любой другой политик, даже сам Троцкий, никогда бы не согласился заключать союз с только что разгромленным вождем, отстраненным от рычагов власти и влияния и к тому же утратившим ореол неприкосновенности. Заключение союза с таким вождем означало только одно — поражение, причем

еще до принятия решения о заключении союза. Впрочем, нужно отметить, что ясное для нас сегодня, когда мы знаем конечный результат всех этих действий, тогда не было так очевидно.

В 1922 году, когда передавалась власть над аппаратом, Зиновьев отказался от нее, отдав ее Сталину. Он считал тогда, что посты председателя исполкома Коминтерна и первого секретаря Петроградского обкома партии важнее аппарата ЦК. И был неправ. Сталин именно через Секретариат сосредоточил в своих руках всю информацию о состоянии партии, распределение и утверждение руководящих кадров, контроль, то есть самую настоящую, реальную власть над партией.

В итоге к середине 1925 года Сталину удалось подчинить своей власти большинство парторганизаций, кроме Московской, Ленинградской и еще Компартии Украины. Но на должность первого секретаря КП(б)У в июне 1925 года был назначен Каганович с единственной задачей: сломить сопротивление украинских коммунистов и выбить из руководства компартией всех сторонников Троцкого и Зиновьева. С этой задачей Каганович блестяще справился.

Московская организация была взята под контроль другими способами. Летом 1924 года «тройкой» обсуждалась кандидатура первого секретаря Московского горкома партии. Зиновьев предложил поставить первым секретарем Угланова, бывшего к тому моменту первым секретарем Нижегородского губкома. Это был ставленник Зиновьева, сделавший партийную карьеру в Петрограде. Потому Зиновьев особенно настаивал на его кандидатуре. Сталин сделал вид, что уступил с большой неохотой, задав вопрос, справится ли Угланов с руководством такой большой парторганизацией.

Сразу же после этого Молотов взялся за вербовку Угланова. Бажанов так описывает этот момент:

«Но вслед за этим Молотов занялся обработкой Угланова, и летом 1924 года я, как-то придя к Сталину и не застав его в кабинете, решил, что он находится в следующем кабинете (имеется в виду комната совещений.— *Авт.)*. Я открываю туда дверь и вхожу. Я вижу Сталина, Молотова, Угланова...

Я тотчас сообразил, в чем дело. Накануне на заседании «тройки» Зиновьев предлагал назначить руководителем Московской организацией Угланова... На самом же деле Угланов был подвергнут Молотовым предварительной обработке, и сейчас заключается между Сталиным и Углановым пакт против Зиновьева» [35. С. 198].

Осенью дискуссия в партии возобновилась с новой силой. Троцкий выступил не только со статьей «Уроки Октября», но и с брошюрой «К социализму или к капитализму?», в которой подверг резкой критике курс большинства Политбюро. Его тут же поддержал Зиновьев, выпустивший брошюру «Ленинизм», с выступлением против нэпа и требованием равенства. Они потребовали в ЦК созыва съезда партии для обсуждения сложившегося положения.

Глава шестая

БОРЬБА ЗА КУРС ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Политическая борьба в руководстве была теснейшим образом связана с той хозяйственной политикой, которая осуществлялась в стране партийным руководством. Успех всей внутренней политики партии определялся тем, насколько удачной, успешной окажется хозяйственная политика и насколько ощутимыми и очевидными будут хозяйственные успехи.

Потому, в хозяйственной области борьба была не менее жестокой, чем в руководстве партии. Каждая сторона конфликта старалась тянуть хозяйственную политику на себя и записать ее в свой актив.

Сталин тоже хорошо понимал, насколько важна для успеха его линии хозяйственная политика, и сделал все, чтобы поставить на нее своего человека. Сразу после смерти Ленина он провел на главный хозяйственный пост страны — на пост Председателя ВСНХ — Феликса Дзержинского. Он был хорош для Сталина не только тем, что поддерживал его политику, но и тем, что был сторонником быстрого восстановления и развития хозяйства, а также хорошо разбирался в хозяйственных вопросах.

Итак, 2 февраля 1924 года Дзержинский стал главой всего государственного хозяйства — Председателем ВСНХ. Под его руководством оказалась государственная промышленность, только что перенесшая кризис цен и перепроизводства и потому находившаяся пока не в лучшем состоянии. Наркомом путей сообщения вместо Дзержинского стал Рудзутак.

Весть о назначении Дзержинского вызвала у работников ВСНХ далеко не однозначные настроения. Вот как их описывает Валентинов:

«„Осведомленные" люди шептали, что Дзержинский появился в ВСНХ, чтобы, с присущими ему методами, навести

в нем порядок, с этой целью он приведет с собой когорту испытанных чекистов, и в каждом отделе, в каждом бюро ВСНХ будет помещен шпион-„сексот". Дополняясь всяческими деталями, приносимыми фантазиями и страхом, такие разговоры создавали заразительно-нервозное настроение. Конец ВСНХ — он скоро превратится в отделение экономического управления ГПУ» [8. С. 161].

В конечном счете работники ВСНХ стали смотреть на эпоху фактического безвластия, продолжавшегося все время номинального руководства ВСНХ Рыковым, как на эпоху счастья, спокойствия и процветания. Все ждали новых расправ и арестов и были готовы тут же бежать к Рыкову за помощью. Однако вскоре этим работникам пришлось убедиться в обратном. Дзержинский сразу занял жесткую позицию защиты и поддержки специалистов.

На Дзержинского сразу навалилась гора текущих дел. К 15 марта 1924 года комиссия Госплана по металлопромышленности должна была внести в Совет Труда и Обороны доклад о состоянии отрасли и о мерах к подъему производства. Но комиссия Госплана этого не выполнила.

20 марта Политбюро ЦК создало специальную комиссию Политбюро по металлопромышленности, названную Высшей правительственной комиссией (ВПК), под председательством Дзержинского. В нее вошли председатель Центральной контрольной комиссии и нарком Рабоче-крестьянской инспекции Куйбышев, председатель Госплана СССР Кржижановский, нарком финансов Сокольников, нарком путей сообщения Рудзутак и секретарь ВЦСПС Догадов [29. С. 73—74]. Этой комиссии предстояло разобраться с положением в металлопромышленности, предложить программу ее развития и решить, наконец, спорный вопрос о производстве паровозов. Эта комиссия с первого дня ее работы находилась в руках сторонников Сталина, что сыграло свою роль.

5 апреля 1924 года в ВСНХ состоялось первое совещание по металлу, на котором был снова поставлен вопрос о паровозах. Госплан разработал в июне-июле 1922 года программу строительства паровозов. Согласно этой программе, до

1925 года советские заводы должны были выпустить 508 паровозов [47. С. 32]. Когда Дзержинский был наркомом путей сообщения, он выступал против строительства этих паровозов, доказывая, что в распоряжении НКПС есть парк недоиспользуемых паровозов.

Только Дзержинский занимал уже совершенно другую позицию. Сам он объяснил изменение своих взглядов уходом из НКПС, из-под давления железнодорожников, и очевидным ростом железнодорожного грузооборота в 1923/24 году. А потом, как он писал, став председателем ВСНХ, взглянул на проблему производства паровозов не с узкой ведомственной точки зрения, как раньше, а с точки зрения интересов всей государственной промышленности в целом. В ходе споров вокруг хозяйственных вопросов осенью 1923 года он убедился, что НКПС является самым крупным заказчиком для советской металлопромышленности. Дзержинский нашел, что строительство паровозов является удобным и надежным рычагом быстрого развития металлопромышленности: металлургии и машиностроения [47. С. 78].

Мысль Дзержинского шла таким образом. На тот момент, когда он вступил в должность председателя ВСНХ, бóльшая часть заводов стояла законсервированной. Это были в основном мелкие и средние заводы. Крупные предприятия, к которым относились такие заводы, как Путиловский, Сормовский, Луганский, Коломенский, Брянский, работали, но, как правило, с большой недогрузкой оборудования и мощностей. По всей государственной промышленности работало только 31,4% довоенных производственных мощностей [47. С. 148]. Поддержание недогруженных производств в рабочем состоянии требовало немаленьких затрат, как денежных, так и натуральных. Работающие на половину мощности металлургические заводы все равно требовали топлива. Работающие на половину производительности рабочие все равно требовали зарплаты. Основные затраты по промышленности шли именно на поддержание таких предприятий.

Вот здесь Дзержинский и увидел возможности, которые открывались при развертывании паровозостроения. Во-пер-

вых, загружались заводы. Производство паровозов подтягивало за собой другие, связанные с ним, производства. Для их строительства нужен металл, и паровозостроение толкает вперед развитие металлургии. На основе растущей металлургии можно развить металлопромышленность и по-настоящему насытить рынок металлоизделиями, обеспечить доходность государственной промышленности, обзавестись оборотными средствами и сделать накопления, остро необходимые для восстановления основного капитала промышленности Советского Союза.

Дзержинский решил сделать паровоз локомотивом советского экономического роста. Кроме этого перед Главметаллом были поставлены задачи обеспечения рынка металлоизделиями, сокращения финансирования неработающих заводов, увеличения заработной платы металлистов, и разработки плана восстановления основного капитала государственной промышленности [47. С. 79].

22 апреля 1924 года ВПК рассмотрела план паровозостроения, составленный Госпланом в 1922 году. Комиссия сочла этот план приемлемым и передала его на утверждение в Совет Труда и Обороны. 7 мая 1924 года СТО утвердил этот план. Строительство паровозов должно было обойтись в 35 млн рублей[1]. Дзержинский же после утверждения этого плана обратился в СТО с ходатайством увеличить загрузку паровозостроительных заводов и выделить средства на ремонт паровозного парка сверх уже запланированных сумм.

Дзержинский развернул бурную деятельность по расконсервированию и пуску стоявших металлургических заводов. После пуска трех самых крупных домен на Юзофском, Екатеринославском заводах и заводе им. Петровского производство чугуна в СССР за одну неделю июня 1924 года выросло на 40%.

Такой темп давал надежды на быстрый подъем всей остальной промышленности.

---

[1] Значит, один паровоз стоил в 1924 году примерно 68 тысяч рублей золотом. Шведский паровоз был вдвое дороже.

Однако 17 июня 1924 года Совет Труда и Обороны вынес постановление по ходатайству Дзержинского: ходатайство отклонить, а производственную программу по паровозам сократить до 28 млн рублей, то есть урезать заказ НКПС на сто паровозов. В СТО взяла верх позиция В. Я. Сокольникова, сторонника Троцкого, который стоял за сокращение финансирования промышленности.

Это было поражение. Работа ВПК, после трех месяцев работы, оказалась сорванной, а результаты уничтожены. 19 июня, через два дня после отказа СТО увеличить программу, Дзержинский пишет письмо в Политбюро ЦК Сталину и созывает заседание ВПК. В записке Сталину Дзержинский указал, что Совет Труда и Обороны своим решением фактически отменил все решения Высшей правительственной комиссии, и попросил рассмотреть этот вопрос на заседании Политбюро.

В один день, 19 июня 1924 года, собрались на заседание Политбюро и ВПК, на которых был поставлен один и тот же вопрос: состояние металлопромышленности. В хозяйственном штабе Дзержинского, обсудив вопрос, решили прибегнуть к политическому методу решения этого противоречия. Нужно сделать три вещи: сосредоточить управление металлопромышленностью в одних руках, обратиться к работникам промышленности с просьбой о помощи и создать единый промышленный бюджет.

До этого управление металлопромышленностью было разделено между несколькими хозяйственными органами. Заводы, как хозяйственные единицы, были включены в тресты, которые подчинялись Центральному управлению государственной промышленности, сокращенно ЦУГПРОМ ВСНХ. Это управление объединяло все государственные промышленные предприятия, независимо от отрасли. В Президиум ВСНХ информация о состоянии металлопромышленности подавалась вместе и вперемежку с информацией о состоянии, например, текстильной или кожевенной промышленности, и от разных отделов, каждый из которых излагал свою точку зрения.

Дзержинский предложил провести в металлопромышленности концентрацию и централизацию управления.

Кроме имеющихся 18 трестов союзного значения, которые объединяли крупные заводы, решено было организовать дополнительно три синдиката, объединяющие в себе мелкие и средние заводы металлопромышленности. В июле 1924 года были образованы: Металлосиндикат Центрального района, Уральский горнозаводской синдикат, сокращенно «Уралмет», и Всесоюзный синдикат сельскохозяйственного машиностроения, сокращенно «Сельмашсиндикат». Тресты и синдикаты объединялись под управлением Главного управления металлической промышленности, сокращенно ГУМП ВСНХ [47. С. 140]. Управление подчинялось непосредственно Президиуму ВСНХ. Главметалл оставался, но было решено произвести там кадровую перестановку.

Вторым пунктом программы было обращение к работникам металлопромышленности. Нужно было широковещательно разъяснить проводимую политику в экономической печати, а также привлечь на помощь активность и инициативу низовых работников.

Третьим пунктом было создание единого промбюджета. Это изобретение Дзержинского пережило самого автора. Только одним этим Феликс Эдмундович обессмертил свое имя. 19 июня 1924 года им был заложен один из краеугольных камней в основание советской экономики и советской индустриализации.

Это изобретение простое, но очень эффективное. Государственная промышленность часть полученной прибыли сдавала государству. Наркомат финансов проектирует бюджет, в котором есть строка финансирования промышленности. Из этого фонда деньги переводятся предприятию, на которые в плановом порядке закупается сырье и топливо, выплачивается зарплата рабочим и восстанавливаются основные фонды. Предприятие работает, выдает продукцию. Если продукция сдается прямо государству, то в Наркомфин идет только цифра: завод выпустил продукции на столько-то миллионов рублей. Разница между отпущенными ассигнованиями и стоимостью выработки и есть прибыль или убыток.

В том же случае, когда завод работает на рынок, то полученные сверх покрытия производственных расходов деньги

частично перечисляются в государственный бюджет. Это — прибыль без кавычек.

Но до 1924 года был порядок: все крупные программы, строительство и переоснащение заводов проходят утверждение не только в ВСНХ, Госплане и СТО, но и в Наркомфине. Подготовленную программу строительства или ремонта чего-то нарком финансов включает в проект бюджета. Или не включает, если видно, что свободных финансов в бюджете нет. Окончательное решение принимает СТО, но перед этим выслушиваются все стороны.

Вокруг этого и начался спор ВСНХ и Наркомата финансов. Программа развития металлопромышленности уперлась в упорное сопротивление Наркомфина увеличению затрат на промышленность.

Дзержинский предложил такой выход. Единый промбюджет — это сумма, которая отпускается промышленности в целом, без указания, сколько идет на производство, а сколько на строительство. Она точно соответствует возможностям бюджета, сверх нее ВСНХ не просит больше ни рубля. Но зато, распределение промбюджета идет уже в Президиуме ВСНХ, в соответствии с задачами развития промышленности. Вот тут уже возможны варианты: одну отрасль промышленности развивать за счет другой.

Политбюро, которое заседало в тот же день с ВПК, рассмотрело положение металлопромышленности, кризис в хозяйстве и приняло такое решение — освободить Дзержинского от всех дел, кроме вопросов металлопромышленности. Этим ему были даны полномочия на решение кризиса по предложенной им программе.

Советские историки прошли мимо этих исторических событий. Дата 19 июня 1924 года имеет право быть занесенной во все списки самых важных событий. Это и есть подлинное начало советской индустриализации.

У начала индустриализации стояли Дзержинский, разработавший план и способ индустриализации, и Сталин, который в Политбюро поддержал предложения Дзержинского и обеспечил подкрепление их решением Политбюро.

Итак, главная задача индустриализации — опережающий рост производства стали и чугуна. Цель — строительство мощной машиностроительной индустрии, которая может сделать хозяйственный переворот в стране. Политическая цель — сбросить экономическую власть крестьянства путем создания крупных товарных хозяйств, снабженных машинами и оборудованием, изготовленными на советских заводах. Метод индустриализации — это сосредоточение управления промышленностью в одном штабе и концентрация государственного капитала в едином промышленном бюджете.

Способ индустриализации — это крупномасштабное планирование развития целых отраслей промышленности в их взаимосвязи и взаимном влиянии друг на друга. Одновременно — развитие вместе с крупной металлургической и машиностроительной промышленностью смежных и связанных отраслей хозяйства. Характер индустриализации — это концентрация производства на крупнейших заводах и строительство самых крупных и самых современных предприятий.

Как видите, никаких абстрактных идей развития чего-то там. Все совершенно конкретно: конкретно и четко поставленные цели и задачи, конкретные методы, уже разработанные и проверенные на практике. Конкретный политический смысл.

Дела шли намного впереди слов. Конкретные мероприятия уже начались, а вот ни понимания, ни программного заявления еще не было. Потребуется больше года, прежде чем программа и задачи индустриализации будут сформулированы и приняты съездом партии.

Получив поддержку Политбюро, Дзержинский начал в ВСНХ кипучую деятельность. Требовалось развернуть агитацию среди работников металлопромышленности, обследовать состояния трестов, производящих металл и металлоизделия, довести до конца разработку производственных планов и программ.

Через три дня, 21 июня 1924 года, Дзержинский обращается в ЦК ВКП(б) с просьбой о пересмотре состава Главметалла ВСНХ. К письму он приложил список членов нового правления Главметалла. ЦК приняло его предложение. Еще через две недели, 3 июля, Политбюро расширило состав ВПК до 14 человек. Туда были введены: И. И. Лепсе, председатель ЦК профсоюзов металлистов, П. И. Судаков, председатель правления Главметалла, В. Я. Чубарь, председатель Совнаркома Украины, С. С. Лобов, председатель Северо-Западного промбюро, Д. Е. Сулимов, председатель Уральского облисполкома, А. Ф. Толоконцев, председатель треста ГОМЗ [47. С. 124].

Одним словом, к работе по развитию металлопромышленности были подключены все, кто имел отношение к самым важным районам, где производился металл или были сосредоточены крупные промышленные предприятия.

ВПК занялась формированием и расчетами единого промышленного бюджета. Нужно было рассчитать потребности в металле, угле, руде, рассчитать стоимость их добычи и производства, согласовать с требованиями Наркомфина. Теперь это можно было осуществить, так как появилась твердая и надежная расчетная единица — червонец.

В ходе работы над единым промбюджетом члены ВПК убедились в том, что не могут вписать в него даже минимальные планы. Остро не хватает средств даже для достижения минимачьно необходимого для развития промышленности уровня производства металла, даже для полного покрытия потребности в металле.

Попытка решения путем поднятия рыночных цен на металлоизделия уже потерпела крах. Дзержинский поэтому пошел другим путем. Нужно сократить, и сократить кардинально, издержки в производстве металла. Они складываются из двух частей: затрат на топливо и руду и накладных расходов. 16 июля 1924 года ВПК внесла в Госплан предложение: установить плановые цены на топливо и руду для государственной промышленности на уровне фактической их себестоимости. Это сразу бы дало удешевление металла на 40% и, соответственно, рост производства.

А вторая часть решения, сокращение накладных расходов, чуть позже вылилась в целую кампанию за режим экономии в промышленности.

В начале сентября 1924 года в спорах с Госпланом и СТО Дзержинский получил серьезный аргумент. Его политика на подъем металлургии дала свои плоды. Установленный на полгода 1923/24 хозяйственного года план оказался перевыполнен. Чугуна было выплавлено 628,2 тысячи тонн, что на 13% больше установленного плана, стали — 943,4 тысячи тонн, что на 14% больше плана, проката выпущено — 647 тысяч тонн, что на 19% больше плана [47. С. 124]. Прирост производства по сравнению с планами составил дополнительно почти пятую часть.

Трест «Югосталь», в котором сосредоточились основные мощности советской черной металлургии, увеличил, по сравнению с 1922/23 годом, производство чугуна в 3,5 раза, стали — удвоил, выпуск проката увеличил в 1,7 раза.

Но, правда, производство металла находилось еще на уровне 15,6 — 22,6% по видам продукции от уровня производства 1913 года.

С такими аргументами уже можно было начинать политическое наступление. Что Дзержинский и сделал.

12 сентября 1924 года он сделал на Политбюро доклад о работе Высшей правительственной комиссии по металлопромышленности, в котором сформулировал основные проблемы металлопромышленности и методы их решения.

Он выделил семь главных проблем металлопромышленности, которые, впрочем, между собой были связаны. Это: высокая себестоимость металла из-за малой загрузки предприятий, невыплаты главных государственных заказчиков, сопротивление НКПС паровозостроению и невозможность закрытия паровозостроительных заводов, отсутствие строительства новых предприятий, неплатежеспособность населения, недостаточное кредитование и изъяны в организации производства.

Дзержинский поставил вопрос ребром:

«Если мы теперь не проделаем значительной подготовительной работы в области металлургии, то по истечении нескольких лет мы теряем целую эпоху для ее развития» [47. С. 125].

Несколько спутанную мысль Дзержинского можно выразить короче: если сейчас не заняться развитием металлургии, то в последующем, когда потребности в металле возрастут, каждая тонна металла будет обходиться все дороже и дороже. Нельзя мириться с тем, что производство металла имеется всего на уровне пятой части от производства 1913 года.

Политбюро и теперь выразило полную поддержку Дзержинскому. Решением Политбюро ЦК вместо Главметалла временно было образовано МеталлЧК во главе с Дзержинским. Информотделу ЦК предписывалось издать стенограмму совещания по этому вопросу с выступлением Дзержинского, как имеющую особую ценность для хозяйственной работы.

После этого заседания Политбюро предписало Дзержинскому срочно взять отпуск и отдохнуть от работы. Он уехал в Крым на месяц.

В отпуске Дзержинский в спокойной обстановке продолжал работу над формулировкой промышленной политики, над мерами по подъему производства металла. Он тогда выработал основные меры, которые следовало предпринять для коренного перелома в состоянии промышленности.

17 октября 1924 года состоялось новое заседание ВПК, на котором был поставлен вопрос о производственной программе по выпуску металла и машин. План устанавливал задачу достижения уровня производства в 27% от уровня 1913 года. В весовом объеме — это удвоение продукции.

До 1 октября 1925 года металлургическая промышленность должна была выплавить 954,8 тысячи тонн чугуна, 1 млн 304 тысячи тонн стали и выпустить 928 тысяч тонн проката.

План по общему машиностроению устанавливался в 95,1 млн рублей, по судостроению в 6,9 млн рублей, по метизам в 11,6 млн рублей. Промышленность должна была в 1924/25 году построить 570 автомобилей и 2250 тракторов, из них 400 гусеничных. Общая программа промышленности была запланирована на уровне 306 млн рублей. С этой программой согласился Госплан [47. С. 136—137].

После разработки и утверждения этой программы Высшая правительственная комиссия была распущена. Дзержинского назначили на пост председателя правления Главметалла. Своим заместителем он провел В. И. Межлаука.

Меры, предложенные и проводимые Дзержинским, вызвали сопротивление со всех сторон. Против них высказался Совет Труда и Обороны, возглавляемый Каменевым, против выступил Наркомат финансов, возглавляемый Сокольниковым, против высказался ВЦСПС, руководимый Томским. Противники были внутри ВСНХ, которых возглавлял и объединял Пятаков. Госплан занял двойственную позицию, поддерживая господствующее мнение.

Однозначная поддержка инициативам Дзержинского была только в Политбюро и в ЦК партии, которую ему обеспечивал Сталин.

Это противостояние, которое Дзержинский преодолевал с большим трудом, проистекало из того самого массового неприятия нэпа членами партии. Хозяйственная политика ими виделась не как борьба за рост производства, а как администрирование и распределение. Из таких соображений боролась против Дзержинского бо́льшая часть хозяйственников. Каменев боролся еще и потому, что перешел в оппозицию и выступил против Сталина, а тот оказывал Дзержинскому поддержку. Сокольников боролся частично из-за того, что тоже был оппозиционером, а частично защищая ведомственные интересы Наркомфина.

Любопытно, что Дзержинский нашел себе союзников, с одной стороны, в лице Сталина, а с другой — в лице специалистов ВСНХ и Госплана, бывших меньшевиков. Меньшевики нэп поддержали, хотя оставались политическими оппонентами большевиков. Валентинов, сам бывший меньшевиком и входивший в группу меньшевиков, говорит, что они поддерживали нэп потому, что видели в нем выход на дорогу нормального, стабильного развития страны, к тому, в конечном счете, к чему они все стремились. Поддержали не только морально, но и практически, своими знаниями. Среди меньшевиков была группа сильных экономистов.

С приходом в ВСНХ Дзержинского, который открыто встал на позицию сотрудничества и покровительства специалистов, идейные бои с коммунистами потеряли былую остроту. Несогласие, конечно, осталось, но зато теперь активность спецов нашла свой выход в работе на развитие металлопромышленности.

Эта своеобразная смычка сыграла потом свою роль в составлении и дебатах вокруг первого пятилетнего плана. Дзержинский объединил посредством связи через себя Сталина и Бухарина, которые тогда придерживались нэповского курса, и этих спецов-меньшевиков, которые перестали спорить с руководством Госплана, занялись составлением планов и развитием планирования. Они-то и составили пятилетний план, который потом, в измененном виде, принял на вооружение Сталин. Работа над ним началась еще при жизни Дзержинского, при торжестве нэповской политики, а закончилась уже после смерти Дзержинского, уже после объявления Сталиным войны Бухарину. План очень пригодился потом для побития Бухарина.

В других условиях план не был бы составлен и реализован. Если бы не открытая и последовательная поддержка Дзержинского, специалисты так и продолжали бы вести безуспешную и упорную войну с большевистским руководством Госплана и ВСНХ.

Вообще, если бы не деятельность Дзержинского, то сама задача первого пятилетнего плана развития металлургии и машиностроения не была бы поставлена и должным образом разработана.

23 октября 1924 года Дзержинский написал письмо председателю Коллегии ГЭУ ВСНХ СССР А. М. Гинзбургу с изложением развернутой системы постановки промышленности на твердую почву. Цель всей работы ВСНХ заключалась в максимальном расширении и удешевлении производства. Причем он указал, что нужно в первую очередь обратить внимание на внутренние ресурсы и накопления промышленности и первым делом пустить их на финансирование роста.

Источниками накопления должны были стать: ликвидация бесхозяйственности в производстве, которая включала

в себя повышение качества материалов и сырья, уплотнение рабочего дня, приведения штатов в соответствие с производством. А также ликвидация бесхозяйственности в сфере распределения, проведение удешевления всей продукции и налог на население [47. С. 132].

А тем временем Наркомат финансов и Совет Труда и Обороны готовили свое решение по финансированию промышленности. Наркомат финансов внес в СТО предложение о сокращении промышленного бюджета до 260 млн рублей, то есть почти вдвое. 14 ноября 1924 года СТО принял постановление, которое утвердило промышленный бюджет в размере 270 млн рублей. Сокольников и Каменев нанесли еще один тяжелый удар по промышленности.

17 ноября 1924 года Главметалл собрался на экстренное совещание. Решение Совета Труда и Обороны уничтожали все результаты деятельности ВПК и снова обрекали промышленность на убытки. Главметалл сделал заявление:

«Уменьшение программы должно вызвать сокращение нагрузки предприятий, удлинить сроки оборота капитала и невозможность долгосрочного кредита» [47. С. 143].

Через три дня, 21 ноября 1924 года, Дзержинский вышел на трибуну 5-й Всероссийской конференции союза металлистов и сделал доклад о металлопромышленности. Он говорил, что из-за недогрузки предприятий и раздутых штатов на заводах крупная промышленность не выходит из убытков.

Убытки по всем трестам составили 8 млн 841 тысячу рублей. По важнейшим трестам они превышали миллион рублей. По «Югостали», важнейшему металлургическому тресту, — убыток составил 1 млн 220 тысяч рублей. По тресту ГОМЗ[1], важнейшему московскому машиностроительному тресту, — 4 млн 978 тысяч рублей. По Ленмаштресту, ленинградскому машиностроительному тресту, 1 млн 338 тысяч рублей.

Прибыль по уральским трестам сократилась на 21% и составила 2 млн 746 тысяч рублей [47. С. 144]. При таких убытках, которые возросли на 24%, сокращение промышленного бюджета вдвое — удар по металлопромышленности.

Дзержинский стал уговаривать профсоюзных руководителей поддержать его политику: сократить штаты, уменьшить стоимость продукции, поднять производительность труда, уплотнить рабочий день, а самое главное, потребовать увеличить программу производства.

Профсоюзы встали против Дзержинского. Они наотрез отказались сокращать рабочих и увеличивать производство. После долгих препирательств профсоюзные вожаки дали согласие сократить численность рабочих на 7%, но взамен выдвинули требование сократить производственную программу на 12%. Потратив время на ругань и препирательства с профсоюзным руководством, Дзержинский ничего от них не добился. Сделку с обменом 7% рабочих на 12% программы он отверг как совершенно неприемлемую.

Добил программу Госплан, Президиум которого собрался 22 ноября 1924 года под председательством И. Т. Смилги. Докладывал на нем сам Смилга и профессор Калинников, которые предложили урезать производство металла по всем видам продукции еще на 5%. Дзержинский боролся изо всех сил. Наконец состоялось еще одно заседание СТО, 24 ноября 1924 года, на котором Дзержинский смог выспорить у Каменева 3 млн рублей сверх уже утвержденного бюджета.

План поднятия производства металла рухнул. Теперь, при убытках и сокращенном бюджете, удержать бы тот уровень, который есть, удержать бы принятые и запущенные программы строительства паровозов и судов. У Дзержинского осталась только одна трибуна, где он мог рассчитывать на поддержку. 16 декабря 1924 года он выступил с докладом на заседании Политбюро ЦК. Надежда оставалась только на политические методы борьбы.

Столкновение Дзержинского с Каменевым и Сокольниковым произошло на Пленуме ЦК 17—20 января 1925 года. По требованию Дзержинского вопрос о металлопромышленности был включен в повестку дня Пленума. Докладчиком по

[1] Государственное объединение машиностроительных заводов.

вопросу был Молотов, который изложил общее состояние дел и подчеркнул, что вопрос очень внимательно изучался в ВСНХ и СТО, ничего существенного при этом в чью-то поддержку не сказав.

После доклада Молотова ведомственные вожаки схватились в прениях. Сокольников прочитан целый доклад, целую лекцию о государственном бюджете, где с особенной силой упирал на только что стабилизированный рубль, что, мол, политика ВСНХ авантюристична, что нельзя подрывать финансы СССР такими огромными вложениями в промышленность. И сказал в заключение, что нужно двигаться осторожно и осмотрительно. Вот, 7% роста — это оптимальные темпы.

Дзержинский со всей своей страстью оспорил слова Сокольникова. Он заявил, что нельзя считать нормальным, когда политику в промышленности определяет Наркомфин, и что план, составленный в Наркомате финансов и СТО, уже сейчас недостаточен. Одни только заявки на первый квартал 1924/25 года превысили годовой план СТО: по рельсам на 108%, по балкам на 102%, по листу на 128%, по катанной проволоке на 201%, по тянутой проволоке на 171%. «Жизнь наша развивается гораздо скорее, чем на 7 процентов», — сказал Дзержинский [47. С. 179—180].

Его аргумент о политике вызвал некоторые размышления среди членов ЦК. Тут он задел за живое. Г. И. Петровский, взявший слово в прениях, сказал, что «нужно, чтобы направлял политику не товарищ Сокольников, а Центральный Комитет» [47. С. 177].

Спор перешел в другую плоскость, где аргументы Сокольникова уже не действовали. Члены ЦК решили, что Наркомат финансов и Совет Труда и Обороны хватили через край, и нужно ограничить их устремления. Они думали не столько о хозяйственном смысле предлагаемых решений, сколько о влиянии этого спора на политическую расстановку сил в ЦК.

20 января Пленум ЦК принял резолюцию, в которой одобрялся доклад Дзержинского, признавалось необходимым расширение металлопромышленности и разрешалось увеличить производственную программу на 15%, а также ставилась задача увеличения финансирования и расширения кредита металлопромышленности.

Дзержинский понял, что ситуация повернулась в его пользу, и тут же отдал указание своему заместителю Межлауку срочно, пока не улеглись страсти, созвать совещание Главметалла и, опираясь на эту резолюцию, протащить хоть по одному тресту увеличение программы. 21 января, в день закрытия Пленума, Главметалл разрешил Ленмаштресту увеличить свою общую программу на 15%, а по отдельным видам продукции — на 40%.

Дзержинский на Пленуме получил полную политическую поддержку своим инициативам.

Казалось бы, проблема недофинансирования промышленности была решена. Однако борьба с Наркоматом финансов обернулась другой стороной. Появилась и получила подкрепление мысль о том, что развитие промышленности надо развивать собственными силами, с опорой на свои капиталы, в том числе и внутрипромышленные. Пока шла подготовка к Пленуму, Дзержинский еще раз доработал свой план развития промышленности, сформулированный в записке в ГЭУ ВСНХ СССР. Количество тезисов было сокращено, но те, которые остались, приобрели резкую формулировку, постановку ребром.

Главная мысль была проста — раз нельзя получить дополнительные субсидии, то нужно опереться на накопления внутри самой промышленности. Нужно максимально затянуть пояса. В программе остались три тезиса: увеличение прибавочного продукта путем повышения производительности труда, сокращение непроизводственного потребления и широкие займы у населения. Все эти меры давали какой-то капитал помимо Наркомата финансов.

Но, вместе с вопросом получения капиталов встал и другой вопрос — как его использовать. Вопрос немаловажный, ибо полученный такими ухищрениями капитал можно было очень легко и быстро растратить. Дзержинский формулирует решение — бросить капитал на восстановление основных фондов промышленности.

Дело было в том, что имеющиеся заводы имели большой износ основных фондов, то есть зданий, сооружений и оборудования. Они практически не обновлялись с 1913 года, то есть к 1925 году возраст самых новых фондов составлял 12 лет. А основная масса того же оборудования была еще старше. Здания, построенные еще в эпоху промышленного бума 90-х годов XIX века, конечно, ремонтировались по мере восстановления заводов, но все равно уже не удовлетворяли требованиям развертывания нового производства.

В начале 20-х годов, когда производство концентрировалось на самых мощных заводах, в первую очередь были использованы самые молодые фонды и самое лучшее оборудование. Основной капитал, доставшийся от довоенной промышленности, должен когда-то кончиться. Этот момент уже явственно чувствовался в 1925 году. Было понятно, что скоро резервы восстановления промышленности будут исчерпаны.

Поэтому Дзержинский решает больше не торговаться с Наркомфином. Нужно было доставать капитал самому и тратить его только на обновление основного капитала. В этом ключ решения проблемы. Обо всем остальном можно было пока забыть.

14 января 1925 года, за несколько дней до открытия Пленума ЦК, Дзержинский созывает в Президиуме ВСНХ совещание по основному капиталу. На этом заседании было образовано Особое совещание по восстановлению основного капитала, сокращенно ОСВОК, во главе с Дзержинским.

Развитие страны переходило в совершенно новый этап. До этого хозяйственная деятельность государства, так или иначе, сводилась к борьбе против всевозможных кризисов, сотрясавших советскую экономику, к расконсервированию и пуску стоявших производственных мощностей. ВСНХ имел большой промышленный комплекс, который работал едва ли на треть свой мощности. По мере того как улучшалось положение с топливом, продовольствием и сырьем, стоявшие заводы пускались в ход.

Урожай 1922 года дал этому процессу мощный толчок. В промышленность пошло продовольствие, угольные предприятия дали топливо, рудники возобновили добычу руды, стало поступать на заводы сельскохозяйственное сырье. Промышленность стала наращивать свою работу быстрыми скачками. В 1923/24 году государственная промышленность увеличила производство на 40%, поднявшись в предыдущем, в 1922/23 году, на 60%. Совершенно неслыханные темпы!

1924 год был годом больших успехов советских хозяйственников и еще больших надежд. Приличный урожай, ввод в строй новых мощностей промышленности, особенно в металлургии, породил ожидания еще больших успехов социалистического строительства. Бухарин полностью поддался праздничному настроению и заговорил об «огромнейших перспективах развертывания промышленности».

Но специалисты говорили, что нет тут ничего удивительного. Это последствия ввода в работу ранее не используемых производственных мощностей. Их становится все меньше и меньше, и наконец настанет момент, когда резерв свободных мощностей окажется исчерпанным. Вот тогда-то советская промышленность вернется к обычным во всем мире темпам промышленного роста — 5— 10% в год, но и это маловероятно. Если же дойти до того, что будут пущены в работу все без исключения свободные мощности и ничего не строить нового, то тогда рост экономики остановится, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

А между тем, уже 75% основного капитала промышленности было уже задействовано в работе. Резерв оставался не таким уж и большим и никаких таких «огромнейших» перспектив просто не было. Для того чтобы надеяться на дальнейший рост, нужно было уже задумываться о том, как основной капитал промышленности расширять.

Так вышло, что к этой проблеме шли разные люди разными путями. Дзержинский шел к программе восстановления основного капитала промышленности через бои с Наркоматом финансов по финансированию государственной промышленности.

С другой стороны, с теоретической, к этой проблеме шел Преображенский, поставивший вопрос о накоплении

для дальнейшего развития социалистической промышленности.

Именно троцкисты, поставив в широкой партийной дискуссии вопрос о возможности построения социализма в одной стране, оказались вынужденными поставить и другой, связанный с ним вопрос — возможность эффективного хозяйственного строительства.

Сам по себе вопрос о возможности социализма был тесно связан с обсуждением хозяйственного положения. Бо́льшая часть партии сомневалась в возможности эффективной хозяйственной политики, особенно на фоне нэпа, и по-прежнему с надеждой смотрела на помощь развитых стран. Партия придерживалась еще старых взглядов, но, руководимая сталинскими ставленниками, уже троцкистов не поддерживала. А они пошли дальше. Троцкисты не только сильно сомневались в возможности строительства в одной стране по чисто политическим причинам, но еще и выдвинули аргумент, что это трудно осуществимо по экономическим причинам, и поставили вопрос о том, есть ли у Советской власти средства для такого строительства.

Политически троцкисты не могли дойти до категорического отрицания возможности построения социализма в одной стране. Это было бы, в их понимании, изменой революции. Потому ими был предложен компромиссный вариант. Троцкисты, устами Преображенского, заявили, что средства на развитие промышленности, и проведение через нее развития и укрепления социалистического строя, можно взять только путем выкачивания из сельскохозяйственного сектора хозяйства.

Это был самый первый, пока еще только теоретический, рецепт проведения социалистической индустриализации. В конце 1924 года, кроме рецепта Преображенского, никаких других рецептов еще не было. Это потом только, через несколько месяцев, появились мнения руководителей Наркомфина, рецепты Базарова и Бухарина. Троцкистский рецепт, как оказалось, стал прологом к созданию уже практической программы строительства советской индустрии. Но он стал только прологом и ничем больше.

Преображенский имел в руководстве ВСНХ своего друга и единомышленника — Пятакова, бывшего заместителем Председателя ВСНХ. Осенью и зимой 1924 года Преображенский часто приходил к нему, и они подолгу о чем-то совещались [8. С. 221].

Тем временем специалисты ВСНХ пытались нащупать решение сложной проблемы. В октябре-декабре 1924 года в Главном экономическом управлении ВСНХ и Цугпроме[1] прошли совещания, посвященные основному капиталу, в которых принимали участие в основном специалисты.

Там. на этих заседаниях, после обсуждения сложившегося положения, было выдвинуто два принципиально новых предложения, которые в корне меняли сам вопрос об основном капитале. Первое заключалось в том, что нельзя основной капитал рассматривать вообще, а нужно прилагать его к какой-то конкретной отрасли. То есть нужно ставить вопрос так: плохо или хорошо обстоит дело с основным капиталом, например, в металлургии.

А второе предложение заключалось в том, что нужно ставить какие-то конкретные сроки. Представитель Наркомфина А. Б. Штерн, немного времени спустя перешедший в ВСНХ, предложил составить пятилетний план развития промышленности с 1 октября 1925 года по 1 октября 1930 года [8. С. 232]. Тогда речь о всем народном хозяйстве еще не шла. Предложение касалось только промышленности.

Это были предложения беспартийных специалистов ВСНХ, которые смотрели на дело с чисто практической точки зрения. Разработанная общими усилиями идея поступила в руководство ВСНХ. Пятаков ее сразу же подхватил и дал ей такую оценку, которая была одновременно директивой:

«Не удовлетворяясь общими формулировками, мы должны ясно определить, какой вид примет наша промышленность через пять лет. Это есть исключительно волевая задача» [8. С. 233].

---

[1] Центральное управление государственной промышленности ВСНХ СССР.

Дзержинский же не одобрил этого тезиса. Он заявил, что план развития промышленности должен в первую очередь считаться с финансовыми и материальными возможностями государства, что тут волевой задачей даже и не пахнет, что такие заявления граничат с авантюризмом. План должен соотноситься с темпами развития сельского хозяйства, главного контрагента государственной промышленности на внутреннем рынке. Дзержинский считал, что продукцией крупной промышленности, в первую очередь металлом, нужно снабжать сначала крестьянский рынок, а потом только отрасли промышленности. Однако, раскритиковав по частностям, Дзержинский, несомненно, поддерживал идею в целом, как таковую.

Зимние бои с Наркоматом финансов и СТО показали Дзержинскому, что вопрос требует более основательного вмешательства ВСНХ. Предложения Штерна и специалистов ВСНХ ему понравились. Вскоре Дзержинский перетянул Штерна из Наркомата финансов к себе в ВСНХ, и поставил перед ним и Пятаковым задачу организовать работу над дальнейшей разработкой этих предложений. 14 января 1925 года в ВСНХ началось создание новой структуры — Особого совещания по восстановлению основного капитала.

Это была грандиозная структура. В ней было создано 30 производственных отделов по отраслям промышленности, каждый из которых изучал положение с основным капиталом в своей отрасли и намечал меры для его развития. Кроме отделов работало еще 5 функциональных секций: финансово-экономическая, сельского хозяйства и его отношения с индустрией, транспорта, районирования промышленности и профтехнического образования и подготовки кадров. Эти секции координировали работы отделов. Над всей этой структурой был образован президиум во главе с Пятаковым. К ноябрю 1925 года ОСВОК создал первый перспективный план обновления основного капитала промышленности страны и план роста производства.

К тому моменту, когда начался XIV съезд партии, который, по уверениям советских историков, впервые поставил задачу индустриализации, идея индустриализации не только витала в воздухе, но и уже была довольно детально разработана. Уже был создан первый перспективный план развития промышленности, который, правда, впоследствии серьезно переработали, и к моменту открытия съезда партии 18 декабря 1925 года он уже поступил в Госплан, изучался, обсуждался и сопоставлялся с контрольными цифрами Госплана на 1925/26 год. В самом Госплане развернулась работа по созданию большого генерального плана развития народного хозяйства СССР.

Нужно еще добавить, что, кроме выработки первых вариантов перспективного плана, в ВСНХ развернулась активная работа по строительству и подготовке коренной реконструкции промышленности. Эта работа была, по сути, первыми шагами индустриализации. Представленный от ВСНХ в Госплан план строительства новых заводов, запроектированных по плану восстановления основного капитала, был утвержден Президиумом Госплана за день до открытия съезда.

Интересно получается: задача стала выполняться еще до того, как она была поставлена партией. Здесь все было, скорее, наоборот. Резолюция съезда была признанием и политическим оформлением уже давно и бурно идущего процесса строительства.

В книге В. С. Лельчука «Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии» приводится любопытное обстоятельство, связанное с этой резолюцией XIV съезда. Проект резолюции съезда по хозяйственной политике был написал Бухариным, вполне в нэповском духе. В его проекте Сталин сделал свои поправки, коренным образом изменившие смысл всего документа:

«СССР (далее поправка)... из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование...

Чтобы СССР представлял собой (далее поправка)... самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционизиро-

вания рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний» [48. С. 107].

Проект резолюции, скорее всего, писался в самый последний момент перед съездом или даже в уже в день открытия, после утверждения Госпланом плана строительства новых заводов. Поправки Сталина в проекте приводили резолюцию в соответствие с уже фактически сложившейся реальностью и давали этой реальности политическое объяснение.

На этом съезде Сталин выступил с политическим отчетом ЦК. В нем, как обычно, давался отчет о политике партии внутри страны и на международной арене. Сталин, рассказывая о международном положении, сделал гвоздем своего доклада план Дауэса, предложенный правительству Германии. Согласно этому плану, Германия должна была выплатить репарации, установленные Версальским мирным договором, получив прибыль от торговли со странами Восточной Европы, в первую очередь с СССР. Речь в плане шла о сумме в 130 млрд золотых марок.

Сталин же заявил, что план этот составлен «без хозяина». Советский Союз не собирается превращаться в аграрный придаток Германии.

«Отсюда вывод: мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития, как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок» [49. С. 37].

В этой фразе Сталин впервые сформулировал генеральный хозяйственный курс партии. Это — главное определение задачи намеченного революционного переворота в хозяйстве страны. Как мы увидим, с этой задачей Сталин справился блестяще.

На съезде, после выступления Сталина, по заявлению делегатов от ленинградской парторганизации, содоклад к отчету ЦК сделал Зиновьев. Согласившись в целом с политикой индустриализации, он поставил вопрос о том, что нужно разобраться с тонкостями теоретического вопроса о государственном капитализме, и что не нужно, ни в коем случае, смешивать нэп с социализмом.

Этот содоклад тут же вызвал ответный удар. Сразу же после Зиновьева выступил Бухарин с бурной речью, в которой обвинил Зиновьева в размежевании с линией ЦК. Сторонники Сталина и Бухарина устроили на съезде погром зиновьевцев. В течение нескольких дней, один оратор за другим, били по Зиновьеву, его позиции и сторонникам. Под конец прений выступили Молотов и Сталин. Молотов огласил некоторые факты из жизни и деятельности руководства Ленинградской парторганизации. Зиновьевцы занимались махинациями с голосованиями и формировали руководящие органы организации по своему усмотрению. А Сталин выступил против Сокольникова. Он говорил на съезде о том, что нужно расширять ввоз готовых товаров, чтобы заполнить рынок. Сталин же заявил:

«Я хочу сказать, что здесь тов. Сокольников выступает по сути дела сторонником дауэсизации нашей страны... Отказаться от нашей линии — значит отойти от задачи социалистического строительства, значит, встать на точку зрения дауэсизации нашей страны» [49. С. 488].

Зиновьевцы потерпели на съезде сокрушительное поражение. Они не выдержали напора критических, разгромных выступлений, делали одну ошибку за другой и в конце концов оказались полностью разбитыми. На съезде прошла резолюция со сталинскими поправками. Оппозиционеры уже ничего не смогли сделать.

Вот здесь мы подошли к тому моменту, когда становится ясным, почему индустриализацию СССР можно с полным правом назвать сталинской. Советские историки употребляли другие названия, более нейтральные и политкорректные: «социалистическая индустриализация», «индустриализация СССР». Труды, в которых действо называлось подобным образом, подавали события так, словно они шли сами собой, самотеком, согласно каким-то «объективным» закономерностям. Это были книги о советской экономике, которая почему-то решила индустриализироваться. Роль

Сталина и его соратников в них совсем никак не показана. Более того, некоторые историки договариваются до того, что утверждают, будто бы у Сталина не было готовой программы индустриализации, и в этом вопросе он шел за Бухариным [21. С. 160].

Нужно понять, уяснить себе, что в развитии чего-то всегда бывает две стороны. Одна сторона — материальная. То есть разнообразные возможности, наличие материалов, запасов, капитала, денег, технологий, оборудования. С наличием или отсутствием чего-то не поспоришь: завод либо есть, либо его нет, и это имеет различные последствия. А вот другая сторона — это воля человека, его состояние ума. В развитии эта сторона играет огромную роль, активную и ведущую[1]. Нередко человек способен действовать наперекор обстоятельствам. Столкнувшись с фактом отсутствия завода, он может сказать: «Построим!» и начнет решать задачу строительства остро необходимого завода.

Наличие или отсутствие заводов, шахт, рудников, дорог, оборудования и денег, это, конечно, серьезные обстоятельства, и в истории сталинской индустриализации они сыграли большую роль. Но нужно сказать со всей твердостью: без Сталина индустриализации не состоялось бы! Он был центром, сосредоточием и руководителем той воли населения страны, которая сдвинула трудноразрешимую экономическую задачу с мертвой точки. Именно Сталин сумел так сформулировать политику партии, что все силы страны оказались брошенными на разрешение задачи индустриализации, и это позволило добиться выполнения тех грандиозных планов.

Было потрачено немало слов на то, чтобы доказать неспособность Сталина к управлению страной[2]. Приводились самые разные доводы и примеры, в числе которых был и такой: вот, мол, Сталин, разгромив троцкистскую оппозицию, тут же вооружился идеями троцкистов о сверхиндустриализации, повел наступление на Бухарина, ликвидировал нэп и развернул коллективизацию крестьян. И, неизменно добавляют при этом, довел страну до развала.

Такого взгляда придерживались Троцкий и Валентинов, которые, собственно, пустили эту идею в широкое хождение. Понятно, из каких побуждений так говорил Троцкий — из желания оправдаться перед читателем его воспоминаний, уверить его в жизнеспособности своих идей, которые, мол, и сам Сталин не постеснялся заимствовать. Почему же так говорил Валентинов, оставивший детальное описание советской жизни середины 20-х годов, и сделавший много интересных наблюдений, сказать не могу.

Вслед за ними историки стали повторять, что Сталин заимствовал идеи троцкистов, что, мол, сталинская индустриализация делалась по троцкистским рецептам. Это утверждение можно встретить в очень даже солидных и достойных внимания исследованиях. Не обошли этот взгляд своим вниманием Эдвард Радзинский и Дмитрий Волкогонов. Любопытно, что он приводится на фоне замалчивания фактов хозяйственного строительства и деятельности Сталина на этом поприще. Замалчивают, надо полагать, не от злого умысла, а от простого незнания. Иначе, если б знали, то говорили бы совсем другие речи.

Все такие заявления, конечно, ерунда. Нельзя не заметить, что между взглядами Преображенского, троцкистов и Сталина на индустриализацию есть огромная разница. Первый говорит об этом вообще, в целом: «сверхиндустриализация». А второй говорит сугубо конкретно: заводы, станки, оборудование, машины. Обобщая, конечно, для необходимости охвата больших отраслей тяжелой промышленности.

Преображенский говорит об индустриализации, не выделяя никакой приоритетной отрасли. Сталин же, наоборот, говорит об индустриализации, как о развитии конкретно тяже-

[1] Этим заявлением я — о ужас! — порвал с диалектическим материализмом и переметнулся на сторону буржуазного идеализма. Для заинтересованных догматиков сделаю пометку, что Маркс воспринимал процесс труда, как «опредмечивание» человека, его мыслей и способностей в продукте этого самого труда.

[2] Особенно большая и богатая подборка такого рода высказываний в книге Дмитрия Волкогонова «Сталин: политический портрет». М., 1998.

лой промышленности, а еще конкретнее — машиностроения. Для Преображенского строительство металлургического и текстильного предприятия равнозначно. И то, и другое будет индустриализацией. А Сталин настаивает: индустриализация индустриализации рознь. С одним вариантом можно попасть в кабалу к капиталистам, а с другим нет. Нам, говорит Сталин, нужна такая индустриализация, которая бы не завела в эту кабалу. Одним словом, нужно стать страной, которая производит машины. Преображенский говорит, что для финансирования промышленности нужно взять средства у крестьянина. Сталин говорит, что нет, главные средства для промышленности будут взяты из доходов государства от внешней торговли, работы промышленности, из сэкономленных средств и займов у населения.

Эти утверждения могут показаться странными. Но, тем не менее, это так. Сам Сталин сформулировал свои взгляды с исчерпывающей ясностью в своих статьях и выступлениях:

«Просто развития государственной промышленности теперь уже недостаточно. Тем более недостаточен ее довоенный уровень. Теперь задача состоит в том, чтобы двинуть вперед *переоборудование* нашей государственной промышленности и ее дальнейшее развертывание *на новой технической базе»* [50. С. 255][1].

«Не всякое развитие промышленности представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа ее, состоит в развитии тяжелой промышленности, в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения» [51. С. 120][2].

Я привел четыре главных различия взглядов Преображенского и Сталина на индустриализацию, из чего вытекает, что утверждение о заимствовании Сталина взглядов троцкистской оппозиции — ложь. Когда Преображенский впервые выразил свои взгляды в печати, Сталин даже и на схожую тему не говорил. Это легко проверить по его собранию сочинений. А когда заговорил уже об индустриализации, то тут выяснилось, что взгляды Сталина существенно отличаются от взглядов Преображенского.

[1] Из статьи Сталина в «Правде» 7 ноября 1925 года — 50 // Сталин И. В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 7.

[2] Из выступления Сталина на собрании Ленинградского актива партии 13 апреля 1926 года.

Так вот получилось с идеей индустриализации. Спорить не приходится, что впервые эту идею высказал Преображенский. Его рецепт был первым рецептом строительства советской экономики, высказанный после смерти Ленина. Его идея оказала влияние на хозяйственную деятельность ВСНХ и воплотилась в виде ОСВОКа. Но там уже она попала в руки разработчиков, которые ни к троцкистам, ни к сталинистам уже никакого отношения не имели. Это были или беспартийные, или меньшевики-специалисты. Если продолжать логику Троцкого-Волкогонова, то нужно или признать, что бывшие меньшевики сделались поголовно троцкистами, или мы можем с полным правом план индустриализации назвать меньшевистским. Ни то, ни другое к истинному положению дел даже и не приближалось.

Они разрабатывали идею, в первую очередь исходя из реального положения хозяйства и промышленности, а не из туманных идей Преображенского. По ходу дела, разработанная коллективными усилиями троцкистов, бухаринцев и сталинистов, большевиков, меньшевиков и беспартийных с помощью дворян и бывших царских чиновников, сама идея индустриализации оторвалась от Преображенского, который в дальнейшей разработке никакого участия не принимал, утратила троцкистский дух и стала жить своей жизнью.

После долгих разговоров, споров и препирательств получился результат, который, собственно, и заинтересовал Сталина. Этим результатом был совершенно конкретный план, в миллионах рублей вложений и тысячах тонн продукции, который можно было воплотить в жизнь. Сталин, вошедший в историю как практик, сделал ставку именно на конкретный план, произнес свою историческую речь и внес упомянутые поправки в резолюцию съезда.

Потом, уже после съезда, партийные теоретики и хозяйственники предложили целый ворох рецептов строительства

советского хозяйства с опорой на тот или на другой класс, по такому или по другому принципу. Но они уже появились после того, как был разработан первый конкретный план, и потому для Сталина интереса не представляли. Кстати, сам тезис о сверхиндустриализации появился в устах троцкистов только в апреле 1926 года, всего за три месяца до закладки первенца индустриализации — Сталинградского тракторного завода.

В отличие от остальных партийных вожаков, Сталин несколько раз за свою послереволюционную карьеру проявил огромную прозорливость. В первый раз это случилось, когда он оказался во главе аппарата ЦК партии. Вскоре он понял, какую власть ему доверили, и что нужно только ее удержать, расширить и усилить. Во второй раз это случилось, когда он понял, что Ленин после удара не поднимется и к работе не вернется. Пока остальные члены Политбюро и ЦК ждали возвращения Ленина, Сталин развернул работу по укреплению своего влияния. Оба раза он ничего и никому о своих прозрениях не сказал.

И в третий раз он проявил огромную прозорливость, когда понял, какое значение имеет разработанный план развития промышленности. Если два первых случая противники сквозь зубы, но оценили, то третий случай остался совершенно неоцененным, при том, что этот план и в самом деле имел огромное значение.

Во-первых, это готовая политическая программа, которой нужно только придать внешний политический лоск. К тому же, что очень немаловажно, программа, отличная от всех имеющихся в партии фракций, в том числе и от похожих внешне предложений троцкистов. На вопросы всегда можно будет возразить, что наша программа конкретна и реальна, в отличие от предложений некоторых товарищей. Если этого окажется недостаточным, то можно предъявить толстый том с материалами этого плана. А если из нее убрать помощь крестьянству, то она годится для борьбы с Бухариным.

Во-вторых, в свете наметившегося поворота революции с запада на восток, в колониальные и зависимые страны,

программа индустриализации имела огромное значение и как пропагандистский пример, и как программа усиления первого социалистического государства. Если СССР достаточно усилится, то все остальные революционные партии и движения перейдут под советское руководство. Опираясь на мощную промышленность, на мощную советскую экономику, можно будет оказывать помощь революционерам в отсталых странах и подталкивать расширение революции во всем мире.

В-третьих, опираясь на сильную индустрию СССР, на мощные войска, можно будет занять гораздо более независимую позицию по отношению к развитым капиталистическим странам и смело противопоставить новую социалистическую систему капиталистической.

Одним словом, Сталин понял, что последовательно осуществленная программа индустриализации сделает его признанным вождем мирового революционного движения и главой мощной мировой державы.

Сталин не был бы Сталиным, если бы он свою догадку немедленно не воплотил в реальность. Уже 7 ноября 1925 года в праздничном номере «Правды» он помещает статью, в которой впервые высказывает свою идею индустриализации страны как политики партии:

«Теперь, в 1925 году, речь идет о том, чтобы сделать переход от нынешней экономики, которую нельзя назвать в целом социалистической, к экономике социалистической, которая должна послужить материальной основой социалистического общества» [50. С. 252][1].

Немного позже, уже после съезда и разгрома Зиновьева и Каменева, Сталин обращается к гораздо более глубокой и полной разработке этой идеи.

XIV съезд партии, кроме резолюции об индустриализации, принес еще и перестановки в руководстве.

Каменев и Зиновьев добивались съезда партии для того, чтобы на нем выступить против Сталина и провести свою реформу Секретариата ЦК. По их замыслу, новый Секретариат

[1] Первый раз статья публиковалась в «Правде», № 256 от 7 ноября 1925 года.

должен был состоять из Троцкого, Зиновьева и Сталина. Они на съезде выступили и даже призвали все оппозиционные группировки и партии объединяться. Но на этом их успехи кончились. Съезд, состоящий из делегатов, которые были выдвинуты подобранными Секретариатом руководителями местных организаций, с подавляющим перевесом отверг их требования и проголосовал за осуждение выступления оппозиционеров. На съезде они потерпели сокрушительное поражение.

16 января 1926 года собрался Пленум ЦК, на котором Каменев был снят с поста председателя Совета Труда и Обороны и с поста заместителя председателя Совнаркома. Зиновьев был снят с поста председателя Исполкома Коминтерна и с поста первого секретаря Ленинградского обкома, который заместил Киров. На место Каменева председателем СТО был назначен Рыков, совместивший под своим руководством два важных государственных и хозяйственных поста.

Из-за того, что Рыков не может замещать сразу два важных поста, для усиления Совнаркома направляется председатель ЦКК РКП(б) Валерьян Владимирович Куйбышев. Это уже сталинский ставленник. Он в дальнейшем привел на ключевые посты в ВСНХ своих людей, которые подготовили и начали строительство новых заводов. После смерти Дзержинского, Куйбышев принял управление всей государственной промышленностью, и сразу повернул курс ее развития в другое русло, определяемое сталинским пониманием задач индустриализации. В конце 20-х годов влияние Куйбышева на хозяйственную политику было огромным.

Итак, руководство хозяйством страны сосредоточилось в руках сталинского большинства в Политбюро. СТО и Совнарком находятся в руках Рыкова, сторонника курса Бухарина и Сталина. Совнарком усилен ставленником Сталина Куйбышевым. ВСНХ находится в руках Дзержинского, тоже активного сторонника курса Бухарина, и сторонника Сталина. Рыков в январе 1926 года провел в подвластных себе органах некоторую концентрацию власти, создав совещания заместителей для упорядочивания работы в Совнаркоме и в СТО. Рыков стал руководить этими двумя важнейшими государственными органами через совещания заместителей в них 152. С. 31].

Разгром оппозиционеров довершается разгромом зиновьевского руководства ленинградской парторганизации. Участник этого разгрома, Вячеслав Молотов, возглавлявший комиссию ЦК, поехавшую в Ленинград, в беседах с Феликсом Чуевым рассказал о событиях в Ленинграде в начале 1926 года:

«Ленинградская организация против ЦК большевиков? И вот тогда соорудили группу членов ЦК. Я был во главе, организатором этого дела, ударной группы „дикой дивизии", как нас называли зиновьевцы, Калинин, Киров, Бухарин, Томский, Ворошилов, Андреев, Шмидт, был такой, мы поехали сразу после съезда в ленинградскую организацию — снимать Зиновьева...

Нам надо было главные заводы не потерять. Чтоб не получилось так, что мы на второстепенных заводах победили, а у них крупные заводы были крепко организованы. Партийные комитеты в руках держались крепко. Моя задача была не провалить это дело...

А Путиловский — их главная база. Зиновьев все надеялся на Путиловский. А ко мне делегация путиловцев приходит: „Товарищ хороший, что ж вы к нам-то не заходите? Мы же путиловцы, мы же рабочие!". А я говорю: „Мы к вам придем, мы к вам придем хорошо, так, чтобы вам понравилось, мы все к вам придем. Дайте нам возможность посмотреть, как на других заводах".

Нам важно было окружить. И вот мы два наиболее сомнительных объекта отложили на потом. Фабрику резиновую „Треугольник"... Эту фабрику и Путиловский завод, которые были под большим влиянием Зиновьева, отложили...

Была газета „Ленинградская правда", она и теперь выходит. Мы там редактора сменили и поставили Скворцова-Степанова, известный переводчик „Капитала"...

Как только день кончается, я с ним договариваюсь, что напечатать, чтоб удар покрепче, на первом месте такие заво-

ды, которые наиболее нужны. И он это каждый день пускал. Значит, утром у нас уже выходит заряд. Так день один, другой, целую неделю мы лупили, лупили этих зиновьевцев, недели, наверное, полторы, не меньше. Последний завод — Путиловский. Опять пошли наши лучшие силы, и там мы получили большинство явное.

Одним словом, ни одного завода мы им не отдали. Везде победили. Вот только на „Треугольнике", по-моему, пополам...

Решили собрать конференцию... Дело сделано. Конференция — уже наши люди, там уже оппозиции почти не было. После завода нас районные конференции поддержали. Недели через две-три после этого разгрома на заводах была созванаконференция...

Бухарин был политическим докладчиком. И победили мы уже на конференции. Киров стал секретарем» [45. С. 304—305].

Чистка крупных заводов от оппозиционеров сыграла своеобразную роль в истории сталинской индустриализации. Была устранена угроза саботажа. После разгрома зиновьевцев их влияние на рабочих заводов Ленинграда сильно уменьшилось. Они теперь не могли организовать ни большое выступление против политики партии, ни забастовку. Отстоять заводы и парторганизацию Ленинграда было важным делом, потому что там было сосредоточено производство большей части тяжелого оборудования, энергетического машиностроения, комплектующих. Забастовка ленинградских заводов могла серьезно сорвать график строек и оборудования новых заводов СССР. Во главе этого промышленного комплекса был поставлен сторонник Сталина Киров.

После разгрома на съезде Троцкий, Каменев и Зиновьев оказываются отодвинутыми от управления страной и от реальных рычагов влияния. Их политический крах стал неизбежным, но, тем не менее, они продолжают борьбу. Зиновьев на конференции уступил, не желая принимать открытого поражения, и на время затаился в ожидании удобного момента для нового выступления.

Глава седьмая

СТАЛИН ПРОТИВ БУХАРИНА

> Мы будем многие десятки лет медленно врастать в социализм: через рост нашей промышленности, через кооперацию, через возрастающее влияние нашей банковской системы, через тысячу и одну промежуточную форму.
>
> *Н. И. Бухарин*

> Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые.
>
> *И. В. Сталин*

XIV съезд и январский Пленум ЦК 1926 года были тем поворотным пунктом, в котором Сталин стал отворачиваться от Бухарина. Теперь, после политического разгрома и дискредитации остальных претендентов на вождество в партии, Сталин остается единственным реальным руководителем, а Бухарин остается единственным теоретиком партии.

Острая надобность в поддержании блока с Бухариным для Сталина отпала. Аппарат ЦК уже находился у Сталина в руках. После разгрома оппозиции сталинское большинство в Политбюро укрепилось. Теперь Бухарин не обладал уже тем голосом, который склонял в пользу Сталина итоги голосования. После разработки нового хозяйственного плана отпала надобность и в теоретической работе Бухарина. Сталин почувствовал, что сможет сформулировать политику партии самостоятельно.

Так что теперь Бухарин стал помехой для взятия окончательной власти. Он претендовал на главную регалию вождя в партии — право толковать ленинизм и формировать официальный теоретический взгляд. Для Сталина же двух вождей быть не могло. После разгрома всех остальных претендентов, до окончательной, ленинской власти над партией оставалось сделать только один шаг — переступить через Бухарина. Сталин решает сделать этот шаг.

К этому его подталкивали разные обстоятельства. Во-первых, к 1926 году Сталин сосредоточил в своих руках управление кадрами и назначение на руководящие посты. Оставалось еще совсем немного времени, когда его ставленники и на съезде составят большинство и тогда смогут проводить сталинские решения в высшем руководящем органе партии — на съезде. Уже одно это обстоятельство означает власть над всей партией. Почему бы не взять окончательно то, что уже почти в руках? Остальные претенденты на власть были уже политически разгромлены и так дискредитированы, что уже не составляли угрозы. Власть в партии они взять все равно бы уже не смогли. По сути дела, в 1926 году Сталин и так уже командовал, только прикрывая свое командование коллегиальностью решений. Он и в дальнейшем продолжал прикрываться Политбюро вплоть до середины 30-х годов.

А, во-вторых, Сталин значительно окреп в плане теоретическом. У него теперь уже были наметки новой, своеобразной политики, которую он вознамерился проводить и которая отличалась от того курса, который защищал Бухарин.

И, в-третьих, та политика, которую Сталин собрался проводить, уже имела свой прообраз в реальной хозяйственной деятельности, а не была только на бумаге, как у Бухарина. Сталин делал все, чтобы стать политическим руководителем этого процесса, и всегда мог, в ответ на все возражения Бухарина, предъявить толстый том плана, уже проводимого в жизнь.

Здесь был чисто политический смысл. Зачем делить власть, пусть бы и номинально, с человеком, который своей властью не обладает? Зачем делиться властью с человеком, участие которого в удержании ее с каждым днем все уменьшается? Правильно, незачем. То есть в начале 1926 года Сталин уже имел все предпосылки для взятия единоличной власти над партией и государством. Нужно сказать, что он этими предпосылками воспользовался в полной мере.

Вот этот момент советские и российские историки тоже почему-то проглядели. Проглядел этот момент даже такой талантливый писатель, как Эдвард Радзинский, написавший, на мой взгляд, лучшую биографию Сталина в России[1]. Хотя заметить этот поворот и должным образом его оценить — это дело элементарное. Достаточно только сложить все вместе: обстоятельства внутрипартийной борьбы, теоретическое творчество вождей, факты хозяйственной и государственной деятельности, чтобы убедиться в том, что все эти события и факты имеют между собой глубокую взаимосвязь.

Странно, в высшей степени странно, что историки совершенно не дают объяснения тому, как Сталин разошелся с Бухариным. Ни очевидцы Бажанов[2], Валентинов и Троцкий, ни исследователи Волкогонов и Радзинский, биографы Сталина, ни Коэн, биограф Бухарина. У всех из них события истолковываются примерно схожим образом: Сталин задумал великий перелом в судьбе крестьянства, Бог весть, почему он этот перелом задумал и стал проводить антикрестьянскую политику. А вот Бухарин стал возражать, на том они не сошлись, и разногласия кончились разгромом Бухарина. Версия гладкая, логичная и неверная.

То, что борьба Сталина и Бухарина была совершенно непохожа на борьбу с Троцким и Зиновьевым, наших и зарубежных историков совершенно не смущает. Коэн выдвинул изящное объяснение этому факту: мол, разногласия нарастали постепенно и поначалу выражались «эзоповым языком»: мол, Бухарин понимал силу Сталина и потому поначалу решил критиковать его курс косвенно.

---

[1] Которая, впрочем, тоже пестрит ошибками, неточностями и передержками,

[2] Бажанов, вне всякого сомнения, мог бы дать такое объяснение, но к 1926 году он уже ушел из секретарей Политбюро.

Странное объяснение Коэна входит в противоречие с примерами внутрипартийных нравов. Когда было нужно, за словом большевики в карман не лезли. Троцкого, например, критиковали очень остро и открыто. Сам Троцкий тоже не оставался в долгу. Выбили его с важных должностей чуть больше, чем за год. Прошел еще год, и Троцкий был выведен из Политбюро и ЦК партии, стал политическим изгоем.

Зиновьева и Каменева разгромили еще быстрее, всего за полгода. Еще через полгода разгромили блок Троцкого, Зиновьева и Каменева, и последних не только выбросили со всех высоких постов, но еще и из Политбюро и ЦК, а потом и вовсе выгнали из партии.

А вот с Бухариным борьба шла долго, больше трех лет. Только 6 февраля 1928 года произошло резкое столкновение. 11 июля 1928 года Бухарин встретился с Каменевым, разгром бухаринцев начался только с заседания московской парторганизации 18—19 октября 1928 года, а капитуляция бухаринцев состоялась только 29 ноября 1929 года.

Ответа на вопрос, почему борьба с Бухариным шла столь долго, невозможно найти, если рассматривать только историю политической борьбы и теоретических споров, как то делает Коэн и остальные исследователи. Вот борьба с Троцким и Зиновьевым действительно была без всяких оговорок борьбой политической, в которой были все средства хороши. Она прошла быстро и бурно. Но с Бухариным было не так.

Основой столкновения Сталина и Бухарина был совершенно конкретный, фактически осуществляемый курс в хозяйственном строительстве. Борьба первоначально шла вокруг этого хозяйственного курса, на первых порах руками сторонников той и другой стороны в хозяйственных органах. Сталин и Бухарин были выразителями двух разных тенденций в хозяйственном развитии страны, при полном согласии в политических вопросах. Между сталинцами и бухаринцами в хозяйственных и плановых органах шла долгая, изнурительная и запутанная борьба за способ развития страны. Когда индустриализация только начиналась, между Сталиным и Бухариным были мир и понимание. Но как только Сталин повернул к гораздо более решительной и быстрой индустриализации и в промышленности, и в сельском хозяйстве, то тут Бухарин выступил против сталинского курса.

Итак, предметом борьбы после крушения Зиновьева стала уже не власть над партией как таковая, а определенная политика, понимание задач развития страны, конкретный хозяйственный план. И Сталин, и Бухарин в конечном счете были согласны в конечной цели политики партии — проведении индустриализации страны. Это было понятно. Расхождения состояли в методах и сроках, целях индустриализации.

Бухарин стал известен как сторонник укрепления сельского хозяйства методами новой экономической политики, то есть различными уступками сельскому единоличному хозяйству. Раньше это было главной темой его работ и выступлений. Однако весной 1926 года, на фоне развернувшейся грандиозной работы, его взгляды тоже начали корректироваться. Он повернулся, не сходя в основном со своих прежних позиций, в сторону промышленности и обратился к вопросу индустриализации страны. В мае 1926 года он выдвинул свой рецепт реконструкции промышленности страны:

«Мы считаем, что та формула, которая говорит — максимум вложений в тяжелую индустрию — является не совсем правильной или, вернее, неправильной. Если мы дожны иметь центр тяжести в развитии тяжелой промышленности, то мы должны это развитие тяжелой индустрии сочетать все-таки и с соответствующим развертыванием легкой индустрии, более быстро оборачиваемой, более быстро реализуемой, возвращающей скорее те суммы, которые были на нее затрачены» [46. С. 305].

Все-таки, что бы там о Бухарине ни говорили, рецепт индустриализации он предложил чисто теоретический, который мало чем отличался от рецепта Преображенского, несмотря на то, что первый стремился всеми силами отмежеваться от второго. С точки зрения теории он, может быть, и правильный, но неверный и неосуществимый с точки зрения практики.

К слову сказать, что все противники Сталина выдвигали, в общем, схожие предложения. Вот Бухарин, Рыков и Томский защищали приоритетный рост легкой промышленнос-

ти. Базаров тоже защищал легкую промышленность и особенно настаивал на импорте тракторов и автомобилей. Сокольников требовал приоритетного роста сельского хозяйства. Того же самого требовали профессора Кондратьев и Литощенко в Госплане. Все их требования объединялись одним — сохранением сложившегося положения в экономике. Они исходили из того, что все пропорции советского хозяйства должны быть в неприкосновенности сохранены.

К лету 1926 года в самых основных чертах оформилась и сталинская программа индустриализации. Он представил четкий курс на развитие тяжелой промышленности и машиностроения. Причем машиностроение поднималось, согласно замыслу, на самый высокий мировой уровень. Собственно, развитие машиностроения до мирового уровня и выше — это и есть программа сталинской индустриализации.

В одной этой фразе заключен большой план. Мировой уровень конца 20-х годов — это автомобили, тракторы, самолеты-монопланы, дирижабли, танки. Все эти виды техники представляют собой сложную комбинацию различных узлов и агрегатов, каждый из которых требует своего производства. В одном только автомобиле[1] около 3 тысяч деталей. В тракторе — около тысячи. Каждую деталь нужно производить массовым, поточным способом, по своей технологии и на своем оборудовании. Выпуск одних только метизов и подшипников превращается в отдельную отрасль машиностроения. Сталь для каждой детали нужна с особыми свойствами. Для производства автомобиля и трактора используется с десяток видов самых разных сталей.

Развитие, например, только одного тракторостроения требует развития многих сопутствующих производств, начиная от выплавки высококачественной стали и кончая массовым изготовлением шайб и гаек[2]. И для развития автостроения

[1] Автомобиль 20-х годов — не чета нашему. По сравнению с нашими машинами он кажется очень простым.

[2] Могу привести такой пример. В газогенераторном двигателе, поставленном на конвейер в конце 30-х годов, использовалось 18 тысяч специальных колец. В 40 тысячах тракторов, которые за год мог выпустить один тракторный завод в СССР, таких колец в сумме используется 720 млн штук. Вот что такое массовое производство!

требуется множество сопутствующих производств. И для развития самолетостроения тоже. На один самолетный сборочный цех начала 30-х годов работало около тысячи заводов-поставщиков.

Для изготовления серпов и кос, плугов и жаток ничего этого не требуется. Для сельхозинвентаря не требуется хромо-ванадиевой и никелевой стали, не требуются сотни заводов-смежников. Серп можно и в кузнице выковать из обычного углеродистого железа. Совсем не нужно заводов-смежников для текстильного производства. Ткацкие машины можно, в крайнем случае, и за границей купить.

Это веши, самоочевидные для всякого, кто хоть раз дал себе труд познакомиться с машиностроительным производством. Поставив целью развитие машиностроения, Сталин оказался вынужденным сделать и следующий шаг, начать развитие всех сопутствующих производств. Нельзя строить трактор, если нет качественной стали и чугуна, нет медного проката, если подшипники и болты с гайками покупаются за границей. Значит, развитие машиностроения — это одновременно и развитие доброго десятка отраслей: от станкостроения до метизного производства.

Для всего этого хозяйства требуется металл в огромных количествах. Развитое машиностроение пожирает колоссальное количество чугуна, стали, меди, никеля и других металлов. Значит, для развития машиностроения нужно развитие металлургии, как черной, так и цветной. Нельзя строить ни трактор, ни автомобиль, если нет металла.

Строительство новых заводов во всех отраслях тяжелой промышленности потребует расхода колоссального количества строительных материалов, в первую очередь бетона, кирпича и металлоконструкций. Будут возводиться тысячи корпусов и цехов, десятки тысяч зданий, сотни тысяч жилых домов для рабочих.

Для строительства и работы всех построенных заводов нужно оторвать от земли десятки миллионов человек, обучить их самым разным профессиям и поставить к станкам и машинам. Работать на земле они, понятно, уже не смогут,

и, значит, нужно позаботиться об их снабжении продовольствием.

Кратко говоря, одна-единственная фраза о развитии машиностроения и превращении СССР из страны, ввозящей машины, в страну, производящую машины, означает на деле огромные изменения в хозяйстве, количественные и структурные, во всех ее отраслях.

Изменения эти — эпохальные. Сталин, в отличие от всех остальных, повел курс на кардинальные изменения в экономике, курс на ее перестройку. С такой программой Сталин не мог не разойтись с Бухариным. То, что он намеревался сделать, в корне противоречило всем взглядам Бухарина, всем его надеждам и лозунгам. Сталин начал работу по строительству новых заводов, уже достаточно ясно понимая, к чему все это приведет. Бухарин же и его сторонники поняли это только тогда, когда дело дошло до Великого перелома крестьянства. Но тогда протестовать было уже поздно.

Это вещи, повторю, самоочевидные. Глубокая связь между отраслями хозяйства секрета не представляет. Об этом должен знать любой хоть сколь-нибудь образованный человек. Только вот советские историки, товарищи с кандидатскими и докторскими степенями, отдавшие образованию не один десяток лет, при высоких должностях, с десятками и сотнями научных работ, тем не менее, упорно этого факта не замечают. Они говорят, что: «Сталин очень поверхностно знал экономику»; «Сталин не был теоретиком. Его выводы опирались чаще на цитаты, помноженые на волевые импульсы»; «Сталинский интеллект — в плену схемы» [53. С. 195; 201; 217] и так далее.

Здесь уместно спросить: а сами доктора-профессора экономику хорошо знают? Их интеллект, наверное, точно не в плену схемы?

Для этого к Пленуму ЦК, который должен был состояться в начале апреля 1926 года, Рыков, как председатель Совнаркома и Совета Труда и Обороны, должен был представить доклад о состоянии хозяйства и экономики. На стадии подготовки этого доклада стали впервые обнаруживаться расхождения между позициями сторонников Бухарина и сторонников Сталина.

Рыков, давно занимающийся хозяйственной работой и два года руководящий Совнаркомом, был, пожалуй, наиболее последовательным сторонником новой экономической политики. В области развития промышленности новая экономическая политика в ее наиболее развитом виде выражалась в ориентации на внутренний, прежде всего крестьянский рынок, который требовал товаров широкого потребления. Рыков как раз отстаивал линию на развитие именно тех отраслей промышленности, которые производят такие товары. Приоритет он отдал легкой промышленности.

В таком духе им был составлен первоначальный вариант доклада. 17 марта 1926 года Рыков направил проект доклада Дзержинскому в ВСНХ и своему заместителю по Совнаркому Куйбышеву. Они, прочитав доклад, пришли к выводу, что в таком виде он никуда не годен, и внесли в него большие и существенные поправки. Рыкову пришлось исправлять текст доклада. 26 марта исправленный проект доклада был снова направлен Дзержинскому в ВСНХ, Куйбышеву в ЦКК-РКИ, а также Кржижановскому в Госплан и Сталину в Секретариат ЦК. Только после внесения ими поправок и уточнений, которые весьма существенно изменили смысл доклада, наконец был составлен окончательный, удовлетворяющий всех, текст. В этой редакции он был прочитан на Пленуме ЦК 6 апреля 1926 года.

Основной смысл доклада, кроме, конечно, картины сложившегося положения в хозяйстве страны, сводился к тому, что дальнейшее развитие полностью зависит от строительства новых заводов и фабрик, а это уже полностью зависит от тех средств, которые есть в распоряжении у государства. Вывод состоял в том, чтобы развернуть работу по накоплению капиталов для строительства новых заводов, и одновременно на уже имеющиеся средства, начать подготовительные строительные работы. Шаг за шагом, разворачивая борьбу за экономию средств, работу по получению доходов от торговли на внутреннем и внешнем рынках,

по получению займов, нужно накопить капитал, уточнить планы строительства и выполнить программу индустриализации.

Это выступление впервые провозгласило программу конкретных мер в деле индустриализации страны, предложило ее метод осуществления, основанный на конкретных данных и конкретных достижениях советской промышленности. Пока в докладе говорилось об индустриализации вообще. Сталин, однако, уже тогда говорил о приоритете тяжелой промышленности и машиностроения, но акцента на этом делать пока не стал. В докладе такого акцента сделано не было.

На Пленуме, после доклада Рыкова, развернулась дискуссия между сталинцами и оппозиционерами. Каменев и Троцкий выступили в прениях, заявили, что предложенная программа минималистская, и провозгласили свой знаменитый тезис о «сверхиндустриализации». Мол, нужно отбросить все сомнения и сразу же, сейчас, взяться за строительство больших заводов, за развитие тяжелой промышленности, за подъем в разы производства. К чему накопления, к чему планы, когда уже есть в руках власть над большим государством.

Это заявление вызвало несколько ироничную реакцию хозяйственников. Оппозиционеры и сталинцы уже тогда говорили на разных языках, о совершенно разных вещах и не понимали друг друга. Первые говорили о политических лозунгах, а вторые — о конкретной программе строительства. Дзержинский вот так охарактеризовал выступление Каменева с этим тезисом:

«Мне кажется, что у Троцкого и Каменева идет вопрос не об индустриализации страны, не о том, откуда найти средств для усиления основного капитала нашей страны, а о том, каким образом сколотить политический капитал для их политических целей, для политических комбинаций» [47. С. 291].

В конечном счете у Троцкого и Каменева ничего не получилось. Пленум одобрил позицию, изложенную в докладе, и принял резолюцию, выдержанную в духе доклада Рыкова.

Эта резолюция Пленума давала ход планам строительства новых заводов.

Все эти события на хозяйственном фронте происходили на фоне продолжения политической борьбы внутри партии. Несомненно то, что обстоятельства политической борьбы оказывали свое влияние на формирование хозяйственного курса партии.

В то время, в 1926—1927 году, оппозиционеры Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие уже не могли повернуть хозяйственный курс партии в другую сторону. Для этого у них уже не было авторитета и влияния. Партия прочно находилась в руках Сталина. На XIV съезде партии он провел даже переименование партии. Теперь она называлась Всесоюзной Коммунистической партией (большевиков) — ВКП(б).

Но вот что могли и что фактически сделали оппозиционеры, так это помогли окончательному оформлению курса партии, так сказать — «от противного». Они помогли избавлению от некоторых старых подходов и взглядов, которые были в широком ходу в начале и в середине 20-х годов.

Для того, чтобы еще дальше отодвинуть Троцкого и Зиновьева от руководства с дальнейшей перспективой исключения из партии совсем, Сталину нужно было показать их взгляды в качестве предательства и извращения ленинизма. Мол, примазались к ленинизму и под шумок, потихоньку извращали его. Эта задача была понятна. Однако сделать это было гораздо сложнее, чем поставить такую задачу. Дело в том, что Троцкий, Зиновьев и Каменев придерживались взглядов, которые, с одной стороны, были очень схожими с теми, которых придерживался сам Ленин, а с другой стороны, не так давно именно эти взгляды были официальной позицией партии. Прошло ведь всего два года с тех пор, как Зиновьев и Каменев сами были руководителями партии и членами «тройки», предрешавшей все вопросы.

Различия во взглядах Ленина и того же Зиновьева или Троцкого, конечно, были. Их и не могло не быть. Но было ясно, что делать акцент на эти расхождения — дело провальное. Нужно будет, в таком случае, доискиваться тончайших оттен-

ков смысла в их фразах и пытаться доказать, опираясь на эти оттенки смысла, что они отошли от ленинизма. Сталин хорошо помнил такого рода борьбу, которую он наблюдал на съездах и в кулуарах, где нешуточные столкновения шли из-за фраз и тонкостей смысла.

Она, может быть, и годилась для интеллигентской партии, где абсолютное большинство членов имеет образование и может разобраться в теоретических тонкостях. Но этот вид борьбы совсем не годился для новых условий, когда партия стала массовой и, в массе своей, малообразованной. По крайней мере, подавляющее большинство членов партии совершенно не разбиралось в теоретических вопросах и шло за руководством партии. Если поставить на тонкости теории и смысла высказываний, то партийные массы не поймут. Это с одной стороны. А с другой стороны, Троцкий и Зиновьев, как более оборотистые и умелые пропагандисты, сумеют повернуть положение в свою пользу.

Нужно было все предательство Троцкого и Зиновьева объяснить партийной массе на наиболее простых и ясных примерах, в которых они и ленинизм будут противопоставлены друг другу и будут находиться в антагонистическом противоречии. А вот этого невозможно было добиться, если в сам ленинизм не внести некоторых поправок.

Некоторого упрощения ленинизма требовали не только нужды внутрипартийной борьбы, но и нужды очень широкой агитации в массах рабочих, в подавляющем большинстве своем бывших в те времена малограмотными. Начавшееся строительство требовало разъяснения его целей и задач всем его участникам, причем разъяснения, связанного с политикой партии, с лозунгами партии. Для того, чтобы разъяснить смысл партийного лозунга, в духе ленинизма конечно, малограмотному рабочему или крестьянину, нужно было несколько упростить сам ленинизм, приблизить его к уровню понимания рабочей массы.

Впоследствии это стало обвинением Сталина: «Вульгаризация, упрощенчество, схематизм, прямолинейность, безапелляционность придали взглядам Сталина примитивно-ортодоксальный характер»; «Сталин был большим мастером

упрощения теории марксизма-ленинизма, часто до примитивизма» [53. С. 217, 224]. Как только не склоняли его якобы примитивные взгляды, забывая при этом о тех пропагандистских задачах, которые встали перед партией, взявшей на себя руководство хозяйственным строительством.

Сталин не мог упростить теоретическое и литературное наследство Ленина, Маркса и Энгельса просто потому, что никогда этого не делал. При жизни Сталина много раз выходили сборники и собрания сочинений классиков. Вышло три собрания сочинений Ленина, и потом, уже после войны, четвертое собрание, на сей раз полное. Выходило большое количество самых разнообразных собраний и сборников работ других классиков марксизма, специально в дешевых, массовых изданиях, которые тщательно изучались на занятиях политучебы. После войны вышло полное собрание сочинений Маркса и Энгельса. В 30-х годах в библиотеках еще были на свободном доступе дореволюционные издания классиков и Ленина. Все, кто только желал, могли ознакомиться с работами классиков в оригинале и практически без купюр.

Другое дело, что для пропагандистской работы Сталин создал несколько упрощенный, по сравнению с оригинальными работами, более схематичный и ясный курс марксизма-ленинизма. Эту работу он начал еще в 1924 году, и она, в конце концов, завершилась с изданием «Краткого курса истории ВКП(б)»[1]. Ну и, конечно, в своих статьях и выступлениях добивался кристальной ясности мысли.

[1] К слову сказать, оценка «Краткого курса» современниками была совершенно иной. Она тщательно изучалась и бережно хранилась. Солдаты нередко брали эту книгу на фронт. Даже противники Сталина ценили эту книгу. При разгроме штаба УПА — «Центрального провода» — солдаты НКВД нашли несколько десятков экземпляров «Краткого курса». — *Примеч. авт.*

В стремлении показать другой лик Сталина автор несколько переусердствовал. Оценить «кристальную ясность» сталинской мысли нетрудно — надо только потратить время на чтение его сочинений. Только честно предупреждаю — удовольствие сродни процессу жевания вара. И еще вопрос: кто именно «тщательно изучал» и «бережно хранил» книгу Сталина? Крестьянские и пролетарские парни, которым и правда любую идеологию преподносить было нужно в как можно более упрощенной версии. Пусть Сталин молодец, что ее создал,— но версия-то все равно упрощенная... — *Примеч. ред.*

Если хотите, то можно сказать и так: Сталин создал более простую и удобную в пропаганде версию марксизма-ленинизма.

В 1926 и 1927 годах Сталин занимался двумя главными проблемами, которые больше всего его интересовали. Первая проблема — это международное положение и руководство революционным движением по всему миру. Сталин и Бухарин, ставший руководителем Коминтерна, пытались создать в Китае плацдарм для революции путем заключения и поддержания союза между китайскими коммунистами и националистами в Гоминьдане[1].

Вторая проблема, над которой Сталин работал в течение 1926 и 1927 годов,— это вопрос о программе оппозиции. Он работал над доказательствами коренного отличия политики Политбюро от высказываний Троцкого и Зиновьева. Он это доказывал не только словами, но и делами.

Как я уже говорил, после XIV съезда партии и январского Пленума ЦК Зиновьев и Троцкий не успокоились. Они продолжили борьбу, только теперь уже полуподпольными методами. Троцкий, Каменев и Зиновьев достигли соглашения о совместном выступлении на апрельском Пленуме ЦК, на который выносился вопрос о хозяйственном положении. На нем они и выступили после доклада Рыкова, чем заявили о существовании вполне сложившегося троцкистско-зиновьевского блока.

Активность оппозиционеров заставила Сталина предпринять против них меры противодействия. 14 июля 1926 года был созван Пленум ЦК и ЦКК, на котором был поставлен вопрос об оппозиционной группе. Троцкий и Зиновьев выступили и здесь, представив свою декларацию с подписями своих сторонников. Посыпались взаимные обвинения и начались дебаты, из-за которых Пленум затянулся на неделю. Прения были настолько остры, что не выдержал напряжения Дзержинский, умерший после своего страстного выступления. В конце концов, даже несмотря на потери, Сталину удалось одержать победу, и удержать за собой большинство в ЦК.

[1] Партия национального возрождения Китая, под руководством Чан Кай-ши. Коммунисты вошли в нее особой фракцией в целях усиления для борьбы с китайскими милитаристами, развязавшими гражданскую войну.

Дзержинский умер неожиданно. 14 июля 1926 года собрался Пленум ЦК и ЦКК, на который были вынесены вопросы фракционной деятельности оппозиционеров. Троцкий, Зиновьев и их сторонники вынесли к этому Пленуму свою общую декларацию. Члены Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии собрались для того, чтобы разобрать эту декларацию, оценить поведение членов оппозиции и принять по ним решение.

Как и следовало ожидать, обсуждение вышло далеко за рамки общей декларации. С течением тяжелого диспута центр внимания перемещался от более общих вопросов к более частным, и, наконец, в центре внимания спорящих сторон оказалась хозяйственная политика партии.

В числе руководства ВСНХ был один из наиболее последовательных сторонников Троцкого, наиболее радикально настроенный человек из его окружения, — Пятаков. Он, не принявши нэп, проводил и поощрял методы директивного управления хозяйством, вполне в стиле времен Гражданской войны. Одной из наиболее характерных черт этой политики было строгое недопущение хоть каких-нибудь рыночных механизмов снабжения государственных предприятий, вывод их из рыночного оборота сырья, топлива и товаров. Пятаков вел борьбу за устранение рынка из снабжения госпредприятий с переменным успехом, но каждая такая попытка оборачивалась созданием все новых контрольных и согласующих органов и введением все новых форм отчетности. Спустя некоторое время этот аппарат будет разрушен почти до основания. Но во времена Пятакова объем отчетности доходил до устрашающих размеров. Нередко отчеты трестов занимали тысячи страниц и выполнялись в нескольких томах. Одно только составление их обходилось в миллионы рублей.

В снабжении было еще хуже. В то время бóльшую часть нужного промышленного сырья заготавливали и обрабатывали мелкие и средние предприятия, коих насчитывались ты-

сячи, объединенные в десятки трестов. Сельскохозяйственное сырье заготавливалось по линии сельской кооперации, которая тоже имела огромный и разветвленный аппарат. Плюс еще были центральные органы: главки, управления, которые занимались контролем и планированием. Для того, чтобы получить нужное сырье или материалы, предприятие должно было составить десятки заявок и пройти десятки согласований. Например, план треста союзного значения должен был пройти восемь согласующих инстанций. А план треста республиканского значения — 16 инстанций. Легко себе представить, какая бюрократия сопровождала хозяйственную работу.

И вот 20 июля на Пленуме спор зашел о хозяйстве. Пятаков выступил с резкой речью, в которой обвинял сторонников Сталина, в том числе и Дзержинского, в развале хозяйства, в бюрократическом перерождении и чуть ли не в предательстве революции путем извращения хозяйственной политики.

Это выступление Пятакова вызвало бурное возмущение Дзержинского, необычное даже для его темпераментного характера. Он оборвал речь Пятакова, и закричал, показывая пальцем в его сторону: «Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности!»

Дзержинский разразился в ответ на пятаковские обвинения бурной и взволнованной речью. Он обрушился на Пятакова, на проводимую им политику, припомнил его собственные бюрократические замашки и историю со знаменитым приказом о повышении цен и бесконечные нападки на беспартийных специалистов ВСНХ:

«Я прихожу прямо в ужас от нашей системы управления, этой неслыханной возни со всевозможными согласованиями и неслыханным бюрократизмом» [8. С. 168—169].

Через три часа после окончания заседания Пленума ЦК 20 июля 1926 года Дзержинский умер.

Обычно его представляют в роли Председателя **ВЧК-**ГПУ. Значительная часть литературы о Дзержинском так или иначе посвящена его деятельности на ниве борьбы с внутренними врагами революции. В книге «Неизвестный

Дзержинский», вышедшей в 1995 году, в первой части рассказывается о его дореволюционной деятельности, а во второй — о его работе в ВЧК, конечно, с очень подробным освещением расстрелов и расправ чекистов. Мысль проста: «неизвестный Дзержинский» — это и есть кровавый палач **ВЧК.** О его хозяйственной деятельности не было ни слова.

Хотя если и писать книгу с таким названием, то она должна рассказывать именно о хозяйственной работе Дзержинского. Это и есть самая малоизвестная сторона его жизни. Если бы не работы С. С. Хромова, так и не знали бы, что без Дзержинского индустриализация, возможно, и не состоялась бы[1].

За полтора года работы на посту Председателя ВСНХ Дзержинский сделал очень большой вклад в развитие советской промышленности. Я бы сказал, что вклад этот был решающим в деле дальнейшего развития. В годы индустриализации кем-то из индустриализаторов был пущен в ход меткий афоризм о том, что старые заводы строили новые. Так оно, в общем, и было. Значительная часть оборудования и металлоконструкций для новых заводов изготовлялась на старых, давно работающих. От их работы зависели сроки строительства и сроки пуска новостроек в эксплуатацию. На старые заводы жали изо всех сил, чтобы ускорить пуск новостроек.

Так вот, заслуга Дзержинского состоит в том, что он привел имеющееся в наличии в 1925—1926 годах производство в более или менее работоспособное состояние.

Когда он пришел на пост Председателя ВСНХ, в СССР выплавлялось 1 млн 550 тысяч тонн чугуна, 1 млн 623 тысячи тонн стали и производилось 1 млн 396 тысяч тонн проката.

В конце 1925/26 года, сразу после смерти Дзержинского, выплавка и производство составили: чугун — 2 млн 202 тысячи тонн, сталь — 2 млн 910 тысяч тонн, прокат — 2 млн 259 тысяч тонн. Рост по чугуну составил 70,4%, по стали — 55,8%, по прокату —61,8%.

[1] Если бы при этом не был бы одновремнно кровавым и убежденным палачом! Как было бы замечательно! — *Примеч. ред.*

В 1924 году работало 45 доменных и 115 мартеновских печей. В 1926 году Дзержинский оставил после себя 53 работающих домны и 149 работающих мартеновских печей. При нем были расконсервированы и пущены: Енакиевский, Донецко-Юрьевский им. Ворошилова и Константиновский металлургические заводы на юге и пять металлургических заводов на Урале. Кроме металлургических заводов, было расконсервировано и пущено еще 400 других предприятий различных отраслей. Загрузка заводов составила 101% от уровня 1913 года.

СССР в 1926 году вышел на 7-е место по выплавке чугуна и на 6-е место по выплавке стали, сосредоточив в своих руках 3,2% мировой выплавки стали.

При Дзержинском началось первое строительство. Были заложены: металлургический завод в Керчи, заводы сельскохозяйственного машиностроения в Ростове и Златоусте, метизный завод в Саратове [47. С. 317—325].

Это и есть то наследство, которое оставил после себя Дзержинский в советской металлопромышленности: работающие предприятия, работающие печи, новостройки и большой задел на будущее в виде планов восстановления основного капитала. Без этого задела осуществление индустриализации было бы трудноосуществимым.

Сталину, даже после потери Дзержинского, удалось одержать победу над троцкистами. Против них выступило большинство ЦК с резкими и нелицеприятными возражениями.

Выступление большинства в ЦК против оппозиции подействовало на Троцкого. Он признал свои «Уроки Октября» ошибочными и покаялся в своем выступлении против партии. Члены Центрального Комитета осудили выступления оппозиционеров и перешли к карательным мерам. Теперь уже Троцкий не был неприкосновенной фигурой. На этом Пленуме он был выведен из ЦК. Каменев и Зиновьев выведены из Политбюро, но пока были оставлены в ЦК, с условием обязательного покаяния в своих ошибках. Пленум ЦК решил вывести из ЦК и исключить из партии в случае еще одного выступления против позиции большинства.

Однако, несмотря на еще одно поражение, оппозиционеры не сдались и продолжали в течение лета и осени 1926 года вести свою агитацию в парторганизациях. Троцкий так пишет об этом времени:

«Борьба в течение 1926 года разворачивалась все острее. К осени оппозиция сделала открытую вылазку на собраниях партийных ячеек. Аппарат дал бешеный отпор, идейная борьба заменилась административной механикой: телефонными вызовами партийной бюрократии на собрания рабочих ячеек, бешеным скоплением автомобилей, ревом гудков, хорошо организованным свистом и ревом при появлении оппозиционеров на трибуне. Правящая фракция давила механической концентрацией своих сил, угрозой раскола. Прежде чем партийная масса успела что-нибудь услышать, понять и сказать, она испугалась раскола и катастрофы. Оппозиции пришлось уступить» [38. С. 504].

Это обстоятельство произвело на Троцкого большое влияние, и он фактически отошел от активной деятельности. Оппозиционный блок распался. 4 октября 1926 года в ЦК поступило заявление о согласии начать переговоры. Политбюро выставило условие — прекратить фракционую деятельность и написать заявление с признанием своих ошибок. 16 октября такое заявление было составлено и подписано всеми самыми видными членами оппозиции. 21 октября 1926 года, за неделю до открытия XV конференции, собрался Пленум ЦК и ЦКК, который принял капитуляцию. Было принято решение поставить в повестку дня конференции, кроме вопроса о хозяйственном положении и доклада, еще и вопрос об оппозиционном блоке в партии с докладом по этому вопросу Сталина.

Сталин выступил с этим докладом на конференции 1 ноября 1926 года. Стало ясно, что оппозиция Троцкого и Зиновьева потерпела окончательное поражение. Теперь уже никакие меры не помогут вернуть того, что было. Любое их выступление теперь будет наказываться все строже и строже. Если до этого они были только членами ЦК, у которых есть какое-то свое, особенное мнение, которое они отстаивают, то теперь их официально назвали оппозиционным блоком, фракцией,

и подвели под действие решения X съезда партии. С этого момента, спустя некоторое время затишья, троцкистская и зиновьевская оппозиция начнет эволюционировать в сторону превращения в подпольную, законспирированную организацию с целью свержения Сталина и Советской власти.

XV конференция, кроме окончательного ниспровержения Троцкого, положила конец спорам вокруг хозяйственной политики. 3 ноября 1926 года конференция приняла резолюцию «О хозяйственном положении страны и задачах партии», которая содержала уже директивы хозяйственного строительства.

В преамбуле этой резолюции было заявлено:

«Под руководством ВКП(б) завершилась в общем и целом огромная работа по восстановлению народного хозяйства. Восстановительный период может считаться в общих чертах завершенным» [54. С. 538].

Эта фраза впервые говорила о некоем восстановительном периоде в хозяйственном строительстве. До этого никто ничего по этому поводу не говорил. О «восстановительном периоде» не говорилось, а говорилось о восстановлении конкретных предприятий и отраслей, потом о восстановлении основного капитала. Этом заявлением Сталин как бы подводил черту под всей предыдущей работой, отграничивая ею свою политику от той, что была до него: вот — период восстановительный, а вот — период реконструкции.

Конференция провозгласила совершенно новый лозунг хозяйственной работы, который тоже до этого не применялся. Впервые была заявлена в директивном тоне, представлена задачей партии в хозяйственном строительстве цель — догнать и перегнать передовые капиталистические страны:

«Все усилия партии и Советского правительства должны быть в первую очередь направлены на обеспечение такого расширения основного капитала, которое обусловило бы постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе.

Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» [54. С. 539].

Но и это еще не все. Резолюция впервые поставила совершенно конкретную задачу хозяйственного строительства: не просто развитие хозяйства вообще, подъем производительности, улучшение качества, насыщение рынка, а развитие одной отрасли производства, роль которой была признана решающей:

«Имея в виду необходимость форсированной постройки в нашей стране производства орудий производства с целью уничтожения зависимости от капиталистических стран в этой решающей для индустриализации области, конференция ставит задачу всемерного развития *машиностроения*. В этом направлении должны идти главные усилия руководящих органов промышленности, сюда должны быть направлены лучшие технические силы и лучшие коммунисты-администраторы» [4. С. 547].

Этой резолюцией работа была повернута в совершенно новое русло, не предусмотренное и не запланированное всеми предыдущими делами и планами.

До этого на национализированную промышленность коммунисты-хозяйственники смотрели как на целое, на что-то общее. Вместе рассматривались самые разные отрасли: металлургия, машиностроение, текстильное производство, угольная и нефтяная промышленности, лесопромышленность. Вместе рассматривались крупные предприятия, которые тянули на себе львиную долю промышленного производства, и мелкие мастерские. Плановая работа велась, а также план восстановления основного капитала ОСВОК тоже был составлен, исходя из такого понимания промышленности.

Теперь же проводилось совсем другое понимание дела. Гораздо жестче и тверже было проведено деление промышленности на тяжелую и легкую. В первую категорию попадало производство средств производства: оборудования, станков и машин плюс сопутствующие производства. Топливо и энергетика попали в эту категорию, потому что почти вся их продукция потреблялась производством. А во вторую ка-

тегорию попало производство товаров народного потребления.

Гораздо четче промышленность теперь делилась по отраслям, и отрасли производства были выстроены в своего рода иерархию по степени важности в хозяйстве. При Сталине самое большое значение придавалось машиностроению. Следом шли черная металлургия, топливная промышленность и электроэнергетика, а потом все остальное.

Изменялось представление о том, как следует развивать промышленность. Подход Дзержинского заключался в том, что нужно всем отраслям оказывать внимание. В идеале, финансы должны распределяться по отраслям примерно поровну, и добавочное финансирование должно оказываться лишь при или очень плохом положении отрасли, или ее чрезвычайной важности. А так, вообще-то, промышленность должна жить на свои доходы. Дзержинский так много внимания уделял металлопромышленности только потому, что ее положение было хуже остальных и она больше всех отставала в своем производстве.

Сталинский подход был совершенно другим. Раз есть отрасль, чье значение признано решающим, то ее можно и нужно финансировать и снабжать за счет других отраслей. Нужно выделить группу отраслей, на которые бросается максимум средств и сил, оставив все остальное производство на минимальном финансировании и снабжении.

В известной степени на это шел и Дзержинский, больше под давлением обстоятельств. Сталин же стал проводить такую политику совершенно сознательно, и не обстоятельства давили на него, а он сам теперь давил на обстоятельства. Впоследствии Сталин подвел теоретические основы под такое понимание хозяйственной работы. У Ленина он нашел несколько фраз и высказываний, которые он привел в качестве основания своих инициатив. В ленинском архиве нашлись очень сходные по смыслу фразы об отставании страны от развитых стран, о необходимости срочно нагнать их в развитии, о необходимости развивать обороноспособность страны. Все это, первоначально общие места и рассуждения вслух, Сталин преобразовал в некую «теорию»

развития социализма в СССР, которой будто бы придерживался Ленин.

То, что у него получилось, было ленинским по форме, но сугубо сталинским по содержанию.

Здесь историки обычно обращаются к одной и той же теме: возможны ли были и хороши ли были другие варианты развития. Все сталинское объявляется негодным и разрушительным, вся его политика называется «доведением страны до развала», начинается поиск в записках расстрелянных теоретиков каких-то других сценариев развития и гадание на кофейной гуще о том, как хорошо было бы, если бы эти сценарии воплотились в жизнь.

Если бы победил другой, не сталинский вариант, то Советский Союз все равно бы пришел примерно к тому же результату. И не потому, что таковы какие-то объективные законы, а просто потому, что в среде большевистского руководства не было вопроса: будем проводить индустриализацию или не будем. Будем! Но споры шли вокруг сроков и методов.

Индустриализация шла бы, наверное, несколько более медленными темпами. Возможно, не две пятилетки, а три или четыре. Прошла бы и коллективизация крестьян, но не в год, а, предположим, лет в пять. Были бы выстроены новые заводы, меньшие по масштабам, но зато количеством побольше. Вообще, развитие при любом альтернативном варианте приняло бы более гладкий и равномерный характер. И только[1].

Национал-патриоты скажут, что войну бы тогда не выиграли. Выиграли бы. Точно выиграли. Когда припекало, большевики готовы были шкуру снять для достижения победы.

[1] В это «только» могло бы входить очень многое. Рассказывая о мудром, по заслугам любимым всеми Сталине, автор, странным образом, не анализирует такой факт: Сталин собственноручно корректировал примерный Устав колхозов, тщательно указывая, на сколько дворов должна приходиться одна пила, и особо отмечая, что в крестьянском дворе не может быть более одного топора. Как видно, нищета крестьянства была не только следствием «трудностей роста». Она старательно планировалась и организовывалась. Достаточно было этого не делать — народу стало бы намного легче. «И только».

Во-первых, война бы, в таком случае, несколько отсрочилась. Сталин своим безудержным ростом и вооружением, которое, кстати, тогда не скрывалось, своей весьма кровожадной пропагандой сам подталкивал рост напряженности в мире и быстрее всех шел к войне. Сталинская напористость заставляла остальные страны тоже все плотнее и плотнее заниматься вооружениями. Специально для еще более быстрого разжигания войны Сталин привел к власти Гитлера в Германии.

А так было бы все гораздо благопристойнее. Два-три десятилетия «мирного сосуществования», глубокой и основательной подготовки, воспитания нового поколения, теперь уже советских людей. Подготовка была бы гораздо более скрытной и незаметной. И вдруг, однажды осенним днем, восстание, революция, Красная Армия идет на помощь, но не в насквозь милитаристскую Германию Гитлера, а в Веймарскую демократическую Германию. Красная Армия столкнулась бы не с двухмиллионным вермахтом, а всего со стотысячным рейхсвером Веймарской республики. Результат, понятно, в этом случае был бы другой.

Нельзя говорить, что Сталин был противником такого варианта. Более того, скорее всего, он бы и сам предпочел такое развитие событий, если был бы лет на десять моложе. Но в 1926 году ему было 48 лет, и он торопился, видя громаду работы и грандиозность своего начинания. Эта торопливость, в конечном счете, и вылилась в то, что вышло из всей этой затеи[1].

Вскоре произошли большие политические события. В это время, когда Зиновьев был уже отстранен от руководства Коминтерном, Сталин и Бухарин предприняли свою первую попытку проведения самостоятельной внешней политики через Коминтерн, первую попытку самостоятельного руководства международным революционным движением.

[1] То есть из-за особенностей биографии одного человека страдали и гибли миллионы. И этот один — великий теоретик и грандиозный политик? Человек, вполне способный управлять страной? Гм...

В то время их деятельность была направлена на две стороны. С одной стороны, велась активная работа в Великобритании, где рабочее движение пошло на соглашение с коммунистами и согласилось сесть за стол переговоров с представителями Коминтерна. Велась также активная работа в Китае, где шла сложная борьба за независимость страны от колонизаторов. Коминтерн старался привести китайских коммунистов в руководство национально-освободительным движением, их руками сделать страну независимой, а потом произвести в Китае революцию.

Новое руководство Коминтерна в лице Бухарина и Политбюро ЦК ВКП(б) надеялись с помощью работы в профсоюзах, через сотрудничество по линии англо-русского комитета профсоюзов, подчинить себе английское рабочее движение и вытеснить из него британских социал-демократов. Если бы это удалось, то тогда бы Коминтерну удалось бы добиться гораздо более благоприятных условий для своей работы в странах Европы. В этом деле коминтерновцы достигли кое-каких успехов. Через комитет удалось даже организовать в Британии всеобщую забастовку в 1926 году.

Но произошел провал. Забастовка не была поддержана основной частью населения и была быстро подавлена британскими властями; расследование показало, что за ее организаторами стоит Коминтерн и помощь советских коммунистов. Это послужило причиной и поводом к разрыву дипломатических отношений с СССР со стороны Великобритании 26 мая 1927 года. Британское правительство сделало ряд резких заявлений о том, что, в случае дальнейшей подрывной деятельности советских коммунистов в Великобритании, оно не остановится перед объявлением войны СССР.

Этим резким изменением позиции британского правительства воспользовались в Польше, где в 1926 году произошел переворот и к власти пришел Юзеф Пилсудский, убежденный противник коммунистов. В июне 1927 года в Варшаве был убит советский посол. Этим польская сторона обозначила свои, далеко не мирные, намерения в отношении Советского Союза. В Европе создалась угроза войны против

Советского Союза и уже начала складываться коалиция государств, готовых принять участие в этой войне. В сентябре 1927 года, сразу же после скандала с рабочей забастовкой, британские профсоюзы резко переложили руль своей политики, решительно отказались от сотрудничества с советскими профсоюзами и вышли из англо-русского комитета. Европейские социал-демократы развернули активную и шумную агитацию против Советского Союза, в которой главным лейтмотивом было обвинение СССР в подготовке войны.

В Китае события тоже в одночасье вышли из-под контроля. С 1923 года Коминтерн поддерживал партию Гоминьдан, боровшуюся за освобождение Китая от власти иностранных империалистов. В эту партию входило большинство противников иностранного владычества, и Гоминьдан сумел организовать вооруженное сопротивление иностранным войскам. С полного согласия Коминтерна Гоминьдан поддерживали и китайские коммунисты. Одно время даже сам Чан Кай-ши, лидер партии, с большой симпатией относился к Советскому Союзу, и даже приезжал с дружественным визитом. Но в апреле 1927 года он, накопив сил и сколотив внутри Гоминьдана свою группировку, пошел на захват власти в освободительном движении и неожиданно расправился с руководством коммунистической фракции Гоминьдана.

Бухарин и Сталин попытались спасти положение и отдали указание уцелевшему руководству китайских коммунистов поддержать левую группировку Гоминьдана, которая обосновалась в Ухани и отмежевалась от остальной партии. Какое-то время этот союз держался, и казалось, что положение выправляется, но в июле 1927 года эта группировка отмежевалась от коммунистов. Бухарин попытался сколотить внутри Гоминьдана группу недовольных политикой националистического руководства партии во главе с коммунистами. Но и эта попытка потерпела крах, и тогда уже Коминтерн, после больших потерь и серьезных неудач, отказался от поддержки Гоминьдана.

Можно сколько угодно иронизировать над советской пропагандой конца 20-х годов, но, тем не менее, нужно признать, что в ней было свое рациональное зерно. Вот, например, отрывок из статьи, опубликованной в немецкой социал-демократической газете «Vollzeitung fuer das Vogtland» в октябре 1927 года:

«Режим большевистской диктатуры, не желающий выпускать из рук своих господства, прибегает не только к политическим авантюрам, но и к авантюрам внешнеполитическим, последствия которых не поддаются сразу учету... Опасность империалистической войны таится на Востоке. И не только политика правительств капиталистических стран обостряет эту опасность; большевистское правительство уже доказало, что оно отлично умеет копировать империалистическую политику буржуазии. Таким образом, борьба с режимом диктатуры за демократическую Россию с полнотой политических и экономических свобод есть борьба против империалистической войны, есть борьба за мир» [55. С. 46].

Это можно было бы считать просто газетными нападками, если бы то же самое не провозглашал II Интернационал в своих официальных резолюциях.

Летом 1927 года разгромленные было оппозиционеры во главе с Троцким и Зиновьевым предприняли попытку возобновить борьбу. Они уже не стали размениваться по мелочам и обвинениям в извращении экономической политики и бюрократическом перерождении. Троцкий и Зиновьев, указывая на провал политики Коминтерна в Китае, обвинили сталинское руководство партии в предательстве революции.

Поскольку у них не было других средств борьбы, они стали организовывать оппозиционные демонстрации и выступления. Сталин отдал указание разгонять такие митинги. По Москве и Ленинграду прокатилась волна избиений митинговавших сторонников Троцкого и Зиновьева. Дело дошло даже до создания рабочих отрядов специально для разгона и избиения демонстрантов. В уличных побоищах принимали участие даже весьма высокопоставленные партийные руководители.

В ответ на это сторонники Троцкого и Зиновьева начали выпускать подпольные брошюры, листовки и прокламации,

стали распространять их среди своих сторонников в партии. Это уже вызвало интерес к оппозиционерам со стороны ОГПУ и послужило поводом для развертывания борьбы с ними. ОГПУ провело несколько операций, в ходе которых был собран материал, позволяющий обвинить членов оппозиции во фракционной деятельности. 21 октября 1927 года собрался Пленум ЦК и ЦКК, на котором был поставлен вопрос о фракционной деятельности Троцкого и Зиновьева и вопрос о пребывании их в партии. Им было вынесено последнее предупреждение, что если они еще раз предпримут хоть какую-нибудь попытку выступления, то будут исключены из партии.

Но на этом подпольная деятельность троцкистов не кончилась. Несколькими сторонниками Троцкого был создан заговор с целью проведения в десятилетнюю годовщину Октября, 7 ноября 1927 года, покушения на Сталина. Но заговор оказался раскрыт, и нескольким заговорщикам удалось только проникнуть на трибуну Мавзолея. Один из них ударил Сталина кулаком по затылку. В дальнейший ход событий вмешалась охрана.

Покушение не состоялось, и выступление провалилось. Участники этого заговора были арестованы, активные члены оппозиции также были взяты под арест и вскоре высланы из столицы. 15 ноября собрался Пленум ЦК, который принял решение об исключении Троцкого, Зиновьева и Каменева из партии. Собравшийся 2 декабря 1927 года XV съезд партии подтвердил решение ЦК об их исключении.

Большие политические события немедленно отразились на хозяйственной политике. В начале лета 1927 года, после обострения отношений с Великобританией и Польшей, широко распространились слухи о скорой войне, быстро переросшие в панику. Население стало спешно скупать в магазинах товары первой необходимости и создавать свои запасы на случай войны. Этому советские граждане были хорошо научены в Гражданскую войну. В деревне крестьяне, в большинстве своем, приняли решение подождать с продажей зерна государству и ждать роста цен на рынке.

Время шло, наступил сентябрь, а события не только не успокоились, но даже накалились из-за напряженной борьбы с оппозиционерами в Москве. Все это подтолкнуло крестьян к тому, чтобы совсем отказаться от продажи хлеба государственным заготовительным органам. Итогом этой позиции крестьян стало резкое падение хлебозаготовок.

В то время, после окончания уборочной поры, примерно в октябре месяце, государственные и кооперативные заготовительные органы принимались за закупку хлеба у крестьян по установленным государственным ценам. По сути дела, эта была сдача хлеба крестьянами государству с возмещением трудовых затрат. Это мероприятие на официальном языке называлось хлебозаготовками. Закупки хлеба продолжались всю осень и зиму, вплоть, практически, до новой посевной поры следующего года. Крестьяне продавали хлеб понемногу, по мере нужды в деньгах или товарах.

Плановые органы, Госплан СССР в первую очередь, в сентябре-октябре, получая данные об урожае, делали вычисления и предположения, отталкиваясь от данных хлебозаготовительных кампаний предыдущих лет, сколько хлеба государственные органы могут закупить и какую нужно установить цену, чтобы получить возможность взять его побольше. А дальше, исходя из этих данных, строились балансовые расчеты и составлялись контрольные цифры на следующий хозяйственный год.

Таким же образом были рассчитаны показатели хлебозаготовок урожая 1926/27 года. Только вот бурные политические события внесли в них свои коррективы.

Тут надо кратко показать взаимоотношения крестьянина и Советской власти. Эти отношения были далеки от идеала даже в гораздо более спокойные 1924—1926 годы, то есть в то время, которое многими историками преподносится в качестве расцвета нэпа и чуть ли не «золотого века» Советского государства. В начале 20-х годов, в конце Гражданской войны, крестьяне, в массе своей, многочисленными выступлениями против коммунистов и Советов показали свое негативное к ним отношение. Крестьяне частично были усмирены войсками, а частью экономическими уступками,

о которых много и настойчиво говорил Ленин. Надо сказать, что политика уступок успокоила крестьян и дала большевикам известную передышку, которая ими была использована для восстановления промышленности. Но негативное отношение к Советской власти никуда не исчезло, и время от времени оно прорывалось наружу в виде отдельных выступлений и срывов выборов.

В ЦК РКП(б) в течение 1924—1925 годов постоянно поступали сводки о крестьянских сходах, об активности в деревне агитаторов, выступающих против большевиков. В 1924 году были сорваны выборы в сельские Советы. На них явилось около 35% избирателей. Процент коммунистов в Советах упал до 3,5% [21. С. 120].

Трудности с хлебозаготовками отмечались уже зимой 1924—1925 года. С. В. Цакунов приводит данные о работе комиссий и Политбюро ЦК в феврале 1925 года над решением этой проблемы. Только за февраль было составлено десять крупных сводок о положении в деревне и несколько проектов решений. То есть положение в деревне было не таким уж и безоблачным, как некоторым может показаться.

В 1927 году начались стройки и подготовительные работы на нескольких площадках будущего крупного строительства, заработали восстановленные и расконсервированные заводы. В города прибывали крестьяне на работу. В 1928 году их прибыло 6 млн 477 тысяч человек, в том числе осело в городах свыше 1 млн человек [48. С. 154]. Все они, конечно, потребовали продовольствия. Кроме того, был довольно большой экспорт зерна, который в 1926/27 году составил 2,4 млн тонн [56. С. 95].

Рост потребления хлеба за один только год составил 20%. Если в 1926/27 году в стране оставалось 7 млн 88 тысяч тонн хлеба, то в 1927/28 году — уже 8 млн 784 тысячи тонн [57. С. 192]. Из-за этого пришлось урезать экспорт хлеба, в 1927/28 году удалось продать за рубеж только 356 тысяч тонн [56. С. 95]. Это 14% от экспорта прошлого года.

Остроты положения добавлял транспорт, который в момент наплыва грузов в разгар хлебозаготовок не справлялся с грузоперевозками. Вот, например, в начале 1927 года на Западно-Сибирской железной дороге скопилось 15 тысяч неотправленных вагонов с хлебом, или примерно 247 тысяч тонн зерна [58. С. 108].

Такие резкие изменения в структуре потребления хлеба и вызвали затруднения, даже на фоне неплохого урожая 1927 года и абсолютного роста хлебозаготовок.

Все это натолкнуло Сталина на достаточно долгие и тяжелые раздумья о проводимой им политике. Если бы все эти кризисы наваливались порознь, то с ними можно было справиться, и, вне всякого сомнения, с ними бы очень быстро справились. Но вся беда была в том, что все это навалилось одновременно: и угроза войны, и неудачи в революционном движении, и выступление оппозиции, и кризис хлебозаготовок, и транспортные затруднения.

Положение пошатнулось. При всех успехах военного строительства, СССР к отражению вторжения, оказалось, был совершенно не готов. Недавно, всего лишь три года назад, Красная Армия была полностью переформирована. Это была уже не та армия, которая одержала победу в Гражданской войне. Это была новая армия, пока еще плохо организованная и почти не имеющая боевого опыта. Моторизация армии была только в самом начале. Почти не было новых, самых современных видов вооружения. Конечно, на ликвидацию прорыва в дипломатии, на нормализацию отношений с Великобританией были брошены все силы. Но все-таки лучше иметь в таких дела гарантию в виде мощной и современной армии.

Советский Союз не был готов к ведению войны. Промышленность была еще слишком слаба для такой нагрузки.

Кризис хлебозаготовок ударил с другой стороны. Экспорт зерна и сельскохозяйственного сырья был существенной статьей внешней торговли СССР. Эти средства позволяли закупать за рубежом станки, оборудование и технологии и тем самым поднимать технический уровень промышленности.

Доходы от внешней торговли складывались в основном из вывоза сырья и продовольствия:

- нефтепродуктов — на 295 млн рублей,
- руды — на 102 млн рублей,

- растительного сырья и животного — на 903 млн рублей,
- лесоматериалов — на 280 млн рублей,
- зерна — на 695 млн рублей.

Всего экспорт из СССР в 1926/27 году составлял 2 млрд 359 млн рублей, в том числе зерна и сельхозсырья 1 млрд 598 млн рублей.

После роста потребления в стране хлеба, руды, металла и топлива многие статьи экспорта пришлось сократить. Пока еще мощности добывающей индустрии не позволяли существенно поднять производство. Руду, металл и уголь перебросили для нужд внутреннего потребления. К тому же резко выросло потребление хлеба, и сильнее всего пришлось сократить именно его экспорт, сразу на 86%.

В 1927/28 году экспорт из СССР складывался из таких статей:

- нефтепродуктов — на 372 млн рублей,
- растительного и животного сырья — на 1119 млн рублей,
- руды — на 72 млн рублей,
- лесоматериалов — на 330 млн рублей,
- зерна — на 119 млн рублей.

Всего СССР в 1927/28 году было вывезено товаров и сырья на 2 млрд 73 млн рублей, в том числе зерна и сельхозсырья на 1 млрд 238 млн рублей [56. С. 94—95]. Экспорт суммарно сократился на 13%. А вместе с ним и доходы государства и возможности вложения в индустрию.

Вот вам и кризис хлебозаготовок. Крестьянин вынул из кармана государства полмиллиарда рублей, 576 млн, если быть точным. Если он и дальше будет проводить такие изъятия, то, конечно, с идеей индустриализации придется расстаться.

Все это подвигло Сталина на поворот в хозяйственной политике. В деле индустриализации нужно дать твердый приоритет тем областям, которые более всего необходимы для развертывания военного производства. А в деле проведения политики на селе нужно отойти от уступок крестьянину, и пойти на него в наступление. Пока организацией новых, сверхкрупных товарных совхозов и расширением старых колхозов. Расширением коллективизации крестьян. Конечная цель такой политики состояла в том, чтобы поднять производительность и долю товарного производства в сельском хозяйстве.

Первым делом этот поворот отразился на планировании развития народного хозяйства. 29 сентября 1927 года Политбюро ЦК образовало комиссию по составлению политических директив партии по разработке пятилетнего плана. Они были утверждены Пленумом ЦК и ЦКК 21—23 октября 1927 года и приняты XV съездом партии 19 декабря 1927 года.

На съезде, где доклад о положении в хозяйстве делал Рыков, и содоклад к нему делал Кржижановский, в прениях слова попросил Куйбышев. Начиная свое выступление, он попросил у съезда дать ему час на изложение своей позиции. Время ему было дано, и Куйбышев начал подробно разворачивать картину состояния промышленности, капитального строительства, планирования. Огласил свои тезисы к составлению пятилетнего плана. Часа ему не хватило, и он попросил еще времени. Стенограмма зафиксировала возгласы из зала: «Дать!», «Дать!», «Продлить!», «Предлагаем до обеда дать!». Интерес к выступлению Куйбышева был огромным. Он затратил на окончание своего доклада еще 20 минут. Под влиянием его выступления съезд окончательно повернулся в сторону политики Сталина и проголосовал за его директивы.

Тон директив существенно изменился по сравнению с резолюцией 1926 года, принятой XV партконференцией. Теперь уже заявлялись совсем другие приоритеты и задачи в деле индустриализации и хозяйственного строительства. Если раньше говорилось только о необходимости догнать передовые страны по уровню индустриального развития, то резолюция XV съезда утверждала уже в гораздо более категоричном тоне:

«Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частнос-

ти, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороноспособности и хозяйственной устойчивости страны в военное время.

К вопросам обороны... также необходимо не только правительственных, плановых и хозяйственных органов, но и, самое главное, обеспечить неустанное внимание всей партии» [54. С. 663].

Вопрос, как видите, поставлен весьма категорично. Раньше таких акцентов в хозяйственной политике не делалось. Дальше резолюция продолжается в таком же духе:

«В соответствии с пятилеткой индустриализации в первую очередь должно быть усилено *производство средств производства*... Наиблее быстрый темп *развития* должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые поднимают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР, служат гарантией возможности развития в случае экономической блокады.

В области *новых производств* должны быть развиты или поставлены заново: производство оборудования для металлургии, топливной и текстильной промышленности, авто-, авиа-, и тракторостроение, производство искусственного волокна, добыча редких элементов, производство алюминия, ферромарганца, цинка, связанного азота, калия, производства оборудования кинопромышленности и радиоустановок, добыча радия и т. д.» [54. С. 667—668].

Набор новых производств, представленный в партийной резолюции, весьма красноречивый. Все, что здесь перечислено, крайне необходимо для ведения войны. Металлургия дает металл для производства вооружения и бронетехники, топливная промышленность дает топливо для моторов, текстильная промышленность одевает солдат. Автостроение, авиастроение и тракторостроение должны заменить тяговую силу лошади, моторизовать войска и обеспечить превосходство Красной Армии в воздухе. Редкие элементы и цинк нужны для производства средств военной связи и производства боеприпасов. Алюминий нужен для авиации. Ферромарганец применятся в изготовлении брони. Азот и калий применяются в процессе изготовления порохов и взрывчатых веществ.

Ну а кино- и радиоустановки нужны для того, чтобы всему миру показать справедливость грядущей войны.

После этой резолюции нужно было отбросить все, что было сделано до сих пор в составлении плана, и начать работу над совершенно новым пятилетним планом. Новые цели плана означали перерасчет основных балансов, перерасчет плана капитального строительства и вложений, пересмотр плана перемещения рабочей силы.

Эта резолюция сделала ненужным только что составленный генеральный план реконструкции народного хозяйства. Он был составлен, исходя из принципа наиболее рационального размещения производства, рядом с сырьем и топливом, транспортными артериями, многолюдными городами. Составители плана стремились добиться как можно более дешевого строительства. В итоге бóльшая часть новостроек разместилась в европейской части России, где уже была развитая промышленность и транспортная сеть, где были большие рабочие города.

Сталин поставил на этом плане крест. Он хорошо помнил, что в Гражданскую войну главные бои развернулись именно здесь, в промышленных районах, и какие огромные трудности это вызвало. Теперь генеральный план нужно пересмотреть с совершенно иной точки зрения. Всю промышленность, которая представляет ценность со стратегической точки зрения, нужно разместить как можно дальше от границ, подальше от театров возможной войны. Главными районами размещения промышленности должны стать Урал и Сибирь, до которой из Европы не дойдет ни одна армия.

Одним словом, в новых условиях нужен был совершенно новый перспективный план, не предусмотренный никакими теориями и концепциями. Сталин, конечно, сделал все для того, чтобы представить свой план ленинским по духу и содержанию. Однако о чем Ленин только поговаривал, Сталин должен был воплотить в металл.

До XV съезда партии, когда руководство впервые достаточно определенно заговорило о коллективизации, политика в деревне, в самых своих основных чертах, заключалась в со-

существовании коллективного и частного сектора сельского хозяйства. То есть в сельском хозяйстве были как коллективные хозяйства, существовавшие в самых разных формах, так и частные, и последних было устойчивое большинство.

Это сосуществование допускалось и даже поддерживалось через органы разнообразной сельской кооперации. Кооперация была тем самым звеном, которое соединило частное и коллективное хозяйства в деревне, которое осуществляло и регулировало взаимодействие частника с государственным хозяйством, а также вело агитацию частника «за коммунию» и постепенно добивалось, всеми доступными способами, объединения разрозненных частных хозяйств в коллективные. Формы и способы работы кооперации были самыми разнообразными.

Кооперация могла быть сбытовой. То есть крестьянин-единоличник мог вступить в кооператив для того, чтобы иметь возможность покупать более дешевые промышленные товары и продавать свою продукцию на более выгодных условиях. Кооперация могла быть кредитной. То есть тот же самый крестьянин-единоличник мог вступить в такой кооператив, чтобы приобрести сложные и дорогостоящие сельскохозяйственные орудия. Хоть такая кооперация не посягала на единоличный уклад хозяйства крестьянина, но, тем не менее, уже представляла собой первоначальную форму коллективизации. Таким способом чаще всего «коллективизировали» в середине 20-х годов кулаков и зажиточных крестьян.

Крестьяне победнее, которые не могли тянуть обязательств членства в кредитной и сбытовой кооперации, могли объединиться и войти в кооперативы уже как члены, например, товарищества по обработке земли, или, сокращенно, ТОЗа. Такое товарищество состояло из крестьян-единоличников, каждый из которых вел свое хозяйство сам, но которые совместно обрабатывали землю сложными машинами или даже тракторами и совместно эксплуатировали другие сложные машины: косилки, жатки, веялки. Плата за них раскладывалась на членов товарищества поровну. В 1929 году было более 20 тысяч таких товариществ, в которых состояло

более 400 тысяч человек, в среднем по 20 человек на товарищество.

Для таких крестьян был и другой способ ведения хозяйства. Крестьяне могли объединиться в артель. Артель — это обобществление земельных участков, угодий, крупного скота, лошадей и крупного сельского инвентаря, но при сохранении дворов. Каждый крестьянин, состоящий в артели, работал на артельном поле, но имел свой собственный двор с участком, огородом, посадками, скотом и птицей. Крестьяне выбирали старосту артели, который следил за работами и делами артели. Когда собирался урожай с артельного поля, его делили поровну между членами артели. Это был некий прообраз колхоза.

Те же крестьяне, у которых совсем не было ни кола, ни двора, могли вступить в коммуну или стать рабочими в совхозе. Коммуна — это объединение крестьян, которые сдавали в общий фонд все свое имущество, вплоть до зимней одежды. Коммуна обеспечивала своих членов и их семьи продовольствием за счет общей работы. Потому она так подходила для беднейших крестьян.

Они чаще всего возникали при помощи государства, на крупных пустующих участках земли. Государство им выделяло в беспроцентный кредит стройматериалы, инвентарь, посевное зерно и скот. Далеко не все коммуны выдерживали сколь-нибудь долгий срок. Большая их часть разорилась от неумеренного снабжения своих членов «по потребностям» и от неумелого хозяйства. Однако самые сильные коммуны, тем не менее, вполне благополучно дожили до 1934 года, до тех пор, пока они не были реорганизованы на основе единого устава в сельхозартели.

Ну а совхозы, советские хозяйства, это государственные предприятия, организуемые государственными органами, за счет государства приобретающие материалы, инвентарь, скот и зерно для посева. Бедный крестьянин мог стать рабочим в совхозе, получая за свой труд определенное вознаграждение, частью деньгами, а частью продуктами.

Форм привлечения крестьян к коллективному труду было, как видим, много. Но все же в массе своей крестьянство ос-

талось единоличным, ведущим мелкое хозяйство с низким выходом товарного хлеба.

Уже в 1926 году, в связи с начавшейся индустриализацией, в эту систему сосуществования частного и коллективного секторов были внесены некоторые изменения. Например, была ограничена аренда земли, была запрещена продажа кулакам тракторов, усилено налогообложение кулаков. Гораздо большее внимание стало уделяться созданию и поддержке коллективных хозяйств. Но пока сама система оставалась прежней. Внести в нее существенные коррективы заставили внешнеполитические обстоятельства и бурный рост промышленности.

Спор между Сталиным и Бухариным развернулся как раз вокруг этого вопроса: вносить или не вносить в систему организации производительных сил деревни дальнейшие, более решительные изменения. Целенаправленной политикой партия могла в считанные годы изменить лицо деревни, но пока шли споры о необходимости такого резкого изменения и его конечной направленности.

Позиция Бухарина, которой он придерживался с 1921 года, заключалась в том, что для дальнейшего развития Советского Союза такого способа сосуществования частного и коллективного секторов в сельском хозяйстве вполне достаточно. Бухарин говорил, в особенности до начала 1926 года, что мелкое крестьянство будет «врастать в социализм», понимая под этим «врастанием» систему охвата крестьян кооперацией. Бухарин более определенно выразился об этом в 1923 году:

«Мы будем многие десятки лет *медленно врастать в социализм:* через рост нашей промышленности, через кооперацию, через возрастающее влияние нашей банковской системы, через тысячу и одну промежуточную форму» [46. С. 182].

На этой точке зрения Бухарин выдержал длинную череду теоретических боев с троцкистами. Но обстановка начала меняться, и он оказался вынужденным вносить в свои взгляды коррективы. В 1926 году Бухарин начал пересмотр своей программы, который дошел до своей кульминационной точки в декабре 1927 года, как раз к XV съезду партии.

В связи с ростом промышленности и необходимостью больших капиталовложений, Бухарин разработал программу «наступления на кулака», которую провозгласил в октябре 1927 года.

Суть этой программы сводилась к тому, чтобы ограничить возможности роста кулацкого хозяйства, то есть лишить его права голосования, обложить более высокими налогами, ужесточить правила аренды земли и найма работников. При этом основа этой политики — охват кооперацией крестьян — оставалась в неприкосновенности.

Эта новая аграрная программа, которая отличалась от заявлений и практики середины 20-х годов, когда Бухарин неосторожно выкрикнул лозунг «Обогащайтесь!», создавалась под влиянием процесса бурного роста промышленности. Бухарин фактически повел сельское хозяйство вслед за промышленностью, стараясь его как-то приспособить к реалиям начавшейся индустриализации, но не меняя его производственной базы. Он твердо считал, что нэповская политика в сельском хозяйстве себя оправдывает и отказываться от нее не нужно. Потому кризис хлебозаготовок Бухарин воспринял с большой долей самоуспокоенности, сказав, что он, скорее всего, вызван неправильной ценовой политикой и нежеланием кулаков продавать свой хлеб.

Сталин же кризис хлебозаготовок воспринял по-другому и усмотрел в нем признак отставания сельского хозяйства от темпов развития промышленности. По его мысли, кризис хлебозаготовок происходит от неспособности мелкого крестьянского хозяйства вырабатывать большое количество товарного хлеба на продажу. Это понимание Сталин в ясной форме выразил в беседе со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 года. В ней же он высказан достаточно отчетливую и ясную мысль о том, что путем развития сельского хозяйства и уничтожения кризисов в хлебозаготовках является создание крупных хозяйств, могущих использовать машины и передовую агротехнику. Сталин указал на то, что колхозы дают 47,2% товарного хлеба, а вся масса мелких и средних хозяйств — всего 11,2% [57. С. 193], и сослался на записку

члена Коллегии ЦСУ В. С. Немчинова[1] о строении сельского хозяйства до войны, которая показывала, что основную массу товарного хлеба тогда давали крупные помещичьи хозяйства.

На XV съезде партии произошло первое, пока еще не акцентированное, размежевание взглядов Сталина и Бухарина. Сталин и его сторонники на съезде говорили о наступлении на кулака заметно более жестко, чем бухаринцы, и Сталин утверждал о необходимости коллективизации сельского хозяйства. «Других выходов нет», — сказал он в своем выступлении на съезде. Бухарин и его сторонники говорили о наступлении на кулака в более мягких и осторожных фразах. Кроме этого противоречия, на съезде впервые прозвучала критика Бухарина как партийного теоретика. С ней выступили сторонники Сталина Щацкин, Ломинадзе и руководитель Профинтерна Лозовский [46. С. 328].

Резолюция съезда, несмотря на критику Бухарина и его взглядов, была написана во вполне бухаринском духе и предписывала активнее развернуть государственную помощь коллективным хозяйствам, агитацию за вступление в эти кооперативные хозяйства, а также провести некоторые меры против кулаков.

После закрытия съезда состоялось заседание Политбюро, на котором Сталин предложил принять решение о проведении против скупщиков зерна карательной кампании. По Уголовному кодексу, в 107-й статье предусматривалось наказание за спекуляцию хлебом, которое наказывалось лишением свободы и конфискацией имущества. Сталин предложил попробовать в интересах оживления хлебозаготовительной кампании принять решение о более последовательном применении этой статьи. Решение прошло единогласным голосованием, причем Бухарин, Рыков и Томский поддержали решение как временную и необходимую меру.

6 января 1928 года Секретариат ЦК рассылает в парторганизации директивы с требованием усилить нажим на кулака

[1] Впоследствии академик.

и строже применять 107-ю статью. Сталин разослал по стране своих доверенных сторонников Кагановича, Микояна, Жданова, Андреева и Шверника с широкими полномочиями нажима на местные власти. 15 января 1928 года Сталин сам отправляется в поездку по Уралу и Сибири. Там он лично проводит широкомасштабную кампанию по заготовке хлеба, которая сопровождалась подчас разгромом местных партийных руководителей.

Как пишет Вадим Кожинов в своей книге «Россия. Век ХХ-й, 1901 — 1939 годы. Опыт беспристрастного исследования», именно в этой поездке Сталин познакомился с запиской члена Коллегии ЦСУ Немчинова о состоянии сельского хозяйства до войны. Она убедительно говорила о том, что секрет высокой товарности довоенного хозяйства России состоял в том, что оно опиралось на крупные помещичьи хозяйства, вооруженные техникой и передовыми методами хозяйства и производившие бóльшую часть товарного хлеба. Хлебный экспорт стоял в основном именно на продукции этих крупных хозяйств. Сталин уже тогда понимал, что кризис вызван сильным отставанием сельского хозяйства, и записка укрепила его в этом убеждении. Впрочем, не только укрепила во мнении, но и подсказала метод разрешения хлебного кризиса. Он заключался в том, что нужно было создать в сельском хозяйстве крупные хозяйства и вооружить их новейшей техникой и самыми лучшими методами хозяйствования.

6 февраля 1928 года Сталин вернулся в Москву, и на заседании Политбюро произошло первое столкновение с бухаринцами. Бухарин обвинил Сталина в терроризировании середняцких хозяйств, в перегибах в политике и заявил о недопустимости таких крутых мер. Между Сталиным и Бухариным начался спор, в котором Сталин уже гораздо резче и определеннее отстаивал свое понимание причин хлебозаготовительного кризиса и настаивал на проведении коллективизации.

Не добившись уступки со стороны Бухарина, Сталин уступил сам и признал на словах и перегибы, и недопустимость резких мер. Но на деле же он затеял обойти Бухарина с его

нэповской политикой стороной. Этот замысел заключался в том, чтобы организовать несколько крупнейших совхозов, которые имели бы площадь пахотных земель в 40—50 тысяч гектаров, и развернуть создание в деревнях коллективных хозяйств типа артелей, но уже на новых, более упорядоченных основах. А дальше, успехами этих хозяйств, в чем Сталин не сомневался, подорвать тезис Бухарина о недопустимости наступления на сельских капиталистов и использовать их в качестве агитации против бухаринизма.

Одновременно сторонники Сталина стали расшатывать позиции сторонников Бухарина в партийных и общественных организациях. 10 марта 1928 года начался процесс по делу вредительской организации в городе Шахты в Донецком районе, который тоже был использован для борьбы с бухаринцами. Сталин, выступив 10 апреля 1928 года с комментарием к шахтинскому процессу, заявил, что в успешной деятельности вредителей виновны не только осужденные, но и партийные руководители, ничего не сделавшие для борьбы с вредителями. По мере успехов в деле строительства социализма сопротивление его врагов будет возрастать, и потому необходимо усиление бдительности и усиление самокритики в партии, чтобы можно было вовремя раскрывать вредительство даже в самых высоких сферах партийно-государственной власти. Этим самым Сталин дал своим сторонникам в парторганизациях, которые тогда там составляли меньшинство, право и возможность выступить против сторонников Бухарина.

В тот же день Бухарин выступал в Ленинграде. В своем выступлении он высказал опасение, что некоторые товарищи рассматривают чрезвычайные меры как нечто нормальное и осудил перегибы в ходе поездок января 1928 года.

С этого момента раскол между Сталиным и Бухариным стал очевиден. К тому моменту первый имел большинство в Политбюро уже независимо от мнения Бухарина, опираясь на голоса новых его членов: Куйбышева и Рудзутака. Опираясь на это, теперь уже полностью свое, большинство в Политбюро, Сталин пошел в решительное и бескомпромиссное наступление на Бухарина.

28 мая 1928 года Сталин выступил в Институте красной профессуры с речью, в которой дал гораздо более развернутое понимание причин кризиса хлебозаготовок и развернутую программу развития сельского хозяйства. Сталин в этой речи сосредоточил внимание на трех способах развития сельского хозяйства:

«1) Выход состоит прежде всего в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход — в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии...

2) Выход состоит, во-вторых, в том, чтобы расширить и укрепить старые совхозы, организовать и развить новые крупные совхозы...

3) Выход, состоит, наконец, в том, чтобы систематически подымать урожайность мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств» [57. С. 196—197].

Выдвинув эту программу перестройки сельского хозяйства, Сталин, по сути, выдвинул оригинальную программу индустриализации в сельском хозяйстве. Маркс, Энгельс и более всего Ленин, конечно, мечтали о том времени, когда крупная промышленность сможет произвести переворот в сельском хозяйстве. Но тогда не было возможности приступить к широкомасштабному перевороту, хотя разнообразная помощь крестьянскому хозяйству оказывалась.

То, что Сталин нащупал верное решение проблемы, говорит цифра: в 1927 году в деревне 28,3% крестьянских дворов не имели скота, а 31,6% хозяйств не имели своего пахотного инвентаря. По данным сельскохозяйственной переписи 1927 года, только 69,6% крестьян имели денежные доходы от ведения своего хозяйства, то есть продавали свою продукцию на рынке. По РСФСР 93,7% хозяйств имели землю, а 71,6% — тягловый скот. Треть крестьян являлись, по существу, едоками и практически не могли производить продукцию сами.

В сельском хозяйстве процветала аренда сельхозинвентаря и тягловой силы, а также найм рабочих. По СССР 93,9% хозяйств использовали найм машин. К найму тягловой силы прибегали от 21,5 до 71 % по разным районам страны бедняцких хозяйств, от 5 до 26% середняцких и от 1,7 до 9,5% кулацких хозяйств [4. С. 347].

Бедняцкие хозяйства, не имеющие рабочего скота и коров, вообще выбрасывались из сферы сельскохозяйственного производства. В 79,1% случаев члены семей бедняков выбирали занятие вне своего хозяйства, то есть уходили в города или в отхожие промыслы.

Кулаки же, или, по терминологии того времени, мелкокапиталистические хозяйства, обладали очень большим весом в сельскохозяйственном производстве и продаже его продуктов. Они, составляя 4,7% населения, владели 7,6% рабочих лошадей, 12,7% основных средств производства, обрабатывали 8% посевов и продавали 18,8% продукции земледелия, 11,2% продукции животноводства.

Напротив, пролетарские и полупролетарские хозяйства составляли суммарно 25,2% населения деревни, но владели 11,7% рабочих лошадей, 9% основных средств производства, обрабатывали 15,9% посевов, продавали 10% продукции земледелия и 12,4% продукции животноводства.

Если кулаки вносили 14% сельхозналога, то пролетарии всех категорий вместе — 9,8% [4. С. 369].

Главной проблемой советского сельского хозяйства было то, что четверть сельского населения ведет примитивное и отсталое хозяйство, с трудом способное прокормить их самих. На основании переписи 1927 года были сделаны такие оценки сельского хозяйства:

«Основная масса хозяйств вынуждена работать в примитивнейших условиях, прибегая к ручному севу, жатве косами и серпами, молотьбе цепами и катками...

Мелкому хозяйству свойственно внутреннее противоречие — очень слабое использование имеющегося запаса живой энергии...

Прежде всего бросается в глаза, что экономический удельный вес кулацкой части деревни был значительно выше удельного веса ее в населении...

Особенно обращает на себя внимание это обстоятельство: удельный вес кулаков в продаже продуктов земледелия, в частности, зернового, наибольший. Это, естественно, создает те затруднения, которые испытывает пролетарское государство во время хлебных и сырьевых заготовок...» [4. С. 343].

В технической слабости, маломощности производительных сил и заключалась причина низкой товарности мелкого крестьянского хозяйства, а также хозяйственных затруднений государства. Сталин поставил задачу исправления этой ситуации.

Сталин, пользуясь своим влиянием, стал реализовывать свою аграрную программу уже в 1928 году. Реализовывать стал, надо сказать, ударными темпами, не останавливаясь ни перед чем. Раз с Бухариным оказалось трудно договориться, то нужно поставить его перед свершившимся фактом. Кстати говоря, ничего кровожадного в сталинской программе не было. В этом легко убедиться и из его выступления, и из тех цифр, которые показывают положение дел в сельском хозяйстве того времени.

Первое: крестьян нужно коллективизовать всеми доступными средствами. Методов коллективизации и так уже было придумано достаточно, но в 1928 году появился еще один. Он назывался контрактацией. Суть метода состояла в том, что государство покупает у крестьянина продукцию не тогда, когда он вырастил и убрал урожай, а прямо на корню. Проданный таким образом хлеб назывался законтрактованным. Для удобства расчетов и операций с законтрактованными хозяйствами, их объединяли в группы-товарищества. Осенью 1928 года контрактация взяла бурный старт, и к 1 декабря 1928 года в СССР насчитывалось уже 5 тысяч товариществ по контрактации, в которых состояло 158 тысяч хозяйств, то есть по 30—32 хозяйства на товарищество.

Это уже был прямой прообраз сталинского колхоза. Более поздний вариант колхоза работал примерно по той же системе продажи урожая государству еще на корню. Для получения классического сталинского колхоза требовалось только

объединить контрактацию с прокатом машин и инвентаря и распространить эту организацию производительных сил на все сельское хозяйство страны.

Через четыре месяца, к апрелю 1929 года, число товариществ по контрактации удвоилось. Их стало 12 тысяч, и в них состояло уже 408 тысяч хозяйств. Создание товариществ по контрактации зимой означает, что урожай 1929 года покупался не то что на корню, а еще до посевной. Покупать урожай вперед было крайне рискованным и могущим обернуться убытками делом. Но, несмотря на это, кампания по контрактации крестьян только набирала обороты. К ноябрю 1929 года число товариществ еще раз удвоилось, и их стало 23 тысячи. В них состояло 952 тысячи хозяйств. Выросло не только число самих товариществ, но и число членов в них. В среднем в одном товариществе стало по 40—42 хозяйства [3. С. 344].

В деле машинизации сельского хозяйства внимание Сталина привлекло необычное нововведение, которое ему сразу же понравилось. Весной 1928 года совхоз им. Шевченко на Украине создал первую в СССР машинно-тракторную станцию, собрав колонну из 10 тракторов и занявшись обработкой земли за сравнительно небольшую плату в 250 крестьянских хозяйствах. Плата была невысокой, но работа тракторов экономила много сил и времени. Крестьяне поддержали нововведение рублем. На следующий год МТС совхоза вывела на поля уже 68 тракторов, которые обработали 15 тысяч десятин в 1163 хозяйствах.

Весть о нововведении быстро добралась до хозяйственного руководства. 5 июня 1929 года Совет Труда и Обороны, рассмотрев работу машинно-тракторных станций (МТС) со всех сторон, принял решение строить МТС и всемерно, с широкой государственной помощью, развивать машинизацию сельского хозяйства. Этим же решением образовывалось акционерное общество «Всесоюзный центр машинно-тракторных станций», или «Трактороцентр». 25 июля 1929 года ЦК ВКП(б) принял решение разместить на «Красном Путиловце» заказ на 10 тысяч тракторов для нужд колхозного строительства.

Насколько быстро стала развиваться сеть МТС, говорит такая цифра: в том же 1929 году в системе сельхозкооперации была уже 61 машинно-тракторная станция, в которых было 2 тысячи тракторов, обслуживавших 55,4 тысячи крестьянских хозяйств [3. С. 336]. Вместе с МТС развивалась сеть проката сельскохозяйственного инвентаря. Это дело тоже было поставлено с очень большим размахом. В 1928 году работало 10 600 прокатных пунктов.

И, наконец, совхозы. Сталин стал целенаправленно выделять средства для их развития. В 1927/28 году в их развитие было вложено 65,7 млн рублей. В следующем году вложения удвоились и составили 185,8 млн рублей. Но и это был не предел. В 1929/30 году вложения увеличились в 4,5 раза и достигли 856,2 млн рублей [3. С. 347]. За три года они, все вместе, составили 1 млрд 167,7 млн рублей. Цифра, вполне сопоставимая с вложениями в промышленность.

В 1928 году в Северо-Кавказском крае был организован совхоз «Гигант». Это было по-настоящему колоссальное хозяйство: 140 тысяч гектаров земли, 60 тысяч гектаров пашни, 2,5 тысячи сельхозрабочих, 342 трактора и 79 машин [3. С. 347]. Одно только это хозяйство было сильнее десятков тысяч крестьянских хозяйств, вместе взятых. В 1929 году один этот совхоз дал 50 тысяч тонн зерна.

Кратко говоря, в 1928—1929 годах Сталин произвел поворот в сельском хозяйстве. Социалистический сектор сельского хозяйства, бывший слабым и малочисленным, вырос вдвое и стал одним из ведущих производителей хлеба. Если в 1927 году колхозы и совхозы производили всего 60 тысяч тонн товарного хлеба, то в 1929 году товарное производство коллективного сектора составило 2 млн 160 тысяч тонн. Оно выросло в 36 раз! В 1929 году крестьянские хозяйства производили около 2 млн тонн товарного хлеба [3. С. 371].

Правда, сделанное было только половиной дела, коллективизировано было только 7,6% крестьян, и еще нужно было обеспечить коллективизацию подавляющего большинства хозяйств. Но уже можно было собирать политический урожай с таких «посевов». Этим Сталин и занялся.

Эта лихорадочная деятельность Сталина в деревне не осталась без внимания сторонников Бухарина. В партии стали раздаваться недоуменные вопросы сторонников бухаринского курса о том, что делается в деревне. Стали раздаваться возражения и попытки оспорить проводимую политику.

Сталин в ответ на эти возражения написал статью «Ленин и вопрос о союзе с середняком», опубликованную в «Правде» 3 июля 1928 года. В ней он, оперевшись на ленинские формулировки и цитаты, резко отверг все высказанные возражения. Имя Бухарина в этой статье даже не было упомянуто, но по смыслу статьи понятно, что критикуются именно его взгляды. Бухарин эту статью пропустил в печать, что было его грубейшей политической ошибкой.

Трудно понять логику политика, пропустившего в печать статью своего политического оппонента накануне важного политического совещания[1].

На следующий день открылся Пленум ЦК. Бухарин собирался выступить на нем с критикой сталинской линии. Но статья изменила расстановку сил. Члены ЦК с большим удивлением прочли в «Правде» статью Сталина, где он, особенно не стесняя себя в выражениях, критиковал бухаринские взгляды. Когда на Пленуме речь зашла о сельском хозяйстве, Бухарин вдруг увидел, что поддержки за ним нет. Украинская делегация отказалась вступать в спор, а ленинградцы даже открыто отмежевались от Стецкого, бывшего в их делегации сторонником Бухарина [46. С. 351]. Калинин и Ворошилов тоже отошли от Бухарина.

Зато сторонники Сталина на Пленуме развернули широкую и острую критику Бухарина. Тут вспомнили все его прегрешения. Бухарин пытался говорить о реквизициях, о волнениях в деревне, но Молотов и Каганович назвали его паникером. К своим сторонникам присоединился и сам Сталин, назвавший правых капитулянтами, и, напоследок, обрушивший на голову Бухарина речь о том, что крестьянин должен платить «нечто вроде дани». Бухарин был поражен этой речью.

[1] Например, это может быть логика порядочного человека. Что политику противопоказано, конечно. — *Примеч. ред.*

Эта речь Сталина была чистой провокацией. Она находилась в острейшем противоречии с тем, что в тот момент делалось в деревне. В сельское хозяйство направлялись вложения. Но провокация удалась. Напуганный натиском на своих сторонников на Пленуме 11 июля 1928 года, за день до закрытия Пленума, Бухарин тайно посетил Каменева [46. С. 352—353].

Биограф Бухарина Стивен Коэн прав в оценке этого Пленума, как переломного момента борьбы с правыми, но совсем не прав в том, что Сталин в тот момент «все еще бился над выработкой своей собственной политической линии» [46. С. 353].

Через пять дней после завершения Пленума ЦК, 17 июля 1928 года открылся 6-й Всемирный конгресс Коминтерна. Здесь началась жестокая подковерная борьба между бухаринцами и сталинцами за руководство Коминтерном. Бухарин в тот момент был главой исполкома Коминтерна. Борьба была тем более ожесточенной, что конгресс должен был принять новую программу движения. Вокруг этой программы, проект которой составил Бухарин, уже шла борьба на Пленуме.

На конгрессе началась дискуссия по вопросу о состоянии капитализма, о роли социал-демократии в революционном процессе и о перспективах мирового революционного движения. Сильнее всего сталинцы напирали на то, что коммунисты всего мира должны бороться против «правых уклонистов», идеи которых очень сильно напоминали бухаринские идеи.

Кроме прений на заседаниях, сталинцы развернули усиленную обработку руководства иностранных делегаций в кулуарах, что получило название «коридорного конгресса». Этими кулуарными разговорами им удалось настроить большинство конгресса против Бухарина и протащить тезис об опасности «правого уклона». Под давлением большинства делегатов председателю Коминтерна пришлось уступить.

Дискуссия, начавшись с вопроса о состоянии сельского хозяйства, стремительно перекидывалась на другие важные и животрепещущие вопросы. 19 сентября 1928 года Куйбышев на конгрессе Коминтерна от имени советской делегации огласил новую программу индустриализации Советского Союза, в которой содержалась формула: «максимум вложений в тяжелую индустрию».

Вот эту формулу и пытался оспорить Бухарин статьей «Заметки экономиста», появившейся в «Правде» 30 сентября 1928 года. Это была не программная, а чисто полемическая статья:

«Осью всех наших плановых расчетов, всей нашей хозяйственной политики должна быть забота о постоянной поддержке индустриализации страны, и партия будет бороться против всякого, кто задумает свернуть нас с этого пути...

Мы должны стремиться к возможно более быстрому темпу индустриализации...

Для всякого коммуниста понятно, что нужно идти вперед так быстро, как это возможно. Понятно, что нам в высокой степени нежелательно снижать уже достигнутый темп, который — это нужно помнить — мы достигли ценою величайшего напряжения бюджета, ценою отсутствия резервных накоплений, ценою сокращения доли потребеления и т. д.» [59. С. 364].

Из текста статьи следует, что Бухарин не сомневался в необходимости высоких темпов. Вокруг чего же шел спор? Продолжим фразу из статьи Бухарина:

«Мы должны стремиться к возможно более быстрому темпу индустриализации. Значит ли это, что мы все должны вкладывать в капитальное строительство? Вопрос в достаточной степени нелеп. Но этот нелепый вопрос скрывает в себе другой вопрос, вполне «лепый», а именно вопрос о границах накопления, о верхнем лимите для сумм капитального вложения» [59. С. 358-359].

Бухарин пытался оспорить курс, взятый Сталиным и Куйбышевым на максимальное вложение в тяжелую индустрию, в капитальное строительство предприятий этой тяжелой индустрии. Но как у него это получилось? Плохо.

Пожалуй, это единственная работа Бухарина, в которой он широко использовал фактические данные. До этого его излюбленным приемом было не обращение к цифрам и статистическим данным, а к цитатам основоположников. Но вот, нужда заставила, и Бухарин засел за статистические сборники.

Хоть в то время дискуссия шла, главным образом, со Сталиным и Куйбышевым, тем не менее ни тот, ни другой в статье ни разу упомянуты не были. Зато он дал многословный разбор прегрешений перед партией Троцкого и его сторонников, снова обвиняя их во всех смертных грехах. Оценим ситуацию. Год — 1928-й. Троцкого уже успели выгнать из Политбюро, ЦК и из партии, уже успели выслать из Москвы, а Бухарин все никак не может успокоиться: ах, какой Троцкий подлец!

В стране совершается грандиозный хозяйственный поворот, готовится первая пятилетка в промышленности, уже почти готов проект пятилетнего плана, готовятся площадки строительства новых заводов. Разворачивается коллективизация сельского хозяйства, создания колхозов, совхозов, МТС. А главный теоретик партии Николай Бухарин все еще сводит счеты с битым много раз и разбитым Троцким!

Правда, сторонники Бухарина считают, что он имел в виду Сталина. Что же, смелый поступок, ничего не скажешь. Это ли по-большевистски: критиковать Сталина, ни разу не назвав его по имени? А где партийность Бухарина? А где его непримиримость к ошибкам и заблуждениям, когда речь идет об интересах партии и социалистического государства?

Если становиться на эту точку зрения и считать, что Бухарин в этой статье критиковал Сталина, то нужно признать, что Бухарин смалодушничал выступить открыто. Он не только не назвал Сталина по имени, но еще и прикрылся названием статьи, которое звучит так: «Заметки экономиста к началу нового хозяйственного года». Мол, это не критики ради, а к началу хозяйственного года написано.

Предложения у Бухарина путаные. Он связывает вместе вопрос о высоких темпах, резервах, расхода и экономии строительных материалов, удовлетворения спроса. Он говорит,

что если сократить расход строительных материалов, то можно сэкономить целых 1 млрд 300 млн рублей. Их нужно срочно направить на покрытие дефицита спроса, на создание резервов и на сохранение реально достигнутых темпов. Вот суть его предложения.

К тому моменту уже было вложено в промышленность более 3,5 млрд рублей капиталовложений. В сельское хозяйство более миллиарда рублей. По плану первой пятилетки предусматривалось вложение 13 млрд рублей в развитие промышленности, бóльшая часть из которых направлялась в тяжелую промышленность. При общих фактических вложениях, которые за 1927—1933 годы составили 26 млрд рублей, бухаринский миллиард погоды не делал.

Кроме того, разница взглядов Сталина и Бухарина на капиталовложения заключалась еще вот в чем. Сталин тратил огромные средства на развитие промышленности, потому что понимал, что они со временем вернутся с прибылью. Бухарин же требовал ради сохранения сегодняшнего спокойствия средства частью отложить на полку, а частью проесть.

Вывод статьи беспощадный и уничтожительный:

«Мы должны научиться культурно управлять в сложных условиях реконструктивного периода. Эту задачу можно решить, лишь поняв следующее: мы не перестроили так своих рядов, как того требует реконструктивный период» [59. С. 486].

Легко себе представить, как хохотали Сталин и его соратники над бухаринской статьей. Сталин определил сущность Бухарина меткой кличкой: «Коля Балаболкин». В своих «Заметках экономиста» Бухарин расписался в том, что совершенно не понимает вопросов хозяйственного строительства, абсолютно не знает хозяйственной жизни страны и экономистом не является. А если бы знал, то не городил бы чепуху насчет экономии миллиарда рублей на стройматериалах; знал бы, что столько занимается у населения, и в масштабе проводимых капиталовложений в хозяйство это погоды не сделает.

Сталин же, посмеявшись над рассуждениями Бухарина, сделал политический вывод, что эта статья вышла за рамки запрета фракционной деятельности в партии, и 8 октября

Политбюро ЦК, оставив бухаринцев в меньшинстве, осудило выход этой статьи и тем самым весьма недвусмысленно дало понять, что Бухарин стал кандидатом на выведение из руководства партии.

Современные сторонники Бухарина всеми силами стараются представить его взгляды единственно правильными, в противовес ошибочным взглядам Сталина. В той же книге Стивена Коэна, рядом с привлечением большого фактического материала о творчестве и идеях Бухарина, соседствует сильная тенденция к идеализации его взглядов. Характерно, что отсутствует изложение, хотя бы конспективное, позиции Сталина, тогда как изложение этого противоречия должно было составить первую задачу исследователя. При критическом разборе выясняется, что Коэн, очевидно, не знаком с речами и статьями Сталина и излагает их в чужой интерпретации. Еще более любопытно, что он излагает ход борьбы в отрыве от развития самого сельского хозяйства страны.

Если бы Коэн поставил в свой анализ содержание позиции Сталина, а также данные развития сельского хозяйства в конце 20-х годов, то его выводы были бы совершенно другими. Взгляды Бухарина, которые он защищал в 1928 году, в тот момент уже отстали от уровня развития сельского хозяйства. В первую очередь эти изменения были обусловлены политикой коллективизации крестьян, которая неуклонно велась на всем протяжении нэпа, начиная с 1923—1924 годов, когда экономическая обстановка позволила приступить к широкому строительству кооперативов. Бухарин этот курс поддерживал. Но когда Сталин стал делать то же самое, только с бóльшим размахом и на основе прямого финансирования развития сельского хозяйства, Бухарин выступил против.

Хорошо заметна разница между подходами лидеров к одному и тому же вопросу. Бухарин все вопросы решал теоретически, обращая внимание на формулировки и тезисы, следя за теоретической чистотой речей и постановлений. Он не был замечен в обильном использовании фактического и цифрового материала, без чего нельзя представить себе разговор об экономике. Цифры у него появляются только в статье «Заметки экономиста».

Сталин же исходил из практического понимания задач. Он всегда ставил конкретные цели и задачи, очерчивал точными формулировками методы достижения, подкрепляя их обильным и хорошо подобранным статистическим материалом. Так же он поступил и при разработке политики в деревне. Ключом для подхода к политике в деревне для него было количество товарного хлеба, а сутью политики — меры, помогающие росту производства товарного хлеба.

Политика Бухарина, может быть, и была оправданной в начале 20-х годов, может быть, была оправданной и в середине 20-х годов. Но к 1928 году, после того как началось строительство новых крупных совхозов, целенаправленное финансирование развития сельского хозяйства, строительство машинно-тракторных станций и готовился пуск мощной отрасли промышленности, производящей сельскохозяйственные машины, то тут бухаринская политика уже не только стала неоправданной, но уже тормозила дальнейший рост. Похоже, Бухарин был согласен на медленные темпы роста ради сохранения идеологической чистоты политики партии.

В 1928 году Бухарин отстаивал вчерашний день. Потому он и проиграл в этой схватке со Сталиным.

После выхода статьи «Заметки экономиста» и решения Политбюро началась массовая чистка сторонников Бухарина в парторганизациях. Прошли увольнения сторонников Рыкова в государственных и хозяйственных органах. Было сменено руководство Института красной профессуры. Сторонники и ученики Бухарина были выбиты из всех центральных и ведущих газет. В редакциях «Правды» и «Большевика» прошли большие кадровые перемены, из-за чего Бухарин утратил влияние на содержание статей. Эти центральные и авторитетнейшие печатные органы стали разъяснять политику партии в сталинском духе. 18—19 октября 1928 года прошел пленум московской парторганизации, на котором бухаринцы потерпели тяжелое поражение, и вскоре было заменено ее руководство. От политической поддержки правого курса в партии практически ничего не осталось. В декабре 1928 года сторонники Сталина захватили исполком Коминтерна, руководителем которого Сталин

направил Молотова, и руководство профсоюзным движением, в котором реальным руководителем стал Каганович. Бухарин и Томский вскоре ушли с постов номинальных руководителей этих органов.

30 января, на заседании Политбюро и ряда работников ЦК ВКП(б) Бухарин, в ответ на обвинения Сталина во фракционной деятельности и в стремлении «сколотить антипартийный блок с троцкистами», прочитал свое заявление с ответными обвинениями. В этом заявлении он подверг критике сталинский курс в экономике. Рефреном прозвучало обвинение, что Сталин, мол, скатился на троцкистские позиции и теперь проводит троцкистский курс. Особенно много Бухарин говорил о развале сельского хозяйства, о недопустимости индустриализации на основе разорения деревни и подчеркнул, что «в ближайшие годы они (совхозы и колхозы.— *Авт.)* не смогут быть основным источником хлеба. Основным источником хлеба будет еще долгое время индивидуальное хозяйство крестьян» [46. С. 370].

Но Пленум ЦК и ЦКК 16 апреля 1929 года, перед которым прошло несколько острейших столкновений, большинством голосов поддержал резолюцию Сталина, направленную против Бухарина. Яркое выступление последнего, острейшая полемика со сталинцами ему не помогла. Сталин одержал убедительную политическую победу над Бухариным и его сторонниками.

Успехи в строительстве коллективного сектора сельского хозяйства дали Сталину возможность резко оспорить бухаринскую политику. Скромный секретарь Центрального Комитета ВКП(б) становился вождем партии и народа. Когда-то взятая им на вооружение программа индустриализации Советского Союза сделала его, в конце концов, бесспорным лидером партии. В партии не осталось вождей, способных предложить равноценную программу. В статье «Год великого перелома» Сталин победно заявил:

«Рухнули и рассеялись в прах возражения „науки" против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 40—50 тысяч гектаров. Практика опровергла возражения „науки", показав лишний раз, что не только

практика должна учиться у „науки", но и „науке" не мешало бы поучиться у практики...

Рухнули и рассеялись в прах утверждения правых оппортунистов (группа Бухарина) насчет того, что:

а) крестьяне не пойдут в колхоз,

б) усиленный темп развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство и размычку крестьянства с рабочим классом,

в) „столбовой дорогой" социалистического развития в деревне являются не колхозы, а кооперация,

г) развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба.

Все это рухнуло и рассеялось в прах, как старый буржуазно-либеральный хлам» [57. С. 301—302].

К двенадцатой годовщине Октябрьской революции можно подытожить главные достижения партии и поставить цель для дальнейшей работы. Теперь, когда оппозиция в партии в основном сломлена, никто не в состоянии помешать Сталину проводить свой курс. И потому статью свою Сталин закончил твердым выводом:

«Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую „рассейскую" отсталось.

Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации.

И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор — пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей „цивилизацией". Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда „определить" в отсталые и какие в передовые» [57. С. 305].

Это была полная победа сталинского курса.

Глава восьмая

УКРЕПЛЕНИЕ ВЛАСТИ

> На самом деле победа была добыта и завоевана путем систематической и жестокой борьбы со всякого рода трудностями на пути к проведению линии партии, путем преодоления этих трудностей, путем мобилизации партии и рабочего класса на дело преодоления трудностей, путем организации борьбы за преодоления трудностей, путем смещения негодных работников и подбора лучших, способных повести борьбу с трудностями.
>
> *Из речи И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б)*

Началась первая пятилетка. По всей стране развернулись строительные работы на площадках новых комбинатов и заводов. Вместе с ними шли изменения в политическом руководстве страной.

Бухарин был последним открытым политическим противником Сталина в высшем руководстве партии. После высылки за границу Троцкого, после исключения из партии Зиновьева, после выведения из Политбюро Бухарина Сталин стал единоличным руководителем самых важных органов управления партией: Политбюро и Секретариатом. Там было твердое, уверенное большинство сторонников Сталина. Через своих сторонников, руководящих высшими партийными и государственными органами, Сталин мог влиять на политику партии и государства на всех уровнях. В сфере его влияния полностью находилась национализированная промышленность, управляемая ВСНХ СССР, Госплан СССР и Совет Труда и Обороны — важнейшие хозяйственные органы. В сфере его влияния находился ВЦИК СССР. Его сторонники занимали очень весомые позиции в Совнаркоме СССР. Сторонники Сталина были расставлены на посты в партийных и государственных органах союзных республик.

Сфера сталинского влияния, сложившаяся к 1930 году, была огромной и включала множество разнообразных органов, занимавшихся разнообразной работой. В целях удобства контроля над ними, Сталин не стал занимать какие-то официальные государственные посты и проводил свою политику через подвластных ему людей в них, оставаясь Генеральным секретарем ЦК ВКП(б).

Политбюро ЦК он превратил в штаб управления всеми государственными, хозяйственными и партийными делами. Как и во времена первоначального Совета Труда и Обороны образца 1918 года, любое решение, принятое при обсуждении в Политбюро, тут же могло быть оформлено постановлением Совнаркома, Совета Труда и Обороны, приказами ВСНХ СССР или решением ЦК. Это было очень удобно. Секретарю ЦК ВКП(б) не было нужно заниматься всеми текущими делами государственных органов, можно было свалить эту часть работы на своих представителей в них, а самому заняться самыми важными и неотложными делами.

В ходе борьбы с бухаринцами Сталину удалось подчинить своему влиянию Коминтерн и профсоюзы, добавив к уже существовавшим рычагам два новых. Но все равно в 1930 году эта безграничная область влияния Сталина ограничивалась одним. Рыков был по-прежнему председателем Совнаркома СССР и по-прежнему обладал возможностью проводить свою политику.

В свое время Рыков создал в подчиненных ему органах совещания заместителей, которые могли обсуждать вопросы и принимать решения в отсутствие или при номинальном участии председателя, то есть Рыкова. Это был механизм, который работал во многом автономно, в духе бухаринских установок. Нельзя было подчинить себе Совнарком и всю работу государственной машины, если не разрушить, если не уничтожить эти совещания заместителей.

Итак, цель была поставлена, и оставалось только найти повод для уничтожения совещания заместителей. В первый раз в качестве такого повода было избрано решение совещания заместителей при Совнаркоме СССР об увеличении выпуска монеты. 18 июля 1930 года совещание поддержало инициативу наркома финансов Н. П. Брюханова об увеличении выпуска монеты и приняло решение о закупке серебра за рубежом. 20 июля Политбюро отвергло это решение.

Через месяц, после выяснения обстоятельств дела, 20 августа Политбюро поручило ОПТУ усилить работу по борьбе со спекулянтами и укрывателями разменной монеты. Чекисты развернули широкую кампанию по борьбе с ними, и в ходе этой кампании было изъято в том числе большое количество скрытой от обращения монеты. Это уже дало повод освободить от должностей наркома финансов Брюханова и председателя Госбанка Пятакова, обвинив их в пособничестве спекулянтам.

Эти события прошли на фоне еще более значительного события лета 1930 года. Началась разработка вредительского дела в высших хозяйственых органах. Прошли аресты в Наркомате финансов, где арестовали профессоров Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского, в Наркомате земледелия, где арестовали профессоров А.В.Чаянова и Н.П.Макарова, в Госплане СССР, где арестовали профессоров В. Г. Громана и В. А. Базарова. Начались допросы арестованных, и Кондратьев показал на Калинина и на Рыкова, как на участников вредительства [52. С. 34].

Эти показания немедленно были доставлены в ЦК и предоставлены Сталину. Он их с большим интересом прочитал и тут же применил для укрепления своих рядов. С Калининым он обошелся просто. Тот был слабохарактерным человеком, неспособным на долгое сопротивление, да еще с угрозой ареста и суда. Ему очень уж понравилось быть председателем ВЦИКа и «всесоюзным старостой». Сталин просто показал Калинину протокол допроса Кондратьева. Калинин, прочитав эти показания, согласился выполнять все указания Сталина.

С Рыковым было сложнее. Он оказывал сопротивление и упорно отстаивал вместе с Бухариным и Томским свою линию. Потому Сталин ничего показывать ему не стал, а стал готовить смещение Рыкова с поста председателя Совнаркома и ликвидацию его совещаний. 7 октября состоялось обсуждение этого вопроса в Политбюро. Большинство поддержало

инициативу, а Молотов, Каганович, Микоян, Куйбышев и Ворошилов выдвинули предложение, чтобы Сталин занял «ленинский пост» председателя Совнаркома СССР [52. С. 41]. В это же время Сталин впервые обвинил Бухарина в потворстве троцкистским террористам и заговорщикам.

Однако смещение Рыкова несколько отложилось из-за появления нового заговора в партии. Его инициатором оказался сталинский выдвиженец С. И. Сырцов. Его Сталин заметил во время поездки в Сибирь, выдвинул в Москву на работу в Совнарком РСФСР. Там он показал себя надежным и хорошим работником. В июне 1929 года Сырцов прошел на выборах в ЦК ВКП(б) и был избран на Пленуме ЦК кандидатом в члены Политбюро ЦК.

Все, казалось бы, должно быть хорошо, однако 30 августа 1930 года Сырцов выступил на заседании Совнаркома и Экосо РСФСР с речью о контрольных цифрах на 1930/31 год. Он раскритиковал контрольные цифры, указывая на трудности лета 1930 года, он потребовал снижения темпов строительства и роста промышленности, то есть замахнулся на самое главное в хозяйственном строительстве. Эта речь была отпечатана отдельной брошюрой тиражом в 10 тысяч экземпляров.

На этом Сырцов не остановился и 20 сентября выступил с критикой проводимой политики уже на Политбюро. Сталина на этом совещании не было, он отдыхал в Крыму. Председательствовал Каганович, и на заседании решались текущие вопросы хозяйственного строительства. Сырцов потребовал вызвать Сталина, принять кардинальные решения, а не заниматься решением мелких вопросов. Его требование было большинством голосов отклонено. Каганович закрыл заседание и отбил телеграмму Сталину с изложением произошедшего.

Сталин вскоре вернулся в Москву, и за Сырцова взялись. 15 октября 1930 года на заседании Политбюро рассмотрели его речь и признали ее ошибочной. В те дни все смешивалось в единый поток совещаний с рассмотрением дела то одного, то другого оппозиционера. Шло добивание фракционных групп в партии.

20 октября состоялось заседание Политбюро, на котором Бухарин резко выступил против сталинских обвинений. Политбюро ему предложило те же вопросы задать Сталину на заседании ЦК. На следующий день Сталин получил от Мехлиса донос на Сырцова, в котором говорилось о заговоре Сырцова и Ломинидзе[1] с целью смещения Сталина с поста Генерального секретаря. Сталин получил его ночью 21 октября, а на следующий день он вызвал Сырцова и дал ему прочесть эту бумагу. Но Сырцов не только не пошел на примирение, но и стал возражать. В тот же день пришел новый донос о заговоре Сырцова и Ломинидзе. После этих событий Сталин решил расправиться с ними как с фракционерами.

Это было сделать очень легко, потому что ни тот, ни другой не обладали в партии широкой известностью и авторитетом, и потому от расправы над ними не ожидалось какого-то громкого политического резонанса. 4 ноября 1930 года Политбюро и ЦКК на совместном совещании рассмотрели этот вопрос. Сырцов и Ломинидзе пытались спорить, стали обвинять Сталина во фракционности и невыполнении решений съездов и конференций. Сталин отмел все эти обвинения. Была образована комиссия под председательством Орджоникидзе для рассмотрения фракционной деятельности Сырцова-Ломинидзе. К 1 декабря резолюция об их блоке была готова [52. С. 44—47]. Сырцов лишился своего положения и власти.

Тем временем продолжалось подкапывание под Рыкова. 29 ноября 1930 года состоялась комиссия Политбюро под председательством Ворошилова, посвященная вопросу мобилизационного развертывания Красной Армии и военных заказов для армии в 1931 году. Рыков, который должен был присутствовать как руководитель самого высокого органа исполнительной власти в СССР, на этом заседании отсутствовал. Создался прецедент, когда важнейший общегосударственный вопрос обсуждался без Рыкова.

---

[1] Он был членом ЦК ВКП(б) и руководителем парторганизации Закавказья, а также входил в исполком Коминтерна.

На Пленуме ЦК и ЦКК, проходившем 17—19 декабря 1930 года, где обсуждался вопрос о блоке Сырцова-Ломинидзе, принята резолюция, безоговорочно осуждающая их деятельность, и принято решение о выведении их из Политбюро и ЦК. 19 декабря выступил Куйбышев, который начал обличать Рыкова. Здесь уже создалась возможность обвинить Рыкова в контактах с вредителями, террористами и заговорщиками. Куйбышев потребовал смещения Рыкова с поста председателя Совнаркома. Косиор взял слово, поддержал предложение Куйбышева, предложил ввести Молотова председателем Совнаркома, вывести Рыкова из Политбюро, а взамен его ввести Орджоникидзе. Пленум проголосовал единогласно [52. С. 50-51).

Молотов стал главой правительства СССР. Он, с полного согласия Политбюро, провел реорганизацию государственного управления. Совещания заместителей в Совнаркоме и СТО были ликвидированы. Совет Труда и Обороны был лишен права проведения распорядительных. Вместо него была создана Комиссия по обороне при Совнаркоме СССР и Политбюро ЦК во главе с Молотовым, в которую входили Сталин, Ворошилов, Куйбышев, Орджоникидзе.

Состав Совета Труда и Обороны был обновлен. В него теперь входили только сторонники Сталина: сам Сталин, Молотов, Рудзутак, Куйбышев, Андреев, Орджоникидзе, Ворошилов, Микоян, нарком земледелия Я. А. Яковлев, новый нарком финансов Г. Ф. Гринько, новый председатель Госбанка СССР М. И. Калманович [52. С. 62]. Этот орган был уже лишен властных полномочий и только оформлял решения, принятые на Комиссии по обороне при СНК СССР и Полибюро ЦК партии.

При Совнаркоме Молотов организовал свою контрольную комиссию — Комиссию использования. Когда этот замысел еще только обсуждался и когда Орджоникидзе был еще наркомом РКИ и председателем ЦКК, он возражал против этого нововведения. Но 11 ноября 1930 года он стал председателем ВСНХ, он снял возражения, хотя отношения между Орджоникидзе, Молотовым и Куйбышевым в дальнейшем постепенно обострялись.

Началась концентрация власти в руках небольшой группы сторонников Сталина и в руках самого Сталина. Реорганизация Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР означала, что теперь все государственные и военные вопросы решались, по существу, в Политбюро, узким кругом руководителей. Впоследствии Сталин, не остановившись на концентрации власти в руках Политбюро, пошел по пути концентрации власти в своих собственных руках.

В отличие от деятельности партийного руководства 20-х годов, когда многие вопросы широко освещались в печати, на газетных полосах шли дискуссии, высказывались оппозиционеры и Политбюро, теперь вся политика все больше и больше становилась тайной. Решение всех важных вопросов сосредотачивалось в Политбюро ЦК, огражденного мерами по охране секретов. Сделалась секретной сама работа Политбюро. Публиковались только готовые резолюции и решения. Перестали публиковаться стенограммы речей и заседаний. Теперь до публикаций допускались только стенограммы партийных съездов и конференций, после тщательной доработки и редактуры. Было сделано все для того, чтобы представить Политбюро в качестве абсолютно непогрешимого органа, всегда и при любых обстоятельствах дающего только правильные директивы.

Для чего это было нужно? Для того, чтобы понять ход мыслей Сталина и его сторонников, нужно указать на то, что события 1930—1931 годов никак нельзя назвать спокойными. Шла сплошная коллективизация в зерновых районах, сопровождавшаяся вооруженными выступлениями и боями. Одна за другой раскрывались вредительские и антисоветские организации, ниточки от которых тянулись в высшие государственные органы. Началось составление заговоров в партии против Сталина и его группы. Были забастовки и выступления рабочих, которые подавлялись вооруженными отрядами ОГПУ. Острой была борьба на стройках. Эти волнения подпитывались хозяйственными трудностями и провалами.

В таких условиях разводить демократию и гласность было чрезвычайно рискованным делом. Чрезмерно много го-

ворить о неудачах, даже в порядке самокритики, показывать колебания политического руководства или даже временную нерешительность означало добровольную передачу в руки политических врагов идейного оружия. Каждый просчет, каждая неудача Советской власти давали еще один шанс в борьбе ее врагам. Нужно просто понять мотивы такой политики, проводимой Сталиным. Им двигали соображения самосохранения, соображения сохранения Советской власти. Как бы ни хотели открытые и скрытые враги Советской власти замолчать это обстоятельство, но нужно сказать, что Сталин действовал из соображений безопасности своего государства, своей политики, и эти действия были эффективными. Это доказывается хотя бы тем, что Сталина, несмотря на многочисленные попытки, так никому не удалось свергнуть с занимаемого поста. И Советский Союз, несмотря на множество попыток, тогда тоже не разрушился.

Ради сохранения своего государства и своей власти Сталин беспощадно давил оппозицию в руководстве партией, давил излишне активных критиканов проводимой политики в партийных и государственных верхах. Для того, чтобы не дать лишнего козыря в руки врагов Советской власти как внутри страны, так и за рубежом, где разворачивал свою активную деятельность Троцкий, Сталин засекречивал деятельность партийных и государственных органов. В прессе, в выступлениях вождей и представителей трудовых масс должны быть только успехи, только выдающиеся достижения. Обсуждение трудностей, неудач, провалов и просчетов — это за закрытыми дверями и без протоколов. Экономическую статистику Сталин тоже стал тщательно засекречивать, чтобы не высвечивать провалов и промахов, без которых хозяйственное строительство не обошлось. В те времена еще не было таких аргументов за Советскую власть, как Магнитка, Днепрогэс или победа в Сталинградской битве.

В те времена шла очень жестокая борьба внутри страны, и нельзя было давать в руки врагов и оппозиционеров ни малейшего шанса на успех. Если бы сталинцы развели демократию и гласность, то их бы уничтожили.

Правда, нужно сказать, что после войны, когда престиж Советского Союза в мире сильно укрепился, и уже никто не мог безнаказанно начать войну против СССР, когда внутри страны переловили и перестреляли почти всех врагов Советской власти, тогда нужда в тотальной секретности отпала. Отпала также нужда в бесконечном восхвалении мудрости партийного руководства и превознесении только одних успехов. Тогда мало кто в мире сомневался в жизнеспособности Советского Союза. Зубами, конечно, скрипели, но факт существования СССР признавали.

После войны уже можно было отойти от тотальной секретности и политики превознесения успехов. И нужно было отойти. Нужно было рассказать то, о чем недоговаривали в прошлом. Нужно было не начинать авантюрное обличение «преступлений» Сталина, а просто правдиво и документально рассказать о том, как и что делалось.

Но этого сделано не было. Молодая поросль коммунистов поняла, что секретность всех сторон партийной и государственной жизни страны — это норма. Поняла, что самый правильный пропагандистский курс — это восхваление подлинных или мнимых успехов Советской власти. И под руководством Хрущева началось такое бесстыдное восхваление коммунизма и компартии, что началось массовое самоослепление как руководства, так и рядовых масс членов партии и граждан Советского Союза.

Конечно, нет государственных и политических дел без секретов. Есть такие вещи, о которых не нужно говорить, по крайней мере в текущий момент. Но во всем есть свои пределы. Для нормального развития экономики страны нужна достоверная и точная информация, и от порядков, навязанных ожесточенной политической борьбой за власть, нужно отказываться, раз власть завоевана и оппоненты уничтожены.

Кратко говоря, кончилось тем, что руководство страны в атмосфере тотальной секретности и отсутствия критики снизу разложилось настолько, что отвергло идеалы социализма, продалось империалистам и развалило страну изнутри.

Так что, что бы там не говорили критики Сталина и открытые враги Советской власти, секретность — это оружие в борьбе с врагами, а никак не нормальное состояние общества, пусть бы даже и социалистического.

После больших успехов 1929 года новый, 1930 год начинался как будто очень даже неплохо. Высокие темпы роста промышленного производства, сильно выросшие накопления и финансовые ресурсы, мобилизованные для развития народного хозяйства, бурный рост коллективного сектора в сельском хозяйстве. В 1929 году был сделан приступ к многочисленным стройкам, началось строительство металлургических гигантов, приближаюсь быстрыми темпами к победному концу строительство Сталинградского тракторного завода. Теперь индустриализация стала бесповоротной, и все это понимали.

Казалось бы, достигнуты большие успехи и теперь можно надеяться на еще бóльшие достижения. Однако произошли крупные события, которые внесли в ход индустриализации существенные коррективы.

Этих крупных событий было несколько. Первое — это то, что план строительства и промышленного производства выполнен не был. Несмотря на брошенные на ликвидацию крупного прорыва силы, несмотря на особый квартал 1930 года[1], добиться выполнения плана не удалось. Это поставило показатели выполнения всего пятилетнего плана под угрозу и привело к тому, что за весь пятилетний план многие показатели так и не были достигнуты. Самый крупный прорыв произошел в черной металлургии. План по этой отрасли едва-едва удалось дотянуть до уровня 65% от плана. Из-за этого руководство хозяйством, осуществляемое Куйбышевым, было признано недостаточным, и в декабре 1930 года, после провала плана на особый квартал, он был смещен с поста председателя ВСНХ.

Второе событие 1930 года — это развернувшаяся коллективизация в сельском хозяйстве. Сталин, ободренный успехами строительства крупного сельского хозяйства в 1929 году, успехами советского тракторостроения, решил рискнуть и попробовать построить теперь уже целый коллективный сектор. Темп развития коллективного сектора, и без того высокий, в начале 1930 года еще больше увеличился. Развитие колхозов пошло семимильными шагами. Колхозы потребовали, теперь уже в массовом порядке, новой техники, людей, организаторов нового сельского хозяйства.

В 1930 году произошел крупный провал. Темпы строительства были не выдержаны, и вся пятилетка оказалась под угрозой. О перипетиях борьбы за выполнение плана 1930 года я еще расскажу в той главе, где будет идти речь о стройках. Там мы будем говорить о технических подробностях, о том, почему план выполнен не был. Эта история стоит того, чтобы посвятить ей внимание.

Критики Сталина, конечно, скажут, что не нужно было втягиваться в это дело, что нужно было придерживаться менее быстрых темпов и вообще быть поосторожнее. Может быть, такие рассуждения и имели право на существование, однако к 1930 году в дело индустриализации с повышенными темпами втянулись уже прочно и бесповоротно, и теперь стало невозможно ни свернуть, ни остановиться на этом пути. Среди руководства, особенно после изгнания Бухарина и его сторонников, уже больше не было сомнений: индустриализацию нужно было довести до конца во что бы то ни стало. Темпы строительства были крайне важны. Их нужно было выдержать во что бы то ни стало. В противном случае вся эта политика индустриализации рушилась, как карточный домик, под бременем затрат и долгов.

Плановое задание было выполнено не только потому, что были допущены прорывы на стройплощадках. Свою долю внесло недостаточное руководство хозяйственной стройкой и промышленностью. Плохо выполнил свою роль Куйбышев, председатель ВСНХ СССР. Руководство хозяйством было признано недостаточным. Причем руководство именно самого высшего порядка, то есть уровня Президиума ВСНХ СССР. Куйбышев допустил несколько крупных недоработок и просчетов.

[1] Особый квартал — это три месяца, октябрь-декабрь, которые уравнивали 1929/30 хозяйственный год с календарным 1930 годом.

Первой крупной недоработкой было то, что дело составления проектов для строящихся заводов оказалось фактически сорванным. Куйбышев не сумел обеспечить своевременное выполнение проектных работ.

Более подробно о сложившемся тогда положении говорит Конъюктурный обзор Госплана СССР о выполнении народнохозяйственного плана за октябрь 1929 — июль 1930 года. Планом предусмотрено освоение за этот хозяйственный год 940 млн рублей стоимости строительных работ. Но к июлю 1930 года затрачено оказалось 600 млн рублей, или 63%. Главная причина прорыва по даным обзора заключалась в неготовности проектов:

«Из-за проектов задержалось финансирование, заключение договоров, заказов на строительные материалы, размещение заказов на оборудование, материалы и т. д. Главнейшей причиной такого положения является бесплановость в работе; имелись случаи, когда строительства, которые не имели проектов, получили деньги, а строительства, имеющие проекты, их не получили. Такое же положение с рабочей силой, строительными материалами, оборудованием и т. п.» [60. С. 134].

По данным этого обзора, в июле 1930 года 40% строек вообще не имели проектов, 17% работали по эскизным проектам, и только 40% имели готовые и утвержденные проектные материалы. Это порождало сильнейшие затруднения в строительстве. На Магнитострое дошло до того, что когда прибыл готовый проект, пришлось сносить часть уже построенных зданий.

Соответственно, за шесть месяцев 1930 года средний процент освоения ассигнований за строительство составил 54,4%. В феврале сумели освоить только 45% выделенных денег на 450 объектах из 1121 строек, а к июлю долю освоенных ассигнований удалось поднять до 65,5% и теперь работы велись уже на 650 стройплощадках из 1053 [60. С. 135].

Второй крупной недоработкой Куйбышева был срыв снабжения строек стройматериалами. Оказалось, что мощности имеющейся промышленности стройматериалов не могут закрыть все потребности строек в материалах. Снабжение строек

стройматериалами было безнадежно провалено. Куйбышев почти ничего не сделал для своевременного развития промышленности стройматериалов. В итоге в июле 1930 года имелось только 73% от необходимого количества, 47,5% кирпича, 61% леса, 64% пиломатериалов. Крупнейшие стройки недополучили обещанные материалы. Например, Магнитострой из выделенных ему 3 млн 100 тысяч штук кирпича получил только 1 млн 130 тысяч штук, Челябтракторострой — из 5 млн 300 тысяч штук получил только 1 млн 660 тысяч, Березниковский химстрой — из 3 млн штук получил только 2 млн 100 тысяч штук кирпича [60. С. 136—139].

Третьей крупной недоработкой Куйбышева был срыв заказов на оборудование. Если первые две недоработки еще както можно объяснить объективными причинами, которые действительно имели место быть, то с заказом оборудования главной причиной была нераспорядительность руководства. По собранным Конъюнктурным отделом Госплана СССР данным оказалось, что к июлю 1930 года было оформлено только 52% заказов на оборудование для достраивающихся заводов [60. С. 136—139]. К августу месяцу 1930 года на покупку станков за рубежом было запланировано выделить 100 млн рублей золотом, но было отпущено только 55 млн рублей [61. С. 68]. Кроме того, что был дефицит, стройматериалы и оборудование распределялись крайне неравномерно. Там, куда уже прибыло оборудование, еще не достроили цеха и сооружения из-за острой нехватки материалов. А там же, где строительство завершилось, стали дожидаться оборудования для начала монтажа.

Все эти факты были следствием именно плохого руководства стройками, нераспорядительности руководителей, которые предпочитали дожидаться обещанных поставок, нежели заготавливать нужные материалы своими силами. Потом, в конце 1930 года, почти все стройки пришли к тому, что лучше не ждать милости снабженческих органов, а заготавливать самим или же требовать, требовать жестко, привлекая контрольные партийные и советские органы, общественность, выполнения планов по снабжению. В конце года хозяйственное руководство, наученное горьким опы-

том, отбросит всю свою нерешительность и нераспорядительность в сторону.

В это время Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции под руководством Орджоникидзе вел напряженную работу, разбираясь с положением в тяжелой промышленности. Он собирал информацию о недоработках, ошибках и просчетах руководства ВСНХ в капитальном строительстве. Орджоникидзе готовился к докладу на предстоящем XVI съезде ВКП(б). 2 июля 1930 года, на заседании съезда, председатель Центральной контрольной комиссии и нарком РКИ Орджоникидзе сделал доклад о положении в тяжелой промышленности и о грубых ошибках руководства ВСНХ.

Этот доклад вызвал совершенно неподдельный интерес. Орджоникидзе, например, сообщил съезду, что в строительстве до сих пор действует «Урочное положение», составленное еще в 1843 году и утвержденное Александром II в 1869 году. Это «Урочное положение» устанавливало нормативы строительных работ. Расчеты каменной кладки, плотницких и подсобных строительных работ до сих пор делались по этому положению. Разумеется, говорил Орджоникидзе, что строительство отстает и не может выполнить высокие планы, потому что нормы, предъявляемые на строительстве, давно устарели. Из-за этих правил каменные и бетонные работы ведутся черепашьими темпами.

Ударил он и по проектному делу, благо в его распоряжении был хороший материал. Советское государство, говорил Орджоникидзе, оказалось вынужденным тратить золото на содержание инженеров за границей, на работу проектного бюро, которое составляло проект Челябинского тракторного завода.

Критика Куйбышева была разгромной. Ему нечего было возразить в ответ. Ночью 3 июля 1930 года Куйбышев написал покаянное письмо в ЦК с признанием своих ошибок:

«1) Устами Серго говорила партия, ее генеральная линия,

2) партия, как всегда, права,

3) хозяйственники не должны превращаться в какую-то касту, они должны быть вместе с партией, помогать ей в исправлении безбоязненно недочетов и впрягаться в работу,

4) хозяйственники не должны самоизолироваться и более активно пополнять свою среду свежими пролетарскими силами» [61. С. 83].

Решение Политбюро ЦК последовало очень скоро. Решили заменить Куйбышева на Орджоникидзе. Тот тоже неплохо разбирался в хозяйстве, имел гораздо более жесткий характер и чрезвычайную требовательность к подчиненным. 14 августа 1930 года Григорий Константинович Орджоникидзе постановлением ЦИК и Совнаркома СССР был назначен Председателем ВСНХ.

Однако до 10 ноября Куйбышев продолжал исполнять обязанности Председателя ВСНХ. Он остался на посту потому, что начались большие политические события, и пока Сталину был крайне необходим на посту Председателя ЦКК такой человек, как Орджоникидзе. Началась работа по выведению Рыкова с поста Председателя Совнаркома СССР. Потом, совершенно неожиданно, вскрылся заговор Сырцова и Ломинидзе против руководства партии. Орджоникидзе вступил в должность Председателя ВСНХ только 11 ноября, после того, как было принято окончательное решение по делу блока Сырцова-Ломинидзе. Куйбышев все это время временно исполнял обязанности Председателя ВСНХ, а потом его передвинули на пост Председателя Госплана СССР вместо постаревшего Кржижановского.

Отставка Куйбышева не была случайностью. В таких сложных условиях негодного руководителя, завалившего темпы строительства, нужно незамедлительно сместить. Теперь вся тяжесть работы, вся тяжесть борьбы за высокие темпы и ликвидация допущенного прорыва легла на нового Председателя ВСНХ. Задача ему была поставлена сложная: нужно было за остаток календарного 1930 года нагнать план и, если это окажется возможным, его перевыполнить. Орджоникидзе с самого первого дня на посту руководителя промышленности взялся за выполнение этой задачи. Авраамий Павлович Завенягин так писал о том, как Орджоникидзе приступил к руководству тяжелой промышленностью:

«Когда тов. Серго в конце 1930 года был назначен председателем ВСНХ, он не стал терять времени. Уже через не-

сколько дней он перевернул в ВСНХ все вверх дном. Через какую-нибудь декаду была разработана и проведена в жизнь новая структура аппарата, сделавшая ее более оперативной» [62. С. 130].

Орджоникидзе начал работу по выведению строек и промышленности из провала. Был реорганизован аппарат ВСНХ, и работе был придан мощный толчок. Сам Орджоникидзе постоянно вызывал к себе людей, требовал отчеты, требовал доклады, требовал сведений о положении дел на том или ином объекте, быстро вникал в суть дела и отдавал указания. Все силы ВСНХ были брошены на то, чтобы закрыть допущенный прорыв в выполнении планов строительства и производства.

Это время было названо «особым кварталом» 1930 года. Как мы знаем, в 20-х годах хозяйственный год начинался с октября. Это введение было связано с необходимостью связывать плановую работу и финансирование промышленности с урожаем. Но в 1930 году положение коренным образом поменялось. Теперь уже не мелкий крестьянин производил бóльшую часть валового сбора хлеба, и теперь уже не кулак производил бóльшую часть товарного хлеба, а колхозы и совхозы стали лидерами в производстве зерна. Гигантский «Зернотрест» уже в 1929/30 году имел 1 млн 60 тысяч гектаров посевов и произвел 1,7 млн тонн товарного зерна. Колхозы имели в 1930 году 36 млн гектаров посевов и произвели 8 млн тонн зерна. Колхозные поля занимали площадь, равную территории Франции и Италии, вместе взятых [63. С. 283—287]. Соответственно, необходимость в планировании ориентироваться на урожай в 1930 году отпала. Было принято решение перейти с 1 января 1931 года на календарное исчисление хозяйственного года.

То время, которое в 1930 году составляло разницу между старым и новым хозяйственными годами, решено было учитывать как пятый квартал и использовать это время для ликвидации прорыва в темпах строительства. 3 сентября 1930 года Политбюро ЦК обратилось с призывом мобилизовать все силы на выполнение программы третьего года пятилетки.

План «на особый квартал» был составлен очень жесткий. За эти месяцы нужно было освоить 901 млн рублей стоимости строительства, из которых 120 млн переходило в качестве остатка от прошедшего хозяйственного года. Куйбышев приказом от 6 сентября 1930 года выделил 34 строительства в разряд ударных строек, работы на которых должны быть резко ускорены. Общая стоимость ударных строек в это время составляла 209 млн рублей. Работам было придано максимально возможное ускорение, вплоть до штурмов и работах на сильном морозе.

Полностью этот напряженный план выполнить не удалось. Рабочие и руководители сделали все, что могли, работали в труднейших зимних условиях при нечеловеческом напряжении. Но все же, по сравнению с летом 1930 года, выполнение плана было гораздо более высоким. По ударным стройкам положение было хуже, чем по всему строительному фронту, но выглядело вполне терпимо. Из 201 млн было освоено 152,8 млн рублей, или 73,1% от плана. Морозы не дали возможности развернуть строительство в полную мощь. Но по ряду ударных объектов удалось достичь 100%-го выполнения плана. Полностью сделали все запланированные работы Березниковский химстрой, строительство Соликамского химкомбината, Уралмедьстрой, строительство Ростовского завода сельхозмашин и Саратовского комбайностроительного завода. Также были полностью выполнены все работы на Мариупольском и им. Дзержинского металлургических заводах [60. С. 142—145].

За «особый квартал» было освоено 793,9 млн рублей, что составило 98% к общему плану, и было гораздо больше, чем за полгода работ. Положение с годовым планом удалось выправить. На новый хозяйственный год перешел лишь небольшой остаток, и теперь уже можно было не опасаться за срыв пятилетки.

В начале 1930 года в ведущих зерновых районах началась сплошная коллективизация. 5 января 1930 года вышло постановление ЦК «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В этом постановлении говорилось о том, чтобы уже к концу года в ведущих зер-

новых районах коллективизировать от 70 до 90% всех крестьянских хозяйств.

Что было главным в коллективизации? Главное — это перевод крестьянского труда на машинную основу и тем самым поднятие его производительности. В конце 20-х годов 24 млн крестьянских хозяйств использовали 32 млн лошадей, ручной инвентарь и только 34,9 тысячи тракторов, которые, как мы видели, были сосредоточены в совхозах и колхозах. Подавляющее большинство обрабатывало свои поля и посевы или вручную, или с помощью лошади. Нередко пахали на сохах.

Сталин проводил крупный переворот в сельском хозяйстве. Его начало в 1928—1929 годах было связано с политическим столкновением с Бухариным и хозяйственными затруднениями. Мерами, направленными на строительство крупных зерновых совхозов, на строительство и развитие кооперации, особенно машинной, на развитие контрактации крестьян, удалось решить хлебные затруднения конца 20-х годов и создать некоторую основу для дальнейшей перестройки сельского хозяйства. Этими мерами были продемонстрированы успехи коллективного, машинного сельского хозяйства.

В деле его дальнейшего развития нужно было сделать следующий шаг, то есть провести механизацию всего сельского хозяйства в целом. Машинная база МТС в 1930 году была чрезвычайно слабой. Сталин привел на XVII съезде цифры, сколько было в МТС в 1930 году тракторов, комбайнов, двигателей, автомобилей. В то время там было 31,1 тысячи тракторов, в основном типа «Фордзон» мощностью в 15 л. с, было 7 комбайнов (на все созданные станции), 100 локомобилей и двигателей, 2900 молотилок, 168 электромолотилок, 200 грузовиков и 17 легковых автомобилей [57. С. 488]. Это все распределялось на 85,6 тысячи колхозов и на 6 млн крестьянских коллективизированных хозяйств. Получается по одному трактору на три колхоза и 193 крестьянских двора. Даже с тракторами в деревне было очень негусто, не говоря уже о комбайнах и молотилках. Острый недостаток машинной силы тормозил

развитие производства сельскохозяйственной продукции. Колоссальное количество труда расточалось впустую в безнадежно устаревших и ставших неэффективными мелких крестьянских хозяйствах.

Но в этом главным препятствием было то, что крестьяне вели небольшие хозяйства на небольших участках земли, на которых технику нельзя было использовать с должной эффективностью. Перевод крестьянского хозяйства на машинную обработку земли уперся в необходимость слияния вместе крестьянских наделов, то есть в необходимость коллективизации.

В деревне нужно было провести предварительную подготовку сельского хозяйства к приему машин. Нужно было, во-первых, объединить крестьянские наделы, чтобы на них могла эффективно работать новая техника. Во-вторых, нужно было организовать техническое обслуживание новой техники, нужно было обучить кадры сельских механизаторов. В-третьих, нужно было провести большую пропагандистскую и воспитательную работу в деревне, чтобы хотя бы в минимальной степени научить крестьян основам крупного коллективного хозяйства.

Хорошая идея — пересадить мужика на трактор. Но только она потребовала коллективизации этого самого мужика и уничтожения его мелкособственнических интересов.

Для того, чтобы провести коллективизацию и получить от нее именно те результаты, которые от нее ожидались, нужно было провести большую подготовительную работу в промышленности, в тех ее отраслях, которые должны были производить сельхозмашины и трактора. Она, по существу, началась еще летом 1929 года, когда был создан «Тракторцентр» и на «Красном Путиловце» был размешен заказ на производство тракторов.

Замысел был такой: пока «Путиловец» делает тракторную колонну, нужно провести в основных зерновых районах коллективизацию, создать машинно-тракторные станции, которые могли бы осенью 1930 года принять первые трактора и уже весной 1931 года начать пахоту и сев. Подходили сроки пуска других заводов сельскохозяйственного машинострое-

ния. Уже в 1931 году в деревню можно будет отправить 50—60 тысяч тракторов, первые 10—20 тысяч комбайнов и первые 10—20 тысяч грузовиков.

В конце декабря 1929 года выполнение заказа на трактора «Красным Путиловцем» было в пределах запланированного объема производства. В Политбюро решили, что пора приступать к коллективизации, поскольку первоначальный задел в тракторах был уже сделан. Теперь было необходимо развернуть подготовительную работу в деревне, чтобы уже весной можно было начать приемку тракторов в машинно-тракторных станциях. 5 января 1930 года ЦК приняло решение начать коллективизацию и выпустило свое знаменитое постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

Сразу же после этого постановления началась партийная мобилизация рабочих для помощи коллективизации. Совершенно неверно историки и публицисты представляют их роль в коллективизации деревни. Обычно представляют рабочих-двадцатипятитысячников какими-то комиссарами, которые, мол, помогали раскулачиванию. Странно, что за семьдесят лет никто так и не удосужился усомниться в целесообразности такого решения. Для того, чтобы арестовать кулаков, совсем не нужно было отрывать от дела рабочих. Для этого есть органы ОГПУ. Если бы дело состояло только в раскулачивании, то на помощь приехали бы не рабочие, а чекисты.

Можно добавить еще одну деталь. Партийная мобилизация рабочих коснулась в основном рабочих-металлистов. А в «Истории Кировского завода» на этот счет есть еще более интересное указание на то, что в деревню были отправлены, главным образом, рабочие из тракторного отдела завода. Это, вместе с заказом на «Красном Путиловце», вместе с производственным совещанием, на котором присутствовал сам Куйбышев, придает делу совершенно нетривиальный разворот. Значит, заказ тракторов был очень важным, и еще более важным, гораздо важнее чем выполнение плана, была необходимость в отрыве квалифицированных рабочих от станка.

Что же такого могли делать рабочие-металлисты с «Красного Путиловца» в деревне? Они могли там заниматься только одним делом: налаживать эксплуатацию, обслуживание и ремонт поставленной в деревенские МТС техники. Для того и была проведена эта партмобилизация, чтобы в самые короткие сроки создать в деревне хоть сколь-нибудь грамотные кадры механизаторов, водителей и техников, подготовить условия для эксплуатации, обслуживания и хранения техники.

Но дальше начались трудности. В начале 1930 года производство тракторов на «Красном Путиловце» резко сократилось из-за перебоев в работе. План стал недовыполняться, и под угрозу была поставлена вся годовая программа. Но поскольку, по существу, темпы коллективизации зависели от производства тракторов, то весной 1930 года стало ясно, что тракторов, выпускаемых на «Путиловце» для обеспечения коллективизации этого года, становится явно недостаточно. Было необходимо дать каждой МТС хотя бы по два-три трактора, чтобы уже на самых первых порах развития колхозного хозяйства крестьяне почувствовали преимущества коллективного труда. Но провал плана производства делал эту задачу трудноосуществимой, да и на местах темп создания колхозов стал бо́льшим, чем предполагалось.

Нужно было срочно приостановить коллективизацию, чтобы не вышло так, что колхозы созданы, а тракторов и машин для них еще нет. Без машин, без тракторов колхоз как таковой был, по существу, не нужен. В этих условиях родилось знаменитое письмо Сталина от 2 марта 1930 года «Головокружение от успехов» и последующее постановление ЦК по этому вопросу. Сталин поставил вопрос в своем письме так, чтобы не показать истинную причину резкого торможения коллективизации.

Как известно, о тракторах и машинах в этом письме Сталин не сказал ни слова. Зато он писал о необходимости добровольности, о необходимости учета местных условий, о необходимости подготовительной работы, о том, что нужно насаждать артель, а не коммуну, что нельзя обобществлять приусадебные участки, жилые дома, мелкий скот и птицу. В постановлении ЦК, кроме этого, писалось еще о неправо-

мерном закрытии местных рынков и о неправомерном, административном закрытии церквей.

Странно, что за прошедшие с того момента семьдесят лет никто так и не задал законного вопроса: с чего это вдруг Сталин, Политбюро ЦК и само ЦК озаботилось неприкосновенностью личной собственности крестьян, неправомерным закрытием рынков и церквей? Вроде бы до этого они не были замечены в особой симпатии к частной собственности, рынкам и церквям. На фоне всей их предыдущей и настоящей на тот момент деятельности это письмо и решение ЦК выглядит более чем странным.

На деле же за этим письмом и постановлением ЦК, как видится, стоял глубокий политический смысл. Это был 1930 год — самый разгар строительства. Нельзя было в тот момент бросить даже тень сомнения на политику индустриализации, и прямо написать, что коллективизация в деревне провалилась из-за отсутствия тракторов. Этим был бы нанесен непоправимый урон политике индустриализации, что могло повлечь самые непредсказуемые последствия. Потому и были выбраны такие малозначительные с точки зрения той политики, которую они тогда проводили, поводы: закрытие рынков, обобществление мелкого скота и домов, принуждение крестьян.

Пришлось отступить и ждать того момента, когда в строй войдут другие тракторостроительные заводы, в первую очередь Сталинградский тракторный завод, и когда «Красный Путиловец» поднимет производство тракторов. Сталин в конце марта 1930 года написал статью «Ответ товарищам колхозникам», в которой дал ответы на наиболее животрепещущие вопросы аграрной политики партии. Там, среди всего прочего, Сталин поставил новую конкретную цель колхозному движению:

«Ближайшая практическая задача колхозов состоит в борьбе за сев, в борьбе за наибольшее расширение посевных площадей, в борьбе за правильную организацию сева.

К задаче сева должны быть приспособлены сейчас все другие задачи колхозов...

Но чтобы осуществить с честью эту практическую задачу, надо повернуть внимание колхозных работников в сторону *хозяйственных* вопросов колхозного строительства, в сторону вопросов *внутриколхозного* строительства...

Теперь внимание работников должно быть сосредоточено на *закреплении* колхозов, на организационном *оформлении* колхозов, на *организации* деловой работы в колхозах» [57. С. 353].

По-моему, сказано яснее ясного.

Пришлось отступить и на время смириться с тем, что часть колхозов распадалась от отсутствия техники и должной организации, что был отток крестьян из колхозов. Все внимание работы в деревне лета-осени 1930 года было направлено на удержание достигнутого результата. И уже в 1931 году началось повторное наступление коллективизации в деревне, теперь уже без особого шума и кампанейщины, с гораздо большими колоннами тракторов в наличии. Развалившиеся было колхозы вновь были воссозданы вместе с организацией тысяч новых колхозов.

Успех коллективизации готовился в городе, конкретно в Ленинграде, на заводе «Красный Путиловец», который в июле 1929 года получил заказ на выпуск 10 тысяч тракторов типа «Фордзон» для нужд колхозного строительства. Осенью 1929 года на «Путиловце» началась работа по освоению выпуска такого количества тракторов.

Это был большой заказ. До этого, начиная с 1923 года, завод выпустил всего лишь 1,5 тысячи тракторов. Это было полукустарное производство. Теперь же нужно было перейти от такого мелкосерийного выпуска к по-настоящему массовому производству. Положение осложнялось тем, что далеко не все детали «Фордзона» были освоены на советских заводах. Некоторые из них приходилось ввозить из-за границы.

Специалисты завода так и подсчитали, что для начала выполнения производственной программы им нужно будет заказать, кроме станков и оборудования, 2 тысячи комплектов запасных частей к трактору на сумму в 2,5 млн рублей золотом. Партком завода на это дело смотрел совершенно с дру-

гой точки зрения. Он принял решение изготовить все запчасти у себя на заводе, срочно освоив производство всей номенклатуры частей «Фордзона». Мнения столкнулись, и для решения этого противоречия требовалось решение хозяйственного руководства.

В ноябре 1929 года на «Красном Путиловце» состоялось производственное совещание, посвященное вопросу выполнения этого заказа. На нем присутствовали Куйбышев и Киров. Куйбышев, ради этого совещания, бросил все свои дела и приехал в Ленинград. Это обстоятельство показывает, что заказ был необычным и имел очень большое значение. На этом совещании представители рабочих тракторного цеха выдвинули встречный план: выпустить не 10 тысяч, а 12 тысяч тракторов к 1 октября 1930 года. Специалисты и технический директор завода Саблин выступили резко против этого плана, заявив, что совершенно невозможно взять план в 12 тысяч тракторов. Однако совещание приняло встречный план. Рабочих поддержал Киров.

План в 12 тысяч тракторов означал выпуск не менее 600 машин в месяц. Но выполнение программы натолкнулось на большие сложности. Не хватало организованности и слаженности производства всех комплектующих частей трактора. Сказывалось отсутствие опыта настоящего поточного производства. С перебоями работал термический цех, недодававший каленые детали. Плохо работал механический цех, изготовлявший детали двигателя. Программа производства из месяца в месяц недовыполнялась. В мае 1930 года был выпущен всего 201 трактор вместо требуемых 600 машин. Руководство цеха и технический персонал завода практически ничего не делали для исправления ситуации. Все производство держалось на рабочем энтузиазме.

В июне дело удалось поправить, и прорыв в производстве был ликвидирован. Однако 30 июня выяснилось, что до выполнения плана не хватает 89 машин. Запас деталей был, и рабочие-сборщики решили взять план штурмом, решили не расходиться до тех пор, пока не соберут

оставшиеся до плана трактора. Вечерняя смена сборщиков работала всю ночь, и к утру им удалось собрать 94 трактора. План был не только выполнен, но и даже превышен.

Казалось бы, с недовыполнением программы покончено. Однако тут же в производстве возникло другое узкое место. Перестала работать из-за переоборудования блоковая мастерская. Сборка тракторов остановилась из-за нехватки блоков двигателей — основной детали трактора. Июль держались на запасе импортных блоков, которые имелись на заводе, но к концу месяца весь запас был израсходован. В августе 1930 года программа рухнула. Бывали дни, когда из ворот тракторного цеха выходило всего 10—15 тракторов вместо 30 машин, положенных в день.

Из-за этих недостатков в работе, из-за неравномерности в работе цехов, в которых изготавливались самые важные части трактора, не удалось выполнить не только повышенную программу, но даже и правительственный заказ на 1930 год. Вместо 10 тысяч тракторов фактически было изготовлено только 8935 машин [64. С. 318-344].

Однако, несмотря на неудачу, эти трактора сыграли свою роль в коллективизации деревни. В весеннюю посевную кампанию 1931 года трактора вспахали 12% всех колхозных посевов.

На 1931 год завод получил еще более напряженный план. «Красному Путиловцу» нужно было изготовить 32 тысячи тракторов, в том числе 20 тысяч в виде запчастей. Тракторный отдел завода уже прошел реконструкцию. В феврале 1931 года был полностью завершен монтаж оборудования в новом тракторомеханическом цехе, была установлена новая корпусная линия, поршневая линия, была переоборудована блоковая мастерская, оснащенная 40 новыми станками-полуавтоматами. Все эти изменения выразились в резком увеличении производства. В марте 1931 года завод выпустил 1400 тракторов [64. С. 366].

Историки, о критиках тут и говорить нечего, в политике коллективизации упустили главное. Объединить крестьян в колхозы, подавить сопротивление отдельных групп кресть-

ян было делом важным, но все же не самым главным. Для этого дела силы у Советского государства были. Однако главная загвоздка была в том, что нужно было в самые кратчайшие сроки создать в деревне базу для использования машинной техники. Нужно было построить машинно-тракторные станции, соорудить навесы и гаражи для машин и тракторов. Нужно было создать на этих станциях ремонтную базу, укомплектовать ее инструментами и запасными частями. Сегодня это нам кажется легкой задачей, но в те времена один только инструмент было очень сложно достать. Производство запчастей только разворачивалось. Кроме всех этих технических сложностей нужно было подготовить в деревне кадры сельских механизаторов. Вот это была самая сложная задача.

Технически грамотных людей не хватало, и остро не хватало, в городе. А в деревне и подавно. Нужно было срочно из малограмотных крестьян подготовить трактористов, механизаторов, ремонтников, обучить их способам управления машиной, правилам содержания и обслуживания, методам ремонта. Нужно было обучить обращаться с техникой сотни тысяч малограмотных крестьян.

Л. А. Гордон и Э. В. Клопов пишут в своей книге «Что это было?» о том, как сельское хозяйство переводилось на машинную работу. Признав большие достижения в этом деле, они тут же нашли «обратную сторону»:

«Беда, однако, в том, что этих прочих равных условий не было. Сельская механизация в течение десятилетий после колхозного преобразования деревни имела не сплошной, а скорее точечный характер; она касалась лишь отдельных операций, и подавляющая часть колхозников по-прежнему работала вручную. Кроме того, механизация всюду, где она развивалась, принимала обезличенные крупноколлективные формы. Между тем, в сельском хозяйстве крупные коллективы далеко не всегда имеют преимущества сравнительно с индивидуально-семейной организацией труда» [65. С. 70].

В этом отрывке авторы расписались в том, что совершенно не представляют себе условий начала 30-х годов

в деревне. Машинизация сельского хозяйства началась практически с нуля. Условия: огромные площади, колоссальные масштабы всего сельского хозяйства, слабо развитое сообщение и транспорт между городами и деревнями, отсутствие инфраструктуры, отсутствие подготовленных кадров. При гигантских масштабах советского сельского хозяйства поставка одних только тракторов была громадным делом, которое осуществлялось в течение добрых двадцати лет. И только после этого стало возможным несколько децентрализовать использование машинной силы.

А в первые годы развития коллективного хозяйства для того, чтобы от машин, от работы тракторов был хоть какой-то толк, поневоле приходилось концентрировать машины в крупных организациях, которые обслуживали десятки колхозов. Пришлось наложить на колхозы натуральные отчисления на содержание машинно-тракторных станций. В те времена нельзя было действовать по-другому.

Индивидуальное хозяйство может быть эффективным только тогда, когда оно вооружено самой современной техникой, механизировано и электрифицировано, когда оно вооружено самой передовой агротехникой. Но в начале 30-х годах создание таких хозяйств в массовом порядке было совершенно невозможно. Промышленность была не в состоянии произвести потребное для этою количество машин и инвентаря, электростанции не могли дать нужное для этого количество электроэнергии, которой едва хватало для промышленности. Закупить нужные для создания эффективных индивидуальных хозяйств машины за границей тоже было невозможно. Для этого не хватило бы даже самого большого урожая, и этот процесс тоже бы затянулся на десять-двадцать лет. А в это время государству надо было жить, снабжать население и армию продовольствием, развиваться и торговать. Потому стали проводить тот вариант, который был реально доступен.

Правда, в этом деле без крупных промахов, просчетов и неудач не обошлось. Коллективизация вызвала настолько сильное сопротивление со стороны зажиточных слоев

деревни, что пришлось применить против них меры принуждения. Сопротивлялись не только кулаки, все свое благосостояние построившие на труде батраков, на ссудах и на кредитах. Сопротивлялась теперь и часть середняков. Их навыки, которые выводили их в ряды зажиточных крестьян при господстве мелкого хозяйства, с введением и распространением машин обесценивались. Они переставали быть уважаемыми людьми на деревне. Теперь любой бедняк, научившийся водить трактор, становился самым уважаемым и самым известным человеком в деревне. Зажиточная верхушка сопротивлялась, как могла, такому перевороту в деревне, но это сопротивление было сломлено.

Те же Л. А. Гордон и Э. В. Клопов пишут:

«Уже в самый момент создания колхозов массовое раскулачивание, захватившее и значительную часть середняков, выбросило из деревни миллионы наиболее крепких, опытных, сведущих сельских хозяев. Их исчезновение, несомненно, понизило квалификацию совокупного сельскохозяйственного работника нашей страны» [65. С. 71].

Здесь имеет смысл поставить вопрос о том, насколько навыки этих крестьян были необходимы для крупного, коллективного, механизированного сельского хозяйства. Ответ: не так уж и нужны. Их навыки сформировались на опыте ведения мелкого хозяйства, в котором они почти целиком управлялись своими силами. По существу, зажиточными крестьянами были те, кто мог работать за двоих, за троих, кто мог с особой изощренностью и жестокостью эксплуатировать труд членов семьи. Возможно, они несколько больше понимали в условиях своего края, в тонкостях ведения хозяйства в этом месте. Но эти знания были пригодны только для мелкого хозяйства.

Ни один зажиточный крестьянин не имел опыта обработки больших полей десятками тракторов, потому что ни того, ни другого просто не имел. Ни один зажиточный крестьянин ничего не знал об агротехнике крупных посевов, потому что засевал клочок земли дедушкиным способом. Никакой зажиточный крестьянин не умел обрабатывать сразу сотни

и тысячи тонн зерна, потому что у него никогда такого урожая не было. Он не знал, как хранить и перевозить тысячи тонн зерна, потому что весь его урожай лежал в небольшом амбаре и перевозился, при случае, на лошадке. Так что говорить о том, что деревня много потеряла от отсутствия зажиточных крестьян, будет неправильно. Скорее наоборот, выиграла.

Кстати, крестьяне понимали, в массе своей, что их знаний и навыков для ведения такого крупного хозяйства, как рядовой колхоз, явно недостаточно, и потому подчинялись руководству колхоза и требовали от него заботы о хозяйстве. Слово же агронома для них было непререкаемо.

О том, что деревня проиграла не так уж и много, говорит тот факт, что спад сельскохозяйственного производства сразу после коллективизации составил всего 7% от уровня 1929 года. Этот спад был полностью преодолен за первые две пятилетки. Уровень 1929 года оказался превышен уже в 1938 году. Любой мало-мальски серьезный неурожай производил в деревне куда как более серьезные опустошения. Продукция же зернового хозяйства не только не сократилась, но и поднялась на 2%, а в 1938 году — на 7% к уровню 1929 года. Крупная неудача постигла животноводческое хозяйство. Здесь спад составил 28%. Но к 1938 году он сократился до 11% [65. С. 74].

Можно показать этот факт с другой стороны. В 1929 году сельским хозяйством занималось 80 млн человек. В 1933 году колхозников осталось всего 56 млн человек. При этом, что в 1929 году, что в 1933 году производилось ровным счетом 74 млн тонн зерна. То есть 30% населения деревни ушло[1], а производство зерна осталось на прежнем уровне.

Упало производство мяса и молока. Мяса почти вдвое, с 5,7 млн тонн до 2,7 млн тонн, а молока с 31,4 млн тонн до 22,2 млн тонн, то есть на 30% [65. С. 75]. Объясняется это двумя причинами. Во-первых, был массовый забой

[1] Вот-вот... Какое обтекаемое слово: «ушло». Действительно — ну куда же они все девались?! Неужели отеческая забота товарища Сталина о трудящихся привела к каким-то странным последствиям?! — *Примеч. ред.*

скота в период коллективизации в качестве своеобразной формы сопротивления. Из-за этого поголовье скота сократилось с 66 млн голов до 33 млн голов. Во-вторых, при перестройке сельского хозяйства главное внимание обращалось на подъем и укрепление зернового хозяйства, на производство товарного зерна, легко перевозимого и хранимого, по сравнению с мясом и молоком. Этими видами сельской продукции пожертвовали, поскольку ни механизировать животноводство, ни создать достаточную базу для хранения и переработки мясомолочной продукции тогда было невозможно. Промышленность едва-едва вытягивала производство тракторов, и взять заказы на холодильники и оборудование для мясокомбинатов для нее было уже не под силу.

Но в целом сельская политика удалась. Основные зерновые районы были коллективизированы, там были созданы колхозы и машинно-тракторные станции, и производство зерна теперь уже велось с активным применением техники.

Критики Сталина говорят, что ради импорта станков и машин он провел коллективизацию сельского хозяйства и заморил голодом крестьян на Украине в 1932—1933 годах. Из этой фразы верна только первая часть. Истинно так, Сталин провел коллективизацию и машинизацию сельского хозяйства для того, чтобы иметь возможность распоряжаться большим фондом товарного хлеба. Он направлялся, главным образом, на снабжение городов и строек, а часть его можно было продать капиталистам.

Но вот вторая часть фразы совершенно неверная. Причина голода на Украине — неурожай 1932 года. В те времена засухи и неурожаи были куда более частым явлением, чем сегодня. Например, вплоть до конца 40-х годов самые хлебные области Поволжья страдали от ежегодных засух и регулярных крупных неурожаев. Крестьяне этого района постоянно недоедали. Причем положение с урожаем зависело от агротехники. Разница между районами могла быть значительной. Были районы, где выгорали все посевы, а были такие, в которых бывал небольшой, но все же какой-то урожай. Эти колебания удалось устранить только улучшением агротехники, массовыми посадками лесозащитных полос и устройством прудов в колхозах.

Аналогичное положение было и на Украине. При низкой агротехнике, в открытой жаркой степи любой суховей губил посевы. Тогда, в начале 30-х годов, никаких лесополос и прудов еще не было. Для их устройства не было ни сил, ни средств. Точно так же не было ни сил, ни средств для коренного улучшения агротехники. В деревне не хватало тракторов, потому что их производство еще не вышло на полную мощность. В ряде мест пахали сохами, а в большей части районов вспашка велась конными плугами.

Потому засуха 1932 года сгубила посевы и вызвала голод. Распространился он так широко только потому, что в стране в тот момент не оказалось маневровых продовольственных фондов[1]. Хлеб, сданный в 1930 и в 1931 годах, был или уже израсходован, или уже распределен по городам и строительствам. В те времена, напомню, продукты продавались по карточкам. Часть этого хлеба была вывезена за границу и к лету 1932 года уже давно лежала на складах в иностранных портах. И не просто лежала, а была заложена под кредиты, на которые уже купили оборудование и привезли его в Советский Союз. Вернуть его назад было невозможно.

Когда началась засуха, оказалось, что власть ничем не может помочь голодающим районам. Хлебных запасов нет, денег на покупку продовольствия тоже нет. Правда, следует сказать, что продовольствие тогда в сравнительно небольших количествах все равно закупалось. Кредиты для закупки продовольствия тоже не возьмешь, потому что их и так уже предостаточно набрали. А то зерно, которое лежит на складах за рубежом, вывезти нельзя, потому что оно заложено. Даже если бы Сталин очень захотел помочь голодающим крестьянам, у него мало что бы получилось. Были предприняты попытки

[1] Можно подумать, в царское время не было ни суховеев, ни неурожаев! А вот голода, при котором трупы лежали бы у полотна железной дороги, почему-то не возникало. С чего бы это? — *Примеч. ред.*

как-то сманеврировать усиленными заготовками в тех районах, где уродился хоть какой-то урожай, и ценой всеобщего недоедания не допустить гибели людей. Но и эта попытка удалась далеко не полностью. Сталину пришлось, в конце концов, принять нелегкое решение — бросить голодающие районы на произвол судьбы[1].

Для сравнения. Когда в 1946 году в тех же самых районах разразился голод, тоже из-за сильной засухи, Советское правительство уже в сентябре 1946 года купило в Китае 1 млн тонн зерна и 10 тысяч тонн мяса и перебросило это продовольствие в голодающие районы. В них были открыты специальные пункты, специальные продовольственные площадки, на которых кормили голодающих детей.

«Гулаговеды» выставляют Сталина эдаким монстром: он, якобы, сам организовал голод на Украине ради каких-то непонятных и «гулаговедами» не разъясняемых целей. Для создания такого впечатления применяется один и тот же обкатанный прием: «гулаговеды», указывая только общий абрис партийной политики в это время в этом месте, например, указывая только даты посылки комиссий ЦК, без указания задач и точного состава, они тут же переходят к описаниям всевозможных ужасов, творившихся на местах. Нужно заметить, что эти ужасы, вплоть до деталей, кочуют из издания в издание. В итоге создается впечатление, что комиссии ЦК прямо поощряли такие перегибы, что они возникали именно как следствие приезда этих комиссий.

Есть, например, такая гнусная книжка «Черная книга коммунизма» [66], где голоду 1932—1933 годов посвящено всего двадцать страниц и события изложены вышеописанным способом. Из текста так и остается непонятным, куда точно приехали комиссии Молотова и Кагановича, чем они занимались и чего добились. Минимум цифр и фактов — максимум обвинений[2].

---

[1] А вот в царской России— не бросали... — *Примеч. ред.*

[2] В ней есть предисловие того самого А. Н. Яковлева. Этот бывший цекист опустился до того, что потребовал суда над КПСС, как над преступной организацией. В связи с этим уместно спросить: гражданин Яковлев, вы готовы предстать перед судом как член и руководитель преступной организации?

В беседах с Молотовым есть характерный эпизод, как раз связанный с этой темой:

«Чуев: В писательской среде говорят о том, что голод 1933 года был специально организован Сталиным и всем вашим руководством.

Молотов: Это говорят враги коммунизма! Это враги коммунизма. Не вполне сознательные люди. Не вполне сознательные...

Нет, тут уж руки не должны, поджилки не должны дрожать, а у кого задрожат — берегись! Зашибем! Вот в чем дело. Вот в этом дело. А у вас — давай готовенькое! Вы как дети. Подавляющее большинство современных коммунистов пришли на готовое, и только давай все, чтоб у нас хорошо было все, вот это главное. А это не главное...

Чуев: Но ведь чуть ли не 12 миллионов погибло от голода в 1933-м...

Молотов: Я считаю, эти факты не доказаны.

Чуев: Не доказаны?

Молотов: Нет, ни в коем случае. Мне приходилось в эти годы ездить на хлебозаготовки. Так что я не мог пройти мимо таких вещей. Не мог. Я тогда побывал на Украине, два раза на хлебозаготовках, в Сычево, на Урале был, в Сибири — как же, я ничего не видел, что ли? Абсурд! Нет, это абсурд! На Волге мне не пришлось быть. Там, возможно, было хуже. Конечно, посылали меня туда, где можно хлеб заготовить.

Нет, это преувеличение, но такие факты, конечно, в некоторых местах были. Тяжкий был год» [45. С. 378—379].

Насколько это ложное и абсурдное обвинение, можно судить хотя бы по тому факту, что спокойный и выдержанный Молотов, прозванный на Западе «Мистер Нет», взорвался негодованием, когда Чуев затронул эту тему[1].

Есть еще и такое обвинение, что голод возник из-за того, что «весь хлеб продали за границу». Якобы, что от

---

[1] Да-да, на Нюрнбергском процессе тоже случалось, что обвиняемые «взрывались негодованием» на вопросы обвинения. Это случается. — *Примеч. ред.*

этого получили какие-то сверхдоходы, на которые провели индустриализацию. Это абсурдное обвинение легко опровергается цифрами хлебного экспорта 1932—1933 годов, имеющимися в справочнике «Внешняя торговля СССР».

С 1929 по 1934 годы СССР экспортировал зерна 14 млн 175 тысяч тонн на сумму 1 млрд 607 млн рублей. Экспортировал сырья продовольственного 14 млн 824 тысячи тонн на сумму 1 млрд 784 млн рублей [56. С. 139]. Это суммарные показатели. Год максимального вывоза — 1931. Общая стоимость советского экспорта за это же время составила 89,1 млрд рублей. Доля в стоимости экспорта зерна и продовольственного сырья составляет 3,7% [56. С. 13].

Валовой сбор зерна в 1932 году составил 32,7 млн тонн. Вывоз зерна в этот год составил 1,9 млн тонн, то есть 5,8% от валового сбора. Если принять такой же объем валового сбора для 1931 года, то в год максимального вывоза экспорт зерна составлял 15,5% от валового сбора.

Эти цифры говорят, что заявления о якобы спровоцированном экспортом зерна голоде и о сверхдоходах от его экспорта — чистая ложь!

Обвинение в адрес Сталина, что он, мол, организовал голод, абсолютно ложно и возведено понапрасну. Не мог такой руководитель, как Сталин, с исключительным вниманием относившийся к делу развития промышленности и сельского хозяйства, организовать голод. Не мог потому, что в 1932 году каждые рабочие руки были на счету. В то время новые заводы и стройки рабочей силой обеспечивали в плановом порядке, беспощадно боролись с текучкой кадров, в 1931 году ввели трудовые книжки для рабочих, чтобы они не переходили с завода на завод. Пошли даже на то, чтобы на хозяйственные работы бросить заключенных, не считаясь с потерями и убытками от использования их труда. Вся эта деятельность никак не вяжется с «уничтожением миллионов крестьян». Тут кто-то врет, или историк, или летописец. Если сопоставить факты, то станет очевидно, что врет историк.

Так что говорить о том, что Сталин будто бы специально морил голодом украинских крестьян.— это большая ошибка. Это роспись в полном непонимании обстоятельств[1].

Новые хозяйственные задачи, которые вставали перед страной в ходе индустриализации, потребовали коренного изменения практики хозяйствования. Они потребовали изменения не только самого производства, самого по себе, не только структуры промышленности, но и системы управления промышленностью, самой партийной политики в отношении хозяйства. Сталин, как политический руководитель индустриализации, в начале 1931 года занялся разработкой этого вопроса.

Свою позицию он осветил в двух крупных речах, посвященных задачам хозяйственников. В начале 1931 года состоялась 1-я Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. На ней 4 февраля 1931 года Сталин выступил с докладом «О задачах хозяйственников», в котором очертил те задачи, которые встают перед хозяйственниками в связи с завершением строительства основ новой тяжелой индустрии СССР и с резким увеличением выпуска промышленной продукции.

Сталин начал с того, что хозяйственники, собравшиеся на конференцию, одобрили контрольные цифры на 1931 год и обещали выполнить поставленный план. Сталин напомнил, что означает это обещание:

«Но что значит обязательство выполнить контрольные цифры на 1931 год? Это значит — обеспечить общий прирост промышленной продукции на 45%. А это очень большая задача. Мало того. Такое обязательство означает, что вы не только даете обещание нашу пятилетку выполнить в 4 года — это дело уже решенное, и никаких резолюций тут больше не нужно, — *это значит, что вы обещаетесь выполнить ее в 3 года по основным, решающим отраслям промышленности*» [57. С. 355].

[1] Позволю себе выразить удовольствие в связи с тем, что предки автора этой книги жили в сравнительно благополучной Сибири, а не на Украине. А то ведь и защищать политику Сталина могло бы оказаться некому. — *Примеч. ред.*

План 1930 года, который предусматривал увеличение выпуска продукции на 31—32%, хозяйственники тоже обещали выполнить, но сделать этого не смогли. Прирост продукции составил 25%. Сталин так объяснил главную причину такого положения дел:

«Были ли у нас в прошлом году „объективные" возможности для полного выполнения плана? Да, были. Неоспоримые факты свидетельствуют об этом. Эти факты состоят в том, что в марте и апреле прошлого года промышленность дала прирост продукции на 31% в сравнении с предыдущим годом. Почему же, спрашивается, мы не выполнили плана за весь год? Что помешало? Чего не хватило? *Не хватило уменья использовать имеющиеся возможности. Не хватило уменья правильно руководить заводами, фабриками, шахтами»* [57. С. 356].

Вот в этом, по мнению Сталина, заключалась главная причина невыполнения контрольных цифр 1930 года и невыполнения планового задания для строек. Руководство хозяйством, руководство заводами и фабриками, руководство строительством, которое сформировалось в 20-х годах, оказалось непригодным для того, чтобы руководить промышленностью в новых условиях.

Первым самым слабым звеном в системе управления промышленностью оказалась традиционная система управления, состоящая из двух начальников: директора-коммуниста и технического руководителя, специалиста старой закалки. В 20-е годы руководство из коммунистов ничего не понимало в технике и перекладывало разрешение всех технических вопросов на плечи имеющихся специалистов. Как мы видели, в середине 20-х годов специалистов старой школы защищали от нападок, берегли и доверяли им. Доверие иногда простиралось так далеко, что, по существу, в руках этих специалистов оказались целые отрасли хозяйства, например, черная металлургия. Трест «Югосталь» до того, как инженерные кадры его были вычищены во время вредительского процесса, находился в руках старых служащих этих заводов. Кончилось это доверие вредительством и нарушением работы треста, важнейшего в структуре советской промышленности.

Еще в 1923 году был принят лозунг, о котором напомнил Сталин:

«Лет десять назад был дан лозунг: „Так как коммунисты технику производства еще как следует не понимают, так как им нужно еще учиться управлять хозяйством, то пусть старые техники и инженера, специалисты ведут производство, а вы, коммунисты, не вмешивайтесь в технику дела, но, не вмешиваясь, изучайте технику, изучайте науку управления производством не покладая рук, чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела" [57. С. 360].

Он до какого-то времени себя оправдывал. Однако уже в 1925 году начался выпуск из советских институтов новых, уже советских технических специалистов. В этот момент лозунг стал устаревать. Вредительские процессы, говорил Сталин, стали сигналами того, что этот лозунг окончательно устарел и требует замены:

«Надо самим стать специалистами, хозяевами дела, надо повернуться лицом к техническим знаниям, — вот куда нас толкала жизнь. Но ни первый сигнал, ни даже второй сигнал не обеспечили нам еще необходимого поворота. Пора, давно пора повернуться лицом к технике. Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о невмешательстве в технику, и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самим полными хозяевами дела» [57. С. 360].

Лозунг «Стать специалистами, полными хозяевами дела» стал новым лозунгом советского хозяйства. Он ознаменовал коренной поворот в самой партийной политике. Раньше главным и основополагающим подходом к решению хозяйственных проблем был лозунг: «Техника решает все!» То есть проводилось перевооружение промышленности новейшей, самой современной и наиболее производительной техникой.

Но теперь, когда основная часть работы по оснащению промышленности новой техникой была уже проделана, нужно было перейти к освоению этой техники, и ключ к решению хозяйственных проблем стал заключаться в лозунге:

«Кадры решают все!» Более подробно Сталин осветил новый подход в речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года.

В этой речи Сталин говорил уже о шести новых условиях развития промышленности Советского Союза. Это новый принцип снабжения рабочей силой, это по-новому организованная заработная плата, это новая организация труда, это появление молодой поросли технических специалистов, это поворот к Советской власти старых технических специалистов и введение хозрасчета.

Когда работа по строительству новых предприятий промышленности и колхозов в деревнях развернулась на полную мощь, в корне изменился принцип снабжения заводов рабочей силой. Раньше рабочий сам шел на завод. А теперь этот самотек прекратился, и потому, что резерв рабочих рук был исчерпан, и потому, что была перестроена структура сельскохозяйственного производства, в которой нашлась работа для масс ранее безработных крестьян:

«Что же из этого вытекает?

Из этого вытекает, во-первых, то, что нельзя больше рассчитывать на самотек рабочей силы. Значит, от „политики" самотека надо перейти к политике *организованного* набора рабочих для промышленности. Но для этого существует только один путь — путь договоров хозяйственных организаций с колхозами и колхозниками» [57. С. 365J.

Набрать рабочих — это была только первая часть большой задачи улучшения рабочих кадров промышленности. Вторая задача — это обеспечить постоянство этих промышленных рабочих, сделать так, чтобы до минимума сократилась текучка кадров, то есть переход рабочих с одного предприятия на другое в течение короткого времени. Сталин большую часть своей речи посвятил именно этому вопросу: в чем причины текучести кадров, и как с ней бороться:

«Где причина текучести рабочей силы?

В неправильной организации зарплаты, в неправильной тарифной системе, в „левацкой" уравниловке в области

зарплаты. В ряде предприятий тарифные ставки установлены у нас таким образом, что почти исчезает разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким... Уравниловка ведет к тому, что квалифицированный рабочий вынужден переходить из предприятия в предприятие для того, чтобы найти, наконец, такое предприятие, где могут оценить квалифицированный труд должным образом.

Отсюда „всеобщее" движение из предприятия в предприятие, текучесть рабочей силы.

Чтобы уничтожить это зло, надо отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему. Чтобы уничтожить это зло, надо организовать такую систему тарифов, которая учитывала бы разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким...

Итак, *ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих* — такова задача» [57. С. 367—369].

Следующей крупной задачей, которая ставилась перед промышленностью,— это была задача повышения производительности труда, задача освоения новой, высокопроизводительной техники. Теперь, когда задача технического перевооружения промышленности была уже в основных чертах решена, эта задача становилась главной. Однако, как говорил Сталин, в решении этой задачи есть большое препятствие под названием «обезличка»:

«Что такое обезличка? Обезличка есть отсутствие всякой ответственности за порученную работу, отсутствие ответственности за механизмы, за станки, за инструменты...

Как могла укорениться у нас обезличка на ряде предприятий? Она пришла в предприятия как незаконная спутница непрерывки. Было бы неправильно сказать, что непрерывка обязательно влечет за собой обезличку в производстве... Дело в том, что на ряде предприятий перешли у нас на непрерывку слишком поспешно, без подготовки соответствующих условий, без должной организации смен, более или

менее равноценных по качеству и квалификации, без организации ответственности каждого за данную конкретную работу. А это привело к тому, что непрерывка, предоставленная воле стихии, превратилась в обезличку. В результате мы имеем на ряде предприятий бумажную, словесную непрерывку и не бумажную, реальную обезличку» [57. С. 370—371].

Итак, Сталин требовал от хозяйственников новой организации труда, в которой бы учитывались виды труда, в которой бы каждый рабочий отвечал за свою работу и получал в соответствии со своей квалификацией и результатами своей работы заработную плату. Это, по его мысли, должно было дать резкое улучшение положения в промышленности и выполнения поставленных задач.

Рассмотрев положение с организацией труда, Сталин перешел к рассмотрению вопроса о инженерно-техническом персонале страны. Он начал с того, что раньше могли обходиться старыми техническими кадрами, поскольку основное производство металла и машин было сосредоточено на Украине, в Донецком районе на юге, в Московском и Ленинградском районах. Но теперь же положение кардинально изменилось. Появился новый крупный промышленный район — Урало-Кузнецкий. Создавался мощный очаг цветной металлургии в Казахстане и Туркестане, в этих районах разворачивалась мощная железнодорожная сеть. Для того, чтобы это строительство и развитие и дальше шло высокими темпами, нужно привлечь для этого многократно большее число инженерно-технических работников. Но здесь вопрос становится в политическом смысле — это будет новая техническая интеллигенция:

«Нам нужны не *всякие* командные и инженерно-технические силы. Нам нужны *такие* командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способные усвоить эту политику и готовые осуществить ее на совесть. А что это значит? Это значит, что наша страна вступает в такую фазу развития, когда *рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию,* способную отстаивать

его интересы в производстве как интересы господствующего класса» [57. С. 374].

Дальше Сталин сформулировал основы одного из самых своих выдающихся изобретений — системы выдвиженцев:

«Но это только одна сторона дела. Другая сторона дела состоит в том, что производственно-техническая интеллигенция рабочего класса будет формироваться не только из людей, прошедших высшую школу, — она будет рекрутироваться также из практических рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте... Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих инициативных товарищей из „низов", смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность проявить свои организаторские способности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег» [57. С. 374].

Так Сталин сформулировал основы той кадровой системы, с помощью которой он создал крепкие кадры руководителей промышленности и хозяйства, руководителей партии и государства и военачальников. В самом кратком виде выдвиженчество можно сформулировать так: берется человек с низов, из числа инициативных рабочих-ударников, и его начинают двигать на руководящие должности. Или его поднимают в руководство того предприятия, на котором он работал, или же отправляют учиться для того, чтобы в последующем этот выдвиженец стал руководителем большого масштаба. Если выдвиженец справился с возложенными на него задачами, его двигают дальше и выше, а на его место приходит другой выдвиженец. Таким образом, человек с самого низа, от простого рабочего, вполне мог дорасти до министра или директора очень крупного производства.

Однако такая система работала хорошо только тогда, когда хозяйство страны постоянно расширялось, постоянно росло. Появлялись новые и новые руководящие посты, которые как раз и замещались выдвиженцами. Но как только рост хозяйства остановился, кончилась и эпоха выдвиженчества.

Выдвинув лозунг подготовки кадров технической интеллигенции из числа рабочих, Сталин призвал тут же изменить свое отношение к старым кадрам технических специалистов. Он сказал, что в ее среде наметился решительный поворот в сторону Советской власти, и это произошло, во-первых, в силу больших успехов советского хозяйственного строительства и, во-вторых, оттого, что в стране были разгромлены активные противники Советской власти. Колеблющаяся и нейтральная часть интеллигенции отшатнулась от своих недавних друзей, потерпевших крупное поражение. Теперь, сказал Сталин, задача состоит в том, чтобы смелее привлекать к работе старые кадры и уделять им больше внимания и заботы.

В конце своей речи Сталин уделил внимание вопросам накопления и введения на предприятиях хозрасчета. Когда-то доходы от легкой промышленности и сельского хозяйства, бюджетные накопления помогли поднять на новый уровень промышленность. Но теперь этих источников становится мало. На очереди встали новые проекты организации крупного сельскохозяйственного производства, строительства мошной железнодорожной сети, которая соединила бы западные и восточные районы страны. Если и дальше продолжать финансировать это строительство за счет прежних источников накопления, то тогда темпы его никогда не будут выдержаны. Сталин обращает внимание хозяйственников на внутрипромышленные накопления за счет снижения себестоимости продукции:

«К этому надо добавить то обстоятельство, что благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов... Это факт, что за последнее время себестоимость на целом ряде предприятий стала повышаться. Им дано задание снизить себестоимость на 10 и больше процентов, а они ее повышают. А что такое снижение себестоимости? Вы знаете, что каждый процент

снижения себестоимости означает накопление внутри промышленности в 150—200 миллионов рублей» [57. С. 379].

Сталин поставил задачу ликвидировать бесхозяйственность в производстве, внедрить и укрепить хозрасчет. Это будет означать, что при снижении себестоимости в год на 10% промышленность будет обеспечивать накопление в размере 1,5—2 млрд рублей ежегодно. Ради такой суммы стоит постараться.

К слову сказать, в перестройку много говорили о хозрасчете и о том, что хорошо бы его внедрить. Чего только тогда о хозрасчете не наговорили, каких только диковинных теорий не выдвинули! Однако из сталинской фразы, сказанной в 1931 году, хорошо видно, что хозрасчет — это просто-напросто калькуляция, преследующая цель снижения себестоимости производства.

Вот так Сталин сформулировал новые задачи, которые встали перед хозяйством страны в итоге первой пятилетки. Промышленность переходила в новую фазу развития, в которой уже были непригодны и неприемлемы старые методы хозяйствования и требовалось как можно быстрее, как можно лучше научиться хозяйствовать по-новому.

Разобравшись с заговором и остатками бухаринцев в руководстве страной, Сталин приступил к упорядочиванию работы аппарата высшего руководства. Во время борьбы за власть очень мало внимания уделялось точности и эффективности работы тех ведомств, которые находились под контролем сторонников Сталина, а также на отношения между ними. В борьбе против общего врага такие мелочи отступали на второй план перед самой важной задачей.

Но теперь, когда власть завоевана в полном размере, когда уже нет никого, кто бы смог составить достойную оппозицию сталинской группе, вопросы внутреннего устройства власти стали на первый план, и Сталин занялся их разрешением.

Когда все самые ближайшие сторонники Сталина расселись руководить самыми разными наркоматами и советами, выяснилось, что и на заседаниях Политбюро, и в партийной работе начали смотреть на дело с ведомственных точек зре-

ния. Началось обострение отношений между Орджоникидзе, Молотовым и Куйбышевым. Заводилой здесь стал Орджоникидзе, недовольный тем, что его перебрасывают на хозяйственную работу, где дела тогда шли кое-как. Потом начались разногласия по тому поводу, что Молотов стал создавать Комиссию использования при Совнаркоме. Орджоникидзе и здесь выступил против, поскольку считал, что образование контрольного органа в Совнаркоме подорвет авторитет Наркомата РКИ. Этими бесконечными спорами он вызвал недовольство Сталина, который всякий раз его осаживал.

В ноябре 1931 года Каганович и Куйбышев разработали новый график работы рабочих органов ЦК ВКП(б). Новый график преследовал цель упорядочивания работы этих органов и устанавливал такие границы, чтобы они не заваливались решением всевозможных текущих вопросов. По этому графику Политбюро должно было собираться шесть раз в месяц, по определенным числам. Четыре заседания посвящены решению общих вопросов, а два заседания, в начале и в конце месяца, были закрытыми, на них решались особо важные вопросы и принимались секретные решения. Постановление Политбюро по этому вопросу запрещало вносить в один день на рассмотрение более 15 вопросов. Оргбюро ЦК собиралось на свои заседания по два раза в месяц. Секретариат ЦК проводил свои заседания четыре раза в месяц, одно в начале месяца, второе в середине, а два заседания в конце месяца.

Этот распорядок затронул и государственные органы. Совнарком должен был собираться два раза в месяц, 3 и 21 числа каждого месяца, а Совет Труда и Обороны по три раза в месяц — 9, 15 и 27 числа каждого месяца [52. С. 64]. Высшее политическое и государственное руководство уходило от аврального метода работы и стало учиться работать в плановом порядке, в рамках четкого графика. Впрочем, вскоре этот детально разработанный график был сломан.

В конце 1931 года Сталин принял решение разделить ВСНХ СССР на три промышленных наркомата. Он уже совершенно не оправдывал свое первоначальное название —

Высшего Совета Народного Хозяйства, потому что давно, уже десять лет, занимался только вопросами промышленности и особенно тяжелой индустрии. Все остальные функции контроля над остальными сферами хозяйства страны давно уже были переданы в другие государственные организации.

Более того, в условиях ввода в строй новостроечной промышленности сохранение ВСНХ становилось ненужным еще и по той причине, что председатель этого органа уже не мог одинаково эффективно управлять всеми частями государственной промышленности. На него сыпался поток ежедневных дел, всевозможных проблем, требующих неотложного решения, и в этом потоке трудно было ориентироваться и направлять усилия на решение важных, перспективных вопросов. Это обстоятельство уже в достаточной степени проявилось в начале пятилетки, когда первые два года руководство ВСНХ никак не могло наладить ритмичной работы на стройках, ритмичных поставок стройматериалов и закупок оборудования.

Все было свалено вместе: руководство стройками, руководство работающей тяжелой и легкой промышленностью с их различными и разнообразными задачами, работа по составлению планов и контрольных цифр. В такой мешанине трудно было найти и ухватить главное, направить на решение главных проблем все силы. А теперь, когда в строй войдут пять сотен новых предприятий, один человек уже будет не в состоянии управлять всем этим огромным хозяйственным комплексом. Вся его работа утонет в ворохе неотложных текущих дел.

Исходя из этих соображений, Сталин решил разделить ВСНХ на три наркомата: тяжелой промышленности, легкой промышленности и лесной промышленности. Это должно было упростить и рационализовать управление большим государственным хозяйством.

Сталин написал проект решения Политбюро о разделении ВСНХ на наркоматы, и 23 декабря 1931 года на заседании Политбюро состоялось обсуждение этого предложения. Как и следовало ожидать, Орджоникидзе выступил против

этого предложения, произнес очень резкую речь, в которой напал на Молотова, обвинив его в организации устранения его, Орджоникидзе, от управления хозяйством, и потребовал для себя отставки. Политбюро отставку Орджоникидзе отклонило. По вопросу Политбюро приняло такое решение: предложение Сталина поддержать, для выработки окончательной резолюции образовать специальную комиссию в составе Сталина, Молотова, Орджоникидзе и Кагановича и перенести на отдельное заседание Политбюро заявление Орджоникидзе.

Через два дня был готов окончательный вариант резолюции о разделение ВСНХ, и 25 декабря 1931 года он был утвержден Политбюро ЦК [52. С. 84]. 5 января 1932 года это решение было оформлено постановлением ВЦИК и Совнаркома СССР. Наркомом тяжелой промышленности назначался Орджоникидзе.

Глава девятая

ИТОГИ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

> Мы добились успехов потому, что имели правильную руководящую линию и сумели сорганизовать массы для проведения в жизнь этой линии. Нечего и говорить, что без этих условий мы не имели бы тех успехов, которые имеем теперь и которыми гордимся по праву.
>
> *Из речи И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б)*

Первая пятилетка подошла к концу. Это было время, когда гигантская страна решительно и бесповоротно изменила свое лицо. Появились новые заводы, новые фабрики, новые шахты и новые электростанции. Крупные заводы выросли в восточной части страны, где до войны и до начала 30-х годов не было крупного промышленного производства. Пролегли новые железнодорожные магистрали. Появилась огромная армия новых индустриальных рабочих. Началось производство таких машин, которые до начала 30-х годов ни в России, ни в Советском Союзе не производились.

Это было время, когда сложилась политическая система Советского Союза и структура партийной власти.

В начале января 1933 года состоялся объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Главный вопрос этого Пленума — итоги первой пятилетки. На нем выступил Сталин с докладом, который стал знаменитым и вскоре широко разошелся в многочисленных изданиях. Сталин подводил итоги первой пятилетки. Что же, давайте и мы, вместе со Сталиным, подведем итоги реализации первого пятилетнего плана.

Сталин говорил:

«Товарищи! При появлении в свет пятилетнего плана едва ли предполагали люди, что пятилетка может иметь громадное

международное значение. Наоборот, многие думали, что пятилетка есть частное дело Советского Союза, дело важное и серьезное, но все-таки частное, национальное дело Советского Союза.

История, однако, показала, что международное значение пятилетки неизмеримо. История показала, что пятилетка является не частным делом Советского Союза, а делом всего международного пролетариата» [57. С. 398].

Сталин, конечно, смотрел со своей точки зрения. Для него международное значение пятилетки имело значение как средство борьбы с империалистами, как лучший аргумент в пользу социалистического строя. Его доклад на Пленуме был выдержан в духе и в логике этого взгляда.

Цели и задачи пятилетки он определил так:

«Что такое пятилетний план?

В чем состояла основная задача пятилетнего плана?

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой — на рельсы новой, современной техники.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР из страны аграрной и немощной, зависимой от капризов капиталистических стран, — в страну индустриальную и могучую, вполне самостоятельную и независимую от капризов мирового капитализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы, превращая СССР в страну индустриальную, — вытеснить до конца капиталистические элементы, расширить фронт социалистических форм хозяйства и создать экономическую базу для уничтожения классов в СССР, для построения социалистического общества.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство — на базе социализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства, обеспечить тем самым экономическую базу социализма в деревне и ликвидировать таким образом возможность восстановления капитализма в СССР.

Наконец, задача пятилетнего плана состояла в том, чтобы создать в стране все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны, дающей возможность организовать решительный отпор всем и всяким попыткам военной интервенции извне, всем и всяким попыткам военного нападения извне» [57. С. 403-404].

Так Сталин определил задачи первого пятилетнего плана. Как видите, все ясно, четко, недвусмысленно, и фразы не оставляют другого толкования сталинской мысли.

Вот здесь имеет смысл немного поспорить с критиками Сталина. Нашими оппонентами будут Л. А. Гордон и Э. В. Клопов, которые в 1989 году издали книгу «Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что с нами случилось в 30—40-е годы». Говоря о задачах первой пятилетки, они признают, что уровень народнохозяйственного развития перед началом первой пятилетки был низким, и признают то, что это послужило мотивом для начала политики индустриализации:

«По уровню народнохозяйственного развития, т. е. по состоянию производительных сил и их технико-экономической индустриализации, СССР в конце 20-х годов находился на начальных этапах индустриализации. Хотя переход от доиндустриального к индустриальному технологическому способу производства начался у нас еще в XIX веке, темпы этого процесса были таковы, что вплоть до революции Россия оставалась аграрной страной, в народном хозяйстве которой преобладало мелкое производство и домашинные формы труда...

Естественно, что к исходу первого десятилетия Советской власти, когда в основном завершилось восстановление разрушенного, СССР оказался на той же начальной стадии индустриального преобразования народного хозяйства, которой Россия достигла накануне войны и революции» [65. С. 15-16].

В двух абзацах эти авторы допустили несколько крупных, принципиальных ошибок. Во-первых, нельзя сказать, что СССР в конце 20-х годов находился на начальных стадиях индустриализации. Тут критики сильно сгустили краски. В России и в СССР развитие крупной промышленности к тому моменту шло уже около 40 лет, с переменными успехами. Действовало более 5 тысяч крупных промышленных предприятий. Работал мощный промышленный Донецкий район. Были развиты мощные машиностроительные тресты: ГОМЗ, Ленмаштрест и Южмаштрест. Задел перед индустриализацией был большим. Он, собственно, и позволил Сталину взять и отстаивать курс на индустриализацию. Говорить о том, что Россия только-только прыгнула от сохи, совершенно неправильно.

Во-вторых, темпы промышленного развития были не такими уж и маленькими. В 1890—1900 годах прирост промышленного производства составлял 10—12% в год. Весьма неплохой прирост! А в 1900—1910 годах, когда в промышленности разразился кризис, прирост составлял от 4 до 8% в год.

В-третьих, как мы видели, разрушения от войны в промышленности были большими. Но это не значит, что промышленность исчезла совсем. Заводы мало-помалу открывались, пускались в ход, восстанавливалось разрушенное оборудование. Хотя бы поэтому говорить о том, что Советский Союз вернулся к начальной стадии индустриализации, будет неправильно. Более того, вместе с восстановлением развернулась в середине 20-х годов серьезная реконструкция существовавших заводов с тем, чтобы увеличить их мощность и производительность. Это была первая волна реконструкции. Вторая прошла в самом конце 20-х годов, в 1928—1929 годах. О ней говорилось в одной из предыдущих глав.

Сталин много говорил об отсталости России в прошлом, много говорил об отсталости в промышленности, об отсталой технике и о многом другом, но никогда, ни при каких обстоятельствах не подчеркивал этой отсталости и никогда не создавал из нее отдельной проблемы. Он знал, что без этой

основы, которая была создана за время предшествующего развития, быстрая индустриализация и выполнение пятилетнего плана было бы нереальным. Читая сталинские труды, легко заметить, что о российской отсталости Сталин говорил только в связи с достигнутыми успехами.

Критики же Сталина превращают российскую отсталость в какой-то самодовлеющий фетиш, всеми способами преувеличивая ее размеры и масштабы. Это выдает то, что они не совсем хорошо представляют себе подробности процесса промышленного развития и его особенностей в России.

Кроме этого для них весьма характерен доктринальный подход. То есть на первое место ставятся не какие-то конкретные задачи, а чистота доктрины:

«Главные черты этой обстановки определялись тем обстоятельством, что страна находилась в переходном периоде развития от капитализма к социализму...

Переход к индустриальной экономике, осуществляемый на социалистической основе, предполагает в отличие от стихийной капиталистической индустриализации, предварительное общественное планирование преобразований, сознательный выбор того или иного их варианта. При этом, обладая политической властью и ключевыми финансово-экономическими механизмами, руководящее ядро общества реально, на деле способно направить развитие по избранному пути» [65. С. 18-19].

Переходный период — теорией этого занимался в свое время Бухарин. Сталин понимал переходность советской экономики по-другому: как борьба социалистического и капиталистического сектора с вытеснением и ликвидацией последнего. До тех же пор, пока социалистический сектор не стал господствующим, советскую экономику можно было назвать переходной. Эта фраза Сталиным была произнесена на XIV съезде ВКП(б), и уже тогда подразумевалось, что в ближайшие 5—8 лет переходный этап завершится.

В приведенном отрывке тоже есть существенные ошибки. Во-первых, авторы явно попутали строительство индустри-

альной экономики и социалистического общества. Это все-таки разные вещи, хоть и совершались в одно и то же время, одними и теми же людьми. Строительство индустрии подчиняется обстоятельствам, которые имеются и при социализме, и при капитализме: наличие накоплений, имеющиеся и работающие заводы, их производительность и производственные возможности, наличие техники и технических кадров. Наличие или отсутствие тех же накоплений мало зависит от типа общества. Они либо есть, либо их нет.

Доктринеры, вроде наших оппонентов, считают, что можно заранее составить общий план, разработать его во всех мелочах, а потом воплотить в жизнь. Этим болели многие в руководстве партии. Этим болел, в частности, тот же Бухарин и так от этой болезни полностью не избавился. На деле хозяйственное планирование, как мы видели, не было проектированием какого-то нового типа общества. Суть его заключалась в другом: в решении постоянно возникающих новых и новых задач наиболее доступным, простым и дешевым способом. Сначал решали хлебную проблему, потом топливную, потом металлическую, потом проблему основного капитала, из чего, в конце концов, вырос первый пятилетний план. Потом, уже в ходе составления первой пятилетки, решали проблему резкого увеличения производства. Эти планы постоянно переделывались, пересматривались, приспосабливались к наличным возможностям и наличным источникам накоплений.

Доктринеры говорят, что было два заранее разработанных плана индустриализации: один хороший (бухаринский), другой плохой (сталинский) и противопоставляют один другому. Но, по существу, как мы видели, между планами развития промышленности образца середины 20-х годов, разработанных при Дзержинском в духе бухаринского курса, и планами уже сталинской индустриализации в целях и задачах нет существенной разницы. И Бухарин, и Сталин стремились к индустриализации Советского Союза и к построению социалистического общества. Говорить о том, что они предлагали какие-то две разновидности социализма, просто нелепо.

Существенная разница между ними появляется в методах индустриализации, конкретно — в методах использования ресурсов и накоплений. Бухаринский план предлагал индустриализацию с крестьянского края, а сталинский — с промышленного. Первый — расширение спроса, прежде всего крестьянского, на внутреннем рынке и уже на этой основе развитие промышленности, второй — коренная перестройка промышленности и уже на этой основе перевооружение техникой сельского хозяйства и повышение его эффективности. Первый — направление вложений в сельское хозяйство, второй — направление вложений в промышленность. Вот в этом заключается вся разница.

Сталин об этом говорил ясно и недвусмысленно:

«В чем состояло основное звено пятилетнего плана?

Основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности с ее сердцевиной — машиностроением. Ибо только тяжелая промышленность способна реконструировать и поставить на ноги и промышленность в целом, и транспорт, и сельское хозяйство. С нее и надо было начинать осуществление пятилетки. Стало быть, восстановление тяжелой промышленности нужно было положить в основу осуществления пятилетнего плана» [57. С. 405].

Доктринальный подход, столь характерный для критиков Сталина, при котором учитывается только чистота доктрины и больше ничего, не позволяет разобраться в существе целей и задач первого пятилетнего плана. Сталин отбросил всю идеологическую словесную шелуху о капитализме и социализме, отверг вязкое и нудное выяснение того, чьи взгляды являются более ленинскими, и поставил совершенно конкретную цель — построить тяжелую индустрию, построить мощную современную машиностроительную отрасль, чтобы с ее помощью перевооружить все остальные отрасли народного хозяйства новой, мощной, современной техникой. Эта цель для него была важнее всех теоретических споров.

Сталин на Пленуме говорил:

«Добились ли мы победы в этой области?

Да, добились. И не только добились, а сделали больше, чем мы сами ожидали, чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии. Этого не отрицают теперь даже враги. Тем более, не могут этого отрицать наши друзья.

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственых машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна-единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну-единственную базу текстильной промышленности — на севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новых базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии.

А все это привело к тому, что капиталистические элементы вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно, а социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР.

А все это привело к тому, что наша страна из аграрной стала индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся с 48% в начале пятилетки (1928 г.) до 70% к концу четвертого года пятилетки (1932 г.)

А все это привело к тому, что к концу четвертого года пятилетки нам удалось выполнить программу общего промышленного производства, рассчитанную на пять лет, — на 93,7%, подняв объем промышленной продукции более чем втрое в сравнении с довоенным уровнем и более чем вдвое в сравнении с уровнем 1928 года. Что же касается программы производства по тяжелой промышленности, то мы выполнили пятилетний план на 108%» [57. С. 407—408].

Это перевыполнение планов было достигнуто высокими, очень напряженными темпами, строительными и монтажными штурмами. При строительстве новых заводов людей особенно не жалели. Критики со всех сторон говорили, что нужно было сбавить темпы, что нужно было сначала обеспечить нужды людей. Сталин же, подводя итоги строительства промышленности, коснулся вопроса темпов этого строительства и вопроса, что предпочесть: развитие тяжелой индустрии или производство предметов потребления:

«Нам говорят, что все хорошо, построено много новых заводов, заложены основы индустриализации. Но было бы гораздо лучше отказаться от политики индустриализации, от политики расширения производства средств производства, или по крайней мере отложить это дело на задний план с тем, чтобы производить больше ситца, обуви, одежды и прочих предметов широкого потребления.

Предметов широкого потребления действительно произведено меньше, чем нужно, и это создает известные затруднения. Но тогда надо знать и надо отдавать себе отчет, к че-

му бы нас привела подобная политика отодвигания на задний план задач индустриализации. Конечно, мы могли бы из полутора миллиардов рублей валюты, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т. д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас тогда не было бы ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин, — и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения.

Мы лишили бы себя тогда возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами, — стало быть, мы сидели бы без хлеба.

Мы лишили бы себя возможности одержать победу над капиталистическими элементами в стране, — стало быть, мы неимоверно повысили бы шансы на реставрацию капитализма.

Мы не имели бы тогда всех тех современных средств обороны, без которых невозможна государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций внешних врагов. Наше положение было бы тогда более или менее аналогично положению нынешнего Китая, который не имеет своей тяжелой промышленности, не имеет своей военной промышленности и который клюют все, кому только не лень» [57. С. 410].

Кратко, ясно и исчерпывающе.

Первая пятилетка стала переломным моментом еще в одном аспекте — окончательно сложилась политическая и хозяйственная система. Именно тогда, в начале 30-х годов, появился тот Советский Союз, который стал известен всему миру.

Свои основные черты приобрела и закрепила в начале 30-х годов политическая система Советского Союза. Политбюро ЦК ВКП(б) стало штабом оперативного политического и государственного управления страной. Группа руководителей во главе со Сталиным решала все встающие

вопросы. Их решения оформлялись либо партийным, постановлением ЦК, либо государственным, постановлением Совнаркома СССР или СТО СССР, либо хозяйственным, приказом по НКТП СССР, порядком. Для них не было рамок ни в каком смысле: любое решение, любой закон ими мог быть пересмотрен и изменен в соответствии с текущими задачами.

Такой порядок решения вопросов означал концентрацию огромной власти в руках этой группы руководителей. Каждый из них распоряжался большими областями, миллиардными суммами и миллионами работников. Хорошо налаженный, отрегулированный партийный и государственный аппарат обеспечивал их решениям нужную оперативность, и Политбюро, а через него и сам Сталин, обладали возможностью мобилизации очень больших сил и резервов на решение какой-то конкретной, ставшей чрезвычайно важной, задачи. Такое положение само по себе стало одним из факторов успеха первой пятилетки и всей индустриализации в целом. Набор задач хозяйственного и государственного строительства соратники Сталина могли решать поочередно, сосредотачивая поочередно для их решения колоссальные силы и средства. Их силы не распылялись по широкому фронту хозяйственной работы.

Иногда такой возможностью пользовались, а иногда нет. Для резкого ускорения строительства Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов, для ускорения строительства Челябинского тракторного завода эта возможность была использована, и Политбюро ЦК и сам ЦК активно участвовали в организации помощи этим стройкам. Но вот для подъема черной металлургии в первые годы второй пятилетки этот ресурс использован не был. Сочли, что для решения этой задачи хватит сил Наркомата тяжелой промышленности.

Сталин тем временем пошел по пути дальнейшей концентрации власти теперь уже в своих руках. Можно сказать, что он это делал из стремления захватить в руки побольше власти. Возможно. Однако нужно указать, что в его руках уже

в 1926—1927 годах была почти ничем не ограниченная власть, которая еще больше расширилась после изгнания Бухарина. Уже тогда он мог принять любое решение, не считаясь ни с какими рамками законов, уже принятых решений, да и даже самих партийных резолюций, которые он должен был свято соблюдать.

Сталин, взяв в свои руки такую большую и концентрированную власть, пошел дальше и стал ее структурировать. Он пошел по пути специализации членов Политбюро на каких-то отдельных задачах: государственной и внешней политики — Молотов, хозяйственного руководства — Орджоникидзе, плановой работы — Куйбышев и так далее. В своих же руках Сталин сосредоточил общее руководство и руководство отдельными, особо важными работами. Политбюро, таким образом, утратило свои совещательные функции, и центр работы все больше и больше перемещался из зала заседаний Политбюро в кабинет Сталина.

Было покончено с экспериментами первых лет Советской власти, когда пытались придумать орган, управляющий всей хозяйственной жизнью страны. Высший Совет Народного Хозяйства был разделен на специализированные промышленные наркоматы. Хозяйство окончательно перешло под управление системы ведомств.

Окончательно укрепилось положение, что всеми работами, всеми областями жизни в Советском Союзе руководят партийные организации. Партия стала организатором и основным, так сказать, нервом всего советского общества. Представители партии были везде, от самых высших руководящих органов до самой маленькой организации. Партийное руководство, все то же самое Политбюро, управляло обществом через своих представителей на местах и получало от них сведения о состоянии общества в любой его части.

И это тоже было одним из главных факторов успеха первой пятилетки и индустриализации в целом. Без этого коллективного организатора никогда бы не удалось поднять на ударную работу миллионы рабочих и крестьян. Без них никогда бы не удалось довести волю партийного руководства вплоть до каждой стройки, до каждого производства, до каждой бригады рабочих.

Кроме руководства хозяйственной и политической работой парторганизации стали выполнять еще одну функцию — регуляции общества и распределения жизненных благ. Парторганизация и ее руководители постоянно, ежедневно занимались тем, что выделяли и освещали нужные и полезные явления для партии и государства и критиковали и боролись с вредными явлениями. Выделялись и выдвигались полезные для партии и государства кадры и задвигались вредные. Шел интенсивный социальный отбор, согласованный с общими установками строительства. Под индустриализацию подводилась не только экономическая или политическая основа, но еще и социальная. Парторганизации целенаправленно, организуя социалистическое соревнование, движение ударников, проводя прием в партию наиболее активных граждан, создавали среду и сообщество строителей индустрии и социалистического общества. И, надо сказать, в этом деле очень сильно преуспели.

Этим же целям было подчинено распределение материальных благ. Была создана система поощрения наиболее активных работников всевозможными благами, которых тогда остро недоставало. Выдавались премиальные отрезы ткани, мебель, мотоциклы и автомобили, квартиры, тем самым поощряя хорошую и высокопроизводительную работу. Тогда, в условиях ограниченного количества товаров широкого потребления, это было необходимо.

Надо сказать, что сталинская социальная система для своего времени и своих условий была достаточно эффективной и справедливой. Будущее страны зависело от труда рабочих, и максимум внимания, максимум благ отдавалось рабочим. Они распределялись не по положению, не по статусу человека, а по его реальному вкладу в общую работу.

Отношение к этой социальной системе, которое сейчас широко распространено, сформировалось на почве ее после-

военного варианта. После войны и после смерти Сталина его наследники внесли ряд существенных изменений в нее, да и послевоенная обстановка уже была качественно другой. Сталинская система политического руководства и социальная конструкция были созданы в чрезвычайно тяжелых условиях конца 20-х — начала 30-х годов, в условиях напряженной работы, быстрого строительства тяжелой индустрии, в условиях угрозы войны и враждебного отношения со стороны ведущих стран мира, а также внутренней политической борьбы.

После войны, когда после победы над Германией престиж Советского Союза сильно вырос, когда в числе ведущих стран мира остались только Соединенные Штаты, когда стихла внутренняя политическая борьба, тогда, конечно, социальную и политическую конструкцию надо было перестраивать. Но, по существу, был сделан только немного подправленный вариант той же самой сталинской системы. Был усилен и закреплен примат тяжелой индустрии, было закреплено отставание производства товаров широкого потребления и строительства жилья. Это потребовало сохранения и усиления специфической системы распределения материальных благ по труду[1].

Был сохранен и усилен контроль партии над обществом, хотя необходимость в этом уже отпала. Она отпала потому, что выросло поколение, родившееся и воспитанное при Советской власти, которое никогда не испытывало влияния другой идеологии. Это обстоятельство для укрепления социального строя использовано не было.

Только, при сохранении внешнего сходства, из социальной и политической системы было убрано содержание, составлявшее основу крепости и могущества советского общества при Сталине. Был разрушен и исчез институт выдвиженчества, раньше позволявший быстро и эффективно обновлять руководящие кадры и расширять

[1] Почему бы не назвать вещи своими именами? Что создана была дефицитная экономика, в которой распределение дефицита (практически всех продуктов потребления) становится мощным рычагом управления людьми. — *Примеч. ред.*

хозяйство[1]. Вместо него не было предложено ничего равноценного. Вместо этого института укрепился порядок прохождения всех ступеней партийной, номенклатурной карьеры от самого низа до самого верха. Это привело к тому, что средний возраст приходящих в систему высшего партийно-государственного управления достиг 55—60 лет вместо 35—40 лет при Сталине. В конце 70-х годов средний возраст членов ЦК составил 70 лет, в то время как в 30-х годах в ЦК Сталин был в немногочисленной группе руководителей старше 50 лет.

Партийность и принадлежность к номенклатуре стала в послевоенном Советском Союзе статусом, тогда как при Сталине принадлежность к этой категории была обязанностью. Все руководители сталинского времени работали сами, не полагаясь полностью на своих помощников. Эта традиция после войны исчезла. Появился новый фактор в жизни советского общества — номенклатурное распределение; это было, по существу, распределение по статусу, а не по вкладу в общую работу. При том, что система рабочего снабжения сохранялась, тем не менее, появился и внес разлагающие тенденции тот факт, что кто-то в стране стал «равнее других».

Эти на первый взгляд незначительные изменения в социальной системе привели к тому, что советское общество разложилось изнутри, и через пятьдесят лет после победы в самой большой войне человечества оказалось неспособно постоять за свою независимость и целостность.

Это было потом, много десятилетий спустя. В 30-х годах молодое советское общество рвалось вперед, росло и укреплялось. Его мощь возрастала не по дням, а по часам.

[1] Опять назовем вещи своими именами: после смерти Сталина руководителей всех звеньев перестали истреблять и сажать. Поэтому они занимали свои должности и не освобождали их для новых выдвиженцев. Сталинская система просто не могла воспроизводиться без регулярных волн репрессий. — *Примеч. ред.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы, пишущие об эпохе Сталина, чаще всего впадают в одну из крайностей: возвеличивания или обличения. Я написал книгу, которую очень легко назвать очередной попыткой возвеличивания. С точки зрения таких, как господин Волкогонов и другие записные ниспровергатели, я — просто маньяк сталинизма.

Но не зря же я критиковал Волкогонова (и через него остальных ниспровергателей) за его потрясающую легковесность и верхоглядство. То, что он написал о Сталине,— это ниже всякой критики.

Конечно, мне известна литература, написанная намного более квалифицированными обличителями — умными, образованными и принципиальными врагами сталинизма. Книги, написанные людьми, которые не получали номенклатурных пайков, не состояли в КПСС, а потом в одночасье вдруг сделались рьяными антикоммунистами.

Если личное мнение автора вообще важно, пожалуйста: я думаю, что нужно внести уточнение, что Сталин был великим и гениальным в условиях своего времени, крайне непростого. Но это не факт, что его методы сработали бы сейчас.

Но в своей книге я как раз старался быть максимально объективным. Не подгонять факты под заранее принятую схему, а изучать сами факты.

Но самое главное: я специально старался не вдаваться в разговоры обо всем, что далеко от экономики. Да, есть отдельная тема: цена индустриализации. Отдельная громадная проблема: разрыв культурной традиции, колоссальный психологический шок, последствия которого сказываются до сих пор (и будут сказываться еще долго). Но если писать об этом — то отдельные книги.

Я понимаю, что мы далеко не все знаем и понимаем в сталинской эпохе как раз по поводу репрессий, денационализации и всего остального. Более того, мы не можем сейчас установить даже основных моментов этого процесса. Любого ниспровергателя можно спросить, например: почему в сталинской России прошли такие репрессии, если в дореволюционной России не было таких репрессивных традиций даже близко? Второй вопрос: как они появились, из чего и почему?

Нам ведь даже число жертв сталинского террора не известно. Для анализа сталинского опыта, понимания цены индустриализации нужно знать поточнее — во что же все-таки это обошлось. И здесь нужна более или менее точная цифра, а не такая, где разброс между значениями в разы. А у нас такой цифры до сих пор нет.

К сожалению, изучение этих тем чаще всего ведется в ключе публицистики. Ведь стоит только дать себе право выносить моральные оценки и приговоры, как уже разбор сталинского опыта превращается в судилище над сталинской эпохой. Одна задача подменяется другой. Это главная причина, по которой ниспровергатели Сталина не написали ничего толкового по истории этой эпохи.

А если уж ставится задача анализа сталинского опыта, то тут нужно работать, не подменять задачу изучения и установления фактов задачей осуждения. Начав раздавать оценки и приговоры, мы утратим возможность разбора опыта с извлечением позитивного и негативного опыта.

Но еще раз напомню — все это темы для меня непрофильные (по крайней мере — в этой книге). Если изучать экономику — то писать нужно именно об экономике.

И тут, нравится это кому-то или нет, в экономике мы можем видеть колоссальный успех. В сталинскую эпоху возник новый тип экономики: мобилизационная экономика. Создателями этой модели являются Сталин и его команда. Это — факт.

Мобилизационная экономика оказалась невероятно эффективной. Это тоже факт. За считанные годы лицо России и всего СССР изменилось до неузнаваемости. Сталинская

индустриализация имела мировое значение — это тоже факт, и его не очень трудно доказать.

Абстрагируемся от перипетий и задач мировой борьбы двух систем и посмотрим на достижения первой пятилетки с точки зрения общего мирового хозяйственного развития.

И мы видим, что промышленность, построенная по пятилетнему плану, существенно расширила производственные возможности человечества. Например, в 1936 году в мире производилось около 100 млн тонн чугуна, из которых 10% приходилось на СССР. Это при том, что черная металлургия в СССР развивалась самыми низкими темпами.

За счет СССР существенно расширилось производство тракторов, автомобилей и самолетов, двигателей самого разного типа, мощности и назначения. За счет разворачивания моторостроительной отрасли в Советском Союзе человечество сделало решительный шаг в деле замещения силы человека и животного силой двигателя.

Структура энергетических сил в ходе строительства новой индустрии существенно изменилась. Можно привести данные профессора С. Н. Прокоповича. Он подсчитал энергетические возможности Советского Союза, включая рабочую людскую силу и работу животных, выразил все это в условных тепловых единицах, которая соответствует 1 килограмму угля, то есть 0,001 тонны условного топлива. Каким энергетическим потенциалом обладал Советский Союз в разные годы, я представлю в виде таблицы. Единица измерения — млн тонн условного топлива [25. С. 316]:

Вид энергии	1921	1927/28	1932
Рабочие	1,419	1,624	1,777
Рабочий скот	1,036	1,202	0,839
Древесина	6,48	9,4	29,49
Торф	0,9	2,2	5,3
Уголь	9,8	36,1	85
Нефть и нефтепродукты	5,7	16,5	30,6
Газ	0,03	0,4	11,3
Электроэнергия	-	0,3	0,65

Как видно из этой таблицы, количество энергии, которую доставляет работа людей, возросла, но существенно не изменилась. Работа рабочего скота, в первую очередь лошадей, сократилась на 25% только в первой пятилетке. В дальнейшем доля рабочего скота еще более сократится. Выросло в 3 раза количество используемой древесины и в вдвое — торфа. Существенно выросли источники энергии: торф — почти вдвое; уголь — на 40%; нефть и нефтепродукты — на 77% и электроэнергия — в 2 раза.

Структура энергетики резко изменилась в сторону гораздо большего потребления ископаемого высококалорийного топлива и электрической энергии. Если учесть, что нефть и нефтепродукты, а также электричество используются, главным образом, для приведения в действие двигателей и электромоторов, то можно сказать, что в Советском Союзе за годы первой пятилетки количество энергии, доставляемой двигателями и моторами, выросло примерно в 3 раза. Работа моторов может, при определенных условиях, заменять труд людей. Только применение электроэнергии смогло заменить работу 50 млн рабочих.

Это — с одной стороны. С другой же стороны за годы первой пятилетки существенно изменилась география промышленного производства. В самом начале книги мы говорили о том, что промышленное производство, тяжелая индустрия особенно, зарождается в тех местах, где рядом находятся крупные залежи высококачественного угля, железной руды и есть неподалеку остальное сырье для металлургического производства. Вокруг металлургических заводов потом вырастает большая галактика металлообрабатывающих и машиностроительных заводов, связанная густой сетью железных дорог.

До 1932 года в мире было четыре крупных промышленных района: Донецкий в РСФСР, Рур в Германии, Пенсильвания в США, и Бирмингем в Великобритании. В конце первой пятилетки к ним добавились еще два крупных промышленных района: Днепровский на Украине и Урало-Кузнецкий в РСФСР. Планировалось развитие еще нескольких крупных промышленных районов в ранее неосвоенных районах СССР.

Индустрия шагнула в те районы, в которых до этого не было крупного промышленного производства и которые, вообще-то говоря, считались совершенно непригодными для развития промышленности. Яркий пример — Сибирь, где до войны и даже до конца 20-х годов было лишь одно крупное предприятие, производящее сельскохозяйственный инвентарь. Но в 1932 году в самом центре Сибири, в Кузнецком районе, вступили в строй: мощный металлургический комбинат, завод комбайнов, мощнейшие угольные шахты, коксохимический завод. Еще чуть подальше, на Енисее, началось возведение мощного целлюлозно-бумажного комбината. В Северном Казахстане и на Южном Урале появился новый, мощный район цветной металлургии, стал разрабатываться Карагандинский угольный бассейн. Всю степную часть Зауралья, от Урала до Алтая и от Омска до Верного (Алма-Ата), пересекли новые железнодорожные магистрали.

Треть самого крупного материка — Евразии — оказалась площадкой для развития и работы крупного индустриального производства. Богатства ее центральной части, ранее практически не тронутые, теперь оказались доступны для разработки и использования.

Индустрия — это основная часть современной цивилизации. Именно вокруг нее и на ее основе выросли те самые крупные культурные достижения последних двухсот-трехсот лет, которые ныне составляют главный опорный стержень цивилизованности. Это — грамотность и образованность подавляюще большей части населения. Это — городской образ жизни. Это — создание сложной и дифференцированной социальной системы с большими правами и свободами ее члена. Это — благосостояние и здравоохранение большей части населения.

До Первой мировой войны по-настоящему цивилизованными можно было назвать только небольшую группу стран Западной Европы. Их можно перечислить: Великобритания, Франция, Германия, Швеция, Норвегия, Дания. С некоторыми условными натяжками в эту группу можно включить Италию и Австро-Венгрию, а также восточную часть США.

К этой группе относилась единственная неевропейская страна — Япония.

Во всех же остальных странах цивилизация проникала не дальше столицы и самых крупных городов. В России по-настоящему цивилизованными городами можно было назвать только Петербург и, с известными натяжками, Москву. Отдельные черты цивилизованности можно было заметить и в других крупных городах.

Индустриализация в корне изменила такое положение. Старое мелкокрестьянское хозяйство было уничтожено и заменено крупным коллективным сельским хозяйством. Крестьяне массами пошли в города и на заводы, чтобы стать индустриальными рабочими. Усиленными темпами среди них стала распространяться грамотность и элементарные привычки городского жителя. Правда, этот процесс раскрестьянивания шел медленно и далеко не так гладко, как хотелось бы, но, тем не менее, сегодня Россия — это определенно не крестьянская страна, какой она была в начале XX века.

Сколько бы ни критиковали Советскую власть, но нельзя не признать того факта, что после трехсот лет самодержавия в России она впервые дала простому человеку хотя бы теоретическую возможность стать участником управления государством. Раньше этот путь был наглухо закрыт сословными и законодательными перегородками подавляющему большинству населения. Революция сломала эти рамки и перегородки, и впервые в истории власть отражала позицию не узкого, одно-двухпроцентного слоя общества, а большей его части. Ленин в этом смысле вполне имеет право именоваться отцом-основателем русской демократии.

В ходе индустриализации это положение усилилось и укрепилось. Партия большевиков сильно выросла в численности, и уже сама по себе стала представлять значительную часть населения страны. Вокруг нее группировались поддерживающие ее беспартийные граждане. Население стало сознательно участвовать в укреплении государства не только косвенно, через представительную власть, но и прямо — своим трудом, который награждался хорошими по тем временам заработками, но больше всего вознаграждался прославлени-

ем и продвижением вверх в обществе. Если сравнивать двух рабочих: русского при царе и советского при Сталине, то первый лучше был одет и лучше питался, но, зато, второй обладал очень широкими возможностями социального роста. Русский рабочий не обладал и десятой долей тех социальных возможностей, которые имелись у советского рабочего времен первой пятилетки.

Вот в этом и заключается международное значение первой пятилетки, которое становится ясным с позиций нашего дня: первое — выросли производственные возможности человечества; второе — расширилась география крупного промышленного производства; третье — 140-миллионный народ перешел в эпоху цивилизованной в основном жизни и приобщился к самым основным устоям современной цивилизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989.
2. Народное хозяйство СССР в 1987 году. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1988.
3. История социалистической экономики. Т. III. М.: Наука, 1977.
4. *Немчинов В. С.* Избранные произвеления. Т. 4. Размещение производительных сил. М.: Наука, 1967.
5. 50 лет ленинского плана ГОЭЛРО: Сборник материалов. М.: Энергия, 1970.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М.: Госполитиздат, 1952.
7. *Зуйков В. Н.* Создание тяжелой индустрии на Урале (1926—1932 гг.). М.: Мысль, 1971.
8. *Валентинов Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т.2. М.: Издательство политической литературы, 1983.
10. Декреты Советской власти. Сборник документов. Т. 1. М.: Наука, 1969.
11. *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности (очерки истории ВСНХ 1917—1932 гг.). М.: Мысль, 1966.
12. *Авдаков Ю. К.* Организационно-хозяйственная деятельность ВСНХ в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.). М.: Издательство МГУ, 1971.
13. *Коваленко Д. А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 годах. М.: Наука, 1970.
14. История народного хозяйства Урала (1917—1945 гг.). Ч. 1. Свердловск: Издательство УралГУ, 1988.
15. *Коваленко Д. А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 годах. М.: Наука, 1970.

16. Сделаем Россию электрической. Сборник воспоминаний участников Комиссии ГОЭЛРО и строителей первых электростанций. М.; Л.: Энергия, 1961.
17. *Кржижановский Г. М.* Хозяйственные проблемы Советской республики и работы общеплановой комиссии (Госплана). Вып. 1. М.: б\и, 1921.
18. Глеб Максимилианович Кржижановский. Жизнь и деятельность. М.: Мысль, 1977.
19. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 51. М.: Политиздат, 1973.
20. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 52. М.: Политиздат, 1973.
21. *Цакунов С. В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: Россия молодая, 1994.
22. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1971.
23. Протоколы Президиума Госплана РСФСР за 1921 год. Т. 1. М.: Экономика, 1979.
24. *Шамбаров В.* Белогвардейщина. М.: Алгоритм, 1999.
25. *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952.
26. *Шишкин В. А.* Власть. Политика. Экономика. СПб.: Изд-во Черновых, 1997.
27. *Гинзбург С. З.* О прошлом для будущего. М.: Мысль, 1986.
28. *Голубцов В. С.* Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917—1923 гг.). М.: Издательство МГУ, 1975.
29. *Хромов С. С.* Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте 1921—1926 гг. М.: Мысль, 1977.
30. *Рыков А. И.* Избранные произведения. М.: Экономика, 1990.
31. *Звездин З. К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. Становление социалистического планирования в СССР. М.: Наука, 1979.
32. *Поляков. Ю. А.* 1921-й: победа над голодом. М.: Политиздат, 1975.
33. *Хаммер А.* Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М.: Прогресс, 1989.
34. *Шамбаров В.* Государство и революция. М.: Алгоритм, 2001.
35. *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Б/м: СП «Софист»-ИРУ «Информиздат», 1990.
36. *Каганович Л. М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996.

37. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991.
38. *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991.
39. Валериан Владимирович Куйбышев. Биография. М.: Политиздат, 1988.
40. *Хавин А. Ф.* У руля индустрии. М.: Политиздат, 1968.
41. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970.
42. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия»-МП «Октябрь», 1991.
43. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 4-е изд. Т. 25.
44. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 4-е изд. Т. 27.
45. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991.
46. *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография 1888—1938. М.: Прогресс, 1988.
47. *Хромов С. С.* Ф. Э. Дзержинский во главе металлопромышленности. М.: Издательство У, 1966.
48. *Лельчук В. С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975.
49. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) 18—31 декабря 1925 года. Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926.
50. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1954.
51. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1954.
52. *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: «РОССПЭН», 1996.
53. *Волкогонов Д. А.* Сталин. Политический портрет. В 2-х кн. Кн. 1. М.: АСТ-«Новости», 1998.
54. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1928. Т. 1. М.: Политиздат, 1968.
55. Как социал-фашисты готовят войну против СССР. М.: Партиздат, 1932.
56. Внешняя торговля СССР за 1918—1940 годы. Статистический обзор. М.: Внешторгиздат, 1960.
57. *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1953.
58. *Залужная Д. В.* Транссибирская магистраль. Ее прошлое и будущее. Исторический очерк. М.: Мысль, 1980.

59. *Бухарин Н. И.* Путь к социализму. Новосибирск: Наука, 1990.
60. Индустриализация СССР 1929—1932. Сборник документов. М.: Наука, 1969.
61. *Хавин А. Ф.* Краткий очерк истории индустриализации СССР. М.: Издательство политической литературы, 1962.
62. О Серго Орджоникидзе. Воспоминания, очерки, статьи современников. М.: Издательство политической литературы, 1986.
63. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1954.
64. *Костюченко С., Хренов И., Федров Ю.* История Кировского завода 1917—1945. М.: Мысль, 1966.
65. *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. М.: Издательство политической литературы, 1989.
66. *Куртуа С., Верт Н., Паселе Ж.-Л. и др.* Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

Документально-историческое издание

Дмитрий Николаевич Верхотуров

СТАЛИН. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Редактор *А. Буровский*
Младший редактор *Н. Пастухова*
Художественный редактор *Л. Чернова*
Технический редактор *Н. Ремизова*
Корректор *Е. Харханов*
Верстка *Л. Калашниковой*

Подписано в печать 09.06.05.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 3000 экз. Изд. № 05-7692. Заказ № 961.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23
«ОЛМА-ПРЕСС» входит в группу компаний
ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16